

ФЕВРАЛЬ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1970 г.

ПИОНЕР

Письмо с фронта капитана Масловского

Ну вот, мой милый сын, мы больше не увидимся. Час назад я получил задание, выполняя которое живым не вернусь. Этого ты, мой малыш, не пугайся и не унывай. Гордись такой гордостью, с какой идет твой папа на смерть. Не каждому доверено умирать за Родину. Приму все меры, чтобы это письмо переслали тебе, а ты с ним будь осторожнее, не пугай свою бабусю.

Славному городу Ленина — колыбели революции грозит опасность. От выполнения моего задания зависит его дальнейшее благополучие. В ожидании машины роюсь в неугомонных мыслях, с молниеносной скоростью задаю сам себе вопросы и тут же даю ответ. Одним из первых вопросов будет такой: какие силы помогают мне совершить мужественный поступок? Воинская дисциплина и партийный долг. Это, сын, запомни раз и навсегда... Рассказываю тебе обо всем подробно, хочу, чтобы ты знал, кто был твой отец, как и за что отдал жизнь.

У меня есть сын. Жизнь моя продолжается, вот почему мне легко умереть. Я знаю, что там, в глубоком тылу, живет и растет наследник моего духа, сердца, чувства. Я умираю и вижу свое продолжение. Сын, ты в каждом письме просил и ждал моего возвращения домой с фронта. Без обмана: его больше не жди и не огорчайся, ты не один. При жизни нам, сынка, мало пришлось жить вместе, но я на расстоянии любил тебя и жил только тобой. Вот и сейчас думается, хоть я буду мертв, но сердце продолжает жить тобой, даже смерть не вытеснит тебя из моего скупого сердца.

В своем прощальном письме прошу командование определить сына воспитанником Суворовского военного училища, желательно в Ленинградскую область: это для того, чтобы он мог посетить Поддорский район, Сокольский сельсовет, потому что возле деревни Хлебоедово закончит жизненный путь его отец.

Прощай, мой сын, прощай, дорогая жена!

Поля, Юра! Жена, сын! Радость вы моя, кровь моя, жизнь моя. Люблю, люблю до последней капли крови!

4 января 1944 г.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ФЕВРАЛЬ **2**

Издательство «Правда»

1970 г.

Новый номер, новый месяц, новый Ключик.
Здравствуй, читатель!

Продолжаем публиковать повесть
о жизни Владимира Ильича Ленина.
В этот раз мы расскажем
о штурме Зимнего дворца, о Революции.

О чем пишут взрослые газеты?
Найди. Прочти. Узнаешь.

В нашем Ленинском кабинете
ты прочтешь о том, как постоянно,
даже в самые трудные времена,
Владимир Ильич думал о детях.

Начинаем печатать новую повесть. Она называется «Зимородок»
и рассказывает о поисках человека,
взорвавшего в немецком тылу мост.
Говорят, он погиб, но герои повести в это не верят...

Рассказ о Сталинградской битве и подробная карта.
Разгром и окружение фашистской армии.
330 тысяч пленных. Полная победа нашего оружия.

Разговор о жадности... Только жадность тут особого рода.

Китенок попал в беду. Что случилось с ним
и как его спасали, ты узнаешь, прочитав об этом рассказ.

Рассказываем о нашей стране, о самом ее краешке,
куда с большим трудом добрался наш корреспондент.

Радиостанция «Здравствуй!» передает сигнал: «Нужна подмога!
Умеющие делать хорошие пулеметы
— из дерева, конечно,— отзовитесь!»

В театре «Фонарик» новая и смешная пьеса «Город дураков».

О детстве, о первых поражениях и победах на ринге
рассказывает боксер-чемпион.

Трое Неизвестных вернулись из путешествия
и тут же взялись за дело.

Девочка Калинка, великий Шах-шахматист,
многочисленные Сороки и Дед-Буквоед —
все по местам, каждый в своем отделе и ждут тебя, читатель,
с нетерпением и с интересом.

Юрий ЯКОВЛЕВ

ЗИМОРОДОК

ПОВЕСТЬ

Рисунки Л. КАТАЕВА.

1

Ветер раздувал купол парашюта, и натянутые стропы волокли бойца по мокрой траве. Он был похож на парусный корабль, который буря выкинула на берег. Попробовал встать. Сделал шаг — левая нога подломилась и стала проваливаться в землю. Он снова упал.

Ночь шла на убыль. Край неба позеленел, и звезды померкли, растворились в зеленом свечении востока. Но на западе небо было еще темным и звезды стояли на своих местах.

Он стал подтягивать купол парашюта. Стропы натянулись сильней. Парашют упирался. Вздрагивал. Вырывался из рук. Они довольно долго боролись — человек и парашют,— пока бойцу наконец удалось подмять под себя шелковый купол. Он перевел дух и стал закидывать парашют валежником и камнями. Он ползал на коленях и собирал все, что попадалось под руки, чтобы замаскировать парашют.

На бойце был пиджак, застегнутый на три пуговицы. Брюки и ботинки — тоже гражданские. Еще при нем был мешок, перевязанный веревкой. Когда с парашютом все было покончено, боец снова попробовал встать. На этот раз осторожно, с опаской. Острая боль подкашивала ногу. Вероятно, где-то в ступне был вывих. Он попрыгал на одной ноге, нашел палку. С палкой дело пошло лучше. Поднял с земли мешок и медленно двинулся вперед.

Вдалеке, между стволами деревьев, стальной полоской поблескивала река. И виднелись фермы железнодорожного моста. В сплетении металла была какая-то нереальная легкость. Но с каждым шагом мост приближался и становился все громаднее и тяжелее. И боль в ноге усиливалась, словно это зависело от приближения к мосту.

Минут через пятнадцать он обессилел от боли и от тяжелой ноши и упал в траву. От крупной росы пиджак его вымок. Одна пуговица оторвалась.

Так он долго шел и падал, шел и падал... И мост надвигался на него с неотвратимой силой.

Спустя много лет после войны мальчишки со станции Река нашли в лесу странный, полуистлевший предмет. Они долго перебирали его в руках, очищали от земли, тянули в разные стороны брезентовые лямки, пока наконец не дошли своим умом, что это парашют. Лямки и стропы сохранились хорошо, сам же купол местами истлел.

Ребята не знали, что делать с парашютом. Им никогда не доводилось играть с такой огромной вещью. Они принялись бегать по лужайке и тащили парашют за собой. Было безветренно, и купол не отрывался от земли, а волочился, приминая траву.

Ребята со станции Река долго ломали голову, к чему бы им приспособить старый парашют.

2

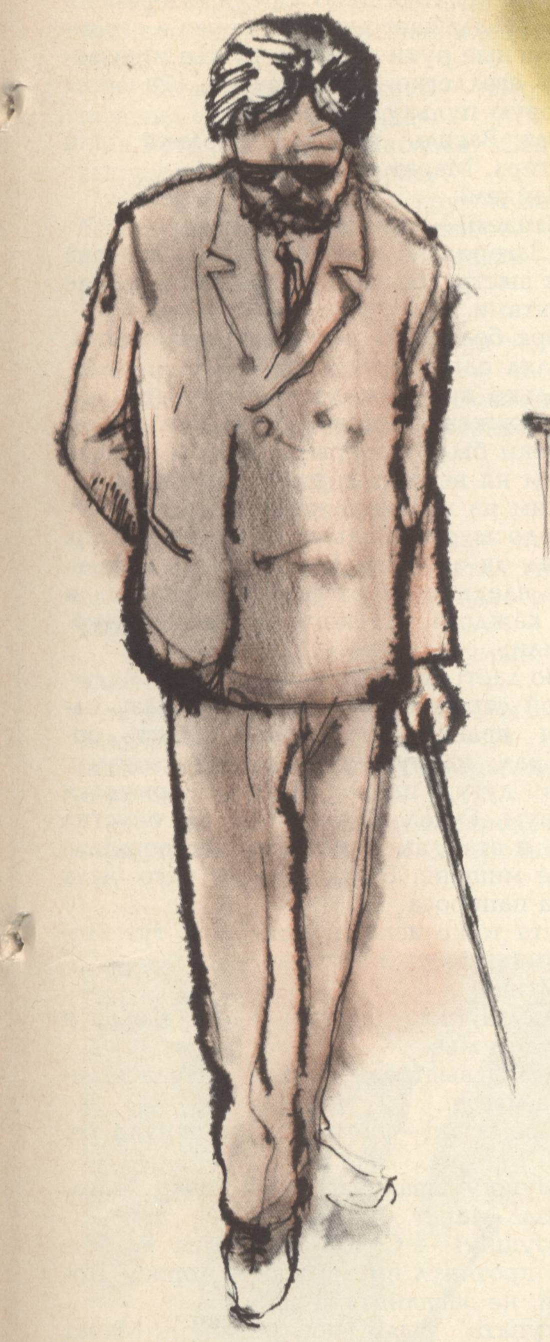
На уроке зоологии в классе завелась кукушка. Она перелетала с парты на парту и подавала голос:

— Ку-ку. Ку-ку.

Мало того, что кукушка меняла место, она меняла и голос. Ее голос звучал то густо, раскатисто, то пискливо, еле слышно. Может быть, в классе завелось несколько кукушек?

На самом деле кукушка была одна. Она никуда не летала и не куковала на разные лады, а неподвижно сидела на учительском столе — рябенькая, желтоглазая, с вытянутым хвостом. Она была чучелом.

Куковали птицы бескрылые, с пальцами в чернильных пятнах, в куртках с потер-

тыми локтями. Они играли с учителем в «кукушку». Они навязали ему эту игру, в которой победить могли только его выдержка и терпение.

— Ку-ку!

Учитель видел, как жиденькая челка девочки мелькнула и скрылась за спиной сидящего впереди. Он узнал ее голос — низкий, с едва заметной хрипотцой. Через мгновение девочка вынырнула и смотрела на учителя как ни в чем не бывало. Ее глаза весело горели. Учитель поморщился и сказал:

— Зоя Загородько, встань!

Девочка нехотя поднялась и поправила челку.

— Я не куковала.

И весь класс загудел:

— Она не куковала.

Учитель сделал вид, что он не слышит ни дерзкой кукушки, ни гула, он продолжал рассказ.

— Внутренние опахала первостепенных маховых перьев у кукушки одинаковые, без белого или зубчатого рисунка.— Учитель рассказывал и ходил по рядам, заложив руки за спину, при этом голова его была слегка наклонена вперед.— Крайние перья — с крупными белыми пятнами на вершинах...

В это время совсем рядом за спиной учителя прозвучало густое:

— Ду-ду!

Учитель прервал свой рассказ и, не поворачивая головы, сказал:

— Василь, ты неправильно кукуешь. Впрочем, существует кукушка, которая, как удод, издает звук «ду-ду». Она называется «глухая кукушка».

В классе раздался смех. Кто-то крикнул:

— Глухая кукушка!

Василь был сражен. Он заерзал на парте. Уши покраснели, а верхняя губа поднялась домиком. Мальчик почувствовал, что к нему прилипает прозвище «глухая кукушка». А Сергей Иванович — так звали учителя — даже не повернул головы, шел себе по проходу.

Он был невысокого роста. С массивной головой. Всклокоченные волосы, темные, с частыми белыми нитями, борода и усы. В этой буйной растительности, закрывавшей почти все лицо, поблескивали большие очки с задымленными стеклами. Голос у него был глухой, как бы доносившийся из глубины.

— Кстати, кроме глухой кукушки, в мире существует около ста видов: кукушка-отшельник, кукушка-подорожник, испанская кукушка, желтоклювая, изумрудная, траурная...

В это время на третьей парте поднялась рука.

— Что ты, Марат? — спросил учитель.

Скрипнула парта. Мальчик встал. Насмешливые коричневые глаза в упор смотрели на учителя, а широкие скулы — на каждой по щепотке веснушек — стали от улыбки еще шире. На мальчике был военный ремень, широкий, с медной пряжкой, и брюки «техасы» с изображением ковбоя на заднем кармане, эти брюки вечные. Смотря для кого! Две заплатки свидетельствовали, что и вечным приходит срок.

Борясь с улыбкой, Марат спросил:

— Сергей Иванович, какая птица начинается с «ка» и кончается на «ква»?

По классу прокатился смешок. Кто-то на задней парте прокуковал.

Учитель пристально посмотрел на мальчика и сухо сказал:

— Во-первых, на уроке надо слушать, а не решать кроссворды. Для кроссвордов можно найти более подходящее время. А во-вторых, надо не куковать, а крякать. Эта птица — кряква, утка-кряква.

Марат замолчал. Урок продолжался, а Василь все ерзал на месте: «глухая кукушка» не давала ему покоя, и он думал, кому бы спихнуть это прозвище. Рядом с ним сидела тихая девочка в больших очках. Василь покосился на свою соседку, поднял руку и спросил:

— Сергей Иванович, а бывает... слепая кукушка?

Учитель пристально посмотрел на Василя и спокойно ответил:

— Слепой кукушки не бывает. Бывает еще фазанья, воробьиная, ящерная...

И тут учитель заметил, что Василь смотрит на свою соседку и его рот расплывается в недоброй улыбке, а на глазах соседки блестят слезы. Учитель нахмурился. Молча прошелся по классу, держа за спиной руки. Потом он остановился около Василя и то ли в шутку, то ли серьезно сказал:

— Советую тебе, Василь, выучить все виды. Потренируешь память и реже будешь задавать глупые вопросы. Очень полезно! А теперь, люди-человеки, займемся повторением домашних птиц. Напоминаю вам, что впервые дикие куры были приручены в Индии. Надеюсь, что по этому случаю никто не будет кукарекать?

3

Если у вас неожиданно заведутся деньги и вам захочется пострелять, спросите любого мальчишку, и он приведет вас к большому серому дому, где в подворотне разместился стрелковый тир. Подворотня длинная и узкая, как тоннель. И выстрелы под ее сводами звучат не щелчками, а раскатисто и хлестко. Здесь, за железным прилавком, отполированным локтями, сидит огромная бабка и вяжет чулки. Гремят выстрелы, а она постукивает спицей о спицу, делает свое дело. Время от времени бабка откладывает вязанье, берет в огромные красные руки духовое ружье и разламывает его легко, как прутик. Заложит свинцовую пульку — стреляй.

Марат, Василь и Зоя Загородько шли мимо тира. Марат предложил:

— Зайдем!

— Зайдем,— согласился Василь.

Зоя Загородько хотела сказать, что она боится выстрелов, но промолчала и пошла за ребятами.

В тире болталось несколько мальчишек, а стрелял один взрослый. Седой. Хотя лето только приближалось, этот взрослый был обожжен солнцем. Лоб, скулы, впалые щеки были покрыты грубым, замешанным на ветру загаром, делавшим его похожим на краснокожего индейца, а белые волосы еще больше оттеняли загар. Стрелял он здорово. Без промаха. Мальчишки следили с открытыми ртами и после каждого удачного выстрела приговаривали:

— Во дает! Во дает!

Седой стрелял в мельницу, и сразу начинали вращаться крылья — значит, попал.. Брал на мушку самолет — самолет, описав дугу, падал вниз. Закрывался шлагбаум. Гудел паровоз. Седой опустил ружье и стал высматривать, не осталось ли еще мишени. В углу рта у него была зажата папироса.

Ребята тоже искали мишень. И тут кто-то из мальчишек крикнул:

— Птица!

— Давай твою птицу,— сказал Седой и вскинул ружье.

Раздался выстрел — птица осталась сидеть на месте.

— Промазал! — тотчас же крикнули ребята.

— Мушку заваливаете,— с видом знатока сказал Марат.

— Мушку? — Седой оглянулся на Марата и протянул ему ружье.— Держи! Попробуй, не заваливая мушку.

Отступать было невозможно. Марат взял ружье, уперся локтями в прилавок и стал старательно целиться. Он чувствовал, что за ним наблюдают все посетители тира, и Седой, похожий на индейца, тоже не сводит с него глаз.

Хлопнул выстрел. Не улетела птица. Осталась сидеть на ветке. Марат молча опустил ружье.

— Мазила! — сказал кто-то.

Седой ничего не сказал. Он зарядил ружье и снова стал целиться. И — промахнулся.

— Промазал! — радостно крикнули зрители.

— Что это еще за птица? — недоумевал

Седой, разглядывая небольшую остроклювую птицу.

— Зимородок,— сказал Марат, и его насмешливые коричневые глаза заблестели.

— Есть такая птица — зимородок,— пояснил «глухая кукушка».

— Есть такая,— согласился Седой, не выпуская изо рта папиросу.

— Он долбит норку в крутом берегу. И бесстрашно ныряет за рыбой,— вмешалась в разговор Зоя Загородько.— Не верите?

— Верю,— ответил Седой.

И ребята заметили, что он задумался. Все рассматривал птичку и о чем-то думал. Бабка тоже обратила внимание на это и, не отрывая глаз от вязанья, пробасила:

— Птица не работает.

И застучала спицами.

— Зи-мо-родок,— растягивая слоги, тихо сказал Седой. Он не обратил внимания на слова старухи.— Я знал одного Зимородка.

— С короткой шеей и прямым острым клювом? — спросил Марат.

— Не помню, какой у него был клюв,— задумчиво произнес Седой.— И шею не помню. Но котелок у него варил довольно странно.

— У какого Зимородка варил котелок странно? — спросила Зоя Загородько.

— У того, что нырял за рыбой,— ответил Седой и стал раскуривать погасшую папироску. Потом он усмехнулся и сказал: — До сих пор не понимаю, как я согласился. По молодости лет. Будь я тогда седым, стреляным воробьем, не стал бы связываться с этим Зимородком...

Папироска разгорелась, и память Седого оживала и тоже как бы разгоралась. И постепенно не стало тира. И сам Седой стал не седым, а темноволосым, подстриженным под полубокс, с коротенькой косой челкой. На нем появился синий замасленный комбинезон, стянутый ремнем. А за спиной на ремне — кобура с пистолетом. Летный кожаный шлем болтался на руке, как подстреленная птица. А папироска была зажата в уголке рта...

Вместо тира появилась небольшая полянка. По краям кусты. В кустах самолетик с задранным носом, пятнистый, почти незаметный на фоне травы и листьев. Крылья, как этажерка,— в два ряда, по два крыла с каждой стороны. Кукурузник.

Летчик — тогда еще не седой — стоял окруженный партизанами и говорил:

— Я мог бы забросить вашего человека в район Нового моста, но, как вы понимаете, садиться там негде — кругом немцы. А парашюта у меня нет.

Все слушали его, думали о чем-то. И вдруг кто-то сказал:

— У нас где-то был парашют. С прошлого года...

— Его, наверное, на бинты разрезали.

— Нет, он лежит под нарами. Я подметал — видел.

— Не годится этот парашют. С ним человек разбился насмерть. Прыгнул, а парашют не раскрылся.

— Может быть, неправильно сложили,— сказал летчик.— Девчонки ведь складывают, а что у них на уме, у девчонок? Потом парашюты не раскрываются.

— Может быть, девчонки, а может быть, и не девчонки,— заметил командир.— А человек разбился. Кто с таким парашютом прыгать будет?

И тут вперед вышел парень, худой, хрупкий, совсем молоденький. В штатском пиджачке на трех пуговицах. Он вышел и говорит:

— Я... прыгну.

— Зимородок! Выдумал тоже! — зашумели партизаны.— Ты хоть парашют видел когда-нибудь?

— Я прыгал... пять раз! — твердо сказал парень.

Командир вспыхнул:

— Нам смертники не нужны. Нужны живые бойцы. У нас нет такого инкубатора, который поставлял бы бойцов в нужном количестве.

— Я прыгну! — повторил Зимородок.

— Не разрешу,— отрезал командир.

— Так ведь выхода нет.

Командир задумался.

— Я тебе лошадь дам,— сказал он.— На лошади сидеть умеешь?

Зимородок ничего не ответил. Только через некоторое время все же разыскал парашют и притащил его летчику. Отряхнул с него хвою и землю и разложил на траве.

— Проверь, пожалуйста!

Летчик отбросил папироску и сказал:

— Посмотреть я могу. И складывать я умею. Нас учили. Но если есть в парашюте неисправность, я не замечу. Не знаю тонкостей.

Он опустился на колени и стал укладывать парашют, и Зимородок помогал ему, расправлял стропы, придерживал купол, который от легкого ветра поднимался и опадал как живой.

— Ты только не говори командиру,— попросил Зимородок.— На лошади я никуда не успею. А ты меня в два счета подбросишь.

— Черт с тобой! — сказал летчик.

Перед самым вылетом, когда уже стемнело, Зимородок с помощью летчика стал надевать парашют. Летчик помогал ему подгонять лямки, а Зимородок старался все делать сам, но получалось у него все-таки как-то неловко. На гражданском пиджачке ранец и лямки выглядели нелепо, они как бы связали парня по рукам и ногам.

Летчик помог Зимородку забраться в кабину. Подал ему мешок со взрывчаткой. И натянул на себя шлем. Загрохотал двигатель. Самолетик затрясло, залихорадило. Он сорвался с места и побежал по лугу.

Через некоторое время, уже в полете, Зимородок наклонился к летчику и потряс его за плечо:

— Послушай, что надо делать, чтобы парашют раскрылся?

— Ты же прыгал...— Летчик резко повернулся к своему пассажиру.

— Не прыгал я,— признался Зимородок.

— Что же ты голову морочишь? — закричал летчик.— Возвращаюсь!

— Не ори! Тише! Спокойствие! — Молодой партизан крепко сжал плечо летчика.— Договоримся тихо. Инструкцию помнишь?

— Помню,— опешил летчик.

— Говори по инструкции.

— Надо дернуть за кольцо. Это я без инструкции помню.

Зимородок очень спокойно сказал:

— Вот и все... Вот и ладно...— Потом он затих, долго копался и снова спросил: — Что-то я не найду кольца.

— На передней лямке! — из своей кабины закричал летчик.— Слушай, ну тебя к черту, я возвращаюсь!

— Не шуми. Я нашел кольцо. Я дерну.

Летчик был в полной растерянности. Он не знал, что ему делать, и громко, чтобы перекричать грохот двигателя, честил своего пассажира:

— Сдался ты на мою голову! Встречаются же такие зимородки!

— Встречаются же такие зимородки!— сказал Седой и вышел из тира.

Марат, Василь и Зоя Загородько немного еще потоптались у «огневого рубежа» и тоже вышли из тира. Седой шел сам по себе, а ребята сами по себе. Ничто их не связывало. Но какая-то непрочная ниточка продолжала тянуться от летчика к ребятам.

— Дурной какой-то Зимородок,— пробурчал Василь.

— Встречаются такие чудаки,— сказала Зоя Загородько.

Марат молчал, занятый своими мыслями. Но Зимородок будил в нем любопытство.

— Чудаков на свете много,— сказал он.— Но кто из-за своего чудачества станет рисковать жизнью? Ты рисковал жизнью? — вдруг спросил он Василя.

Тот замотал головой.

— А ты, Зоя Загородько?

— Я болела дифтеритом, и врачи говорили маме...

— Не то! — отрезал Марат.— Интересно, как этому Зимородку удалось прыгнуть?

— А он не прыгал,— с уверенностью сказал Василь.— Летчик привез его обратно. С таким хлопот не оберешься.

Но Марат пропустил слова друга мимо ушей.

— Как же он прыгнул?.. Подождите!

Марат неожиданно прибавил шагу. Среди прохожих он искал глазами Седого. Ребята потянулись за ним. Наконец на другой стороне показалась белая голова. Седой стоял на остановке, ждал автобуса.

Марат перебежал на другую сторону и подошел к бывшему летчику.

— Скажите, как он прыгнул... Зимородок?

Седой удивленно посмотрел на мальчика.

— Зимородок-то? — Он усмехнулся. — Я сам толком не знаю. Мы попали под заградительный огонь. Вероятно, в этом месте наши бомбардировщики шли через фронт. Я лег на левое крыло, чтобы сделать вираж и вернуться. Зимородок вцепился мне в плечо: «Ты куда?» Я ему крикнул: «Отвяжись!» Тут снаряд разорвался совсем близко. Машину швырнуло в сторону. Наконец мне удалось прижаться к лесу. Когда все стихло, я оглянулся. Сзади уже никого не было. Улетел Зимородок.

— Как улетел? — спросил Марат.

— Не знаю... Может быть, когда я ему крикнул «Отвяжись!», он отвязался от сиденья. И выпрыгнул. А может быть, вывалился на крутом вираже. Мне было не до него.

— Ну, да... не до него...— задумчиво повторил Марат.

В это время подошел автобус и увез Седого.

И когда автобус отъехал от остановки, Маратом овладело какое-то странное, щемящее чувство, словно на этом пыльном городском автобусе уехал не случайный знакомый, Седой, а отчаянный парнишка по прозвищу Зимородок.

— Улетел Зимородок,— одними губами произнес Марат.

— Да ладно тебе! — Подоспевший Василь ткнул его локтем в бок.

А Зоя Загородько потянула Марата за рукав.

— Но как он приземлился? — Марат сорвался с места и побежал за автобусом.

Главное было узнать, как он приземлился! Но автобус был уже далеко. Марат остановился. Ребята догнали его.

— Надо будет разыскать Седого. Как это я упустил его? Может быть, твой отец знает его? — спросил он у Зои Загородько.— Летчики все знают друг друга.

— Я спрошу,— пообещала Зоя.

И все трое пошли своей дорогой.

4

Уехал Седой. Улетел Зимородок. Течение времени подхватило троих одноклассников и понесло их дальше. И ничего в их жизни не изменилось. Но маленькое, незаметное зернышко, оброненное бывшим летчиком, неожиданно проросло в сердце Марата. Зимородок как бы встал за его плечом, в пиджачке, изрядно помятом лямками парашюта, и глуховатым голосом спросил:

«Послушай, что надо сделать, чтобы парашют сработал?.. Я ни разу не прыгал... Куда запропастилось это кольцо?..»

Было в Зимородке что-то неокрепшее и даже беспомощное, и вместе с тем его поступками двигала отчаянная отвага. Ему было труднее, чем закаленным, опытным бойцам, но он надел парашют, снятый с погибшего солдата. Он просто делал свое военное дело, не задумываясь о том, что это может стоить ему жизни. А может быть, он, неумеха, просто не научился дорожить жизнью?

Сам того не замечая, Марат привязался к Зимородку, и между ними завязалась таинственная, никому не ведомая дружба. Теперь Марат все чаще искал ответа на вопрос: раскрылся парашют или был действительно неисправным? Был ли взорван мост? Жив Зимородок или погиб? На эти вопросы мог ответить только Седой.

Марат отправился в тир в надежде встретить летчика.

В тире шла своя, раз и навсегда заведенная жизнь. Несъеденные завтраки обращались здесь в маленькие свинцовые пульки, которые чаще летали «за молоко» и значительно реже со звоном ударялись в металлические кружочки. Приходили в тир и взрослые, которые в свое время держали в руках куда более грозное оружие и стреляли не по мишеням, а по врагу. Бывшие фронтовики проверяли в тире глаз и руку.

Марат перешагнул порог и подошел к «огневому рубежу». Бабка сидела неподвижно, как неживая, и только в ее толстых, красных пальцах электрическими искорками вспыхивали кончики проворных спиц.

— Здравствуйте!

Бабка не ответила на приветствие.

— К вам не заходил такой... Седой?

— Разные ходят. И седые и лысые. Стрелять не будешь? Тогда проходи, проходи...

— Мне он очень нужен.

Ничего не трогало бабку. Она целиком ушла в свою работу.

— Мне надо узнать про Зимородка!

— Птица не работает. Птица на ремонте,— буркнула бабка.

Ничего она не поняла. Ничего не чувствовала. Деревянная, оловянная, каменная!

Зимородок уходил от мальчика. Но чем больше он отдалялся, тем сильнее тянуло к нему Марата.

В тире гремели выстрелы.

Друзья давно забыли о седом летчике и его рассказе. Они как бы оставили Марата и Зимородка одних в тревожной безвестности. Марат решил пойти в музей.

В музее маленький чернявый человек в золотых очках спросил Марата:

— Тебя интересует Новый мост на станции Река?

— Его должны были взорвать.

— Тебе это известно? — Чернявый человек наклонил голову набок.

— Был приказ: взорвать Новый мост. И был человек.

— Это надо еще доказать.— Маленький человек сверкнул очками.— Подожди.

Он ушел куда-то, оставив мальчика в зале, уставленном старым оружием и другими предметами, которые в свое время были обыкновенными вещами, а теперь стали музейной редкостью. Может быть, под музейным стеклом хранится смятый пиджачок гражданского покроя...

Мальчик не заметил, как в зале снова появился чернявый.

— Новый мост был действительно взорван. Произошло это 23 августа 1943 года. Взрыв моста заморозил несколько фашистских эшелонов с горючим и боеприпасами. И обеспечил успешные действия нашей армии. Кто взорвал мост, не установлено.

— Мост взорвал Зимородок,— твердо сказал мальчик.

— Зимородок! Странная фамилия... Но это надо еще доказать!

Это надо еще доказать! А пока это не доказано, не существует ни Зимородка, ни его подвига. И то, что он полетел с парашютом, который мог не раскрыться, ровным счетом ничего не значит. И то, что мост был взорван, тоже не в счет?!

Глаза Марата, насмешливые, коричневые глаза, сердито заблестели, и он спросил:

— Если имя не доказано, значит, подвиг совершен никем?

— Почему никем? — Человек в золотых очках сохранял спокойствие.— Неизвестным солдатом.

— Когда солдаты уходили на войну, у них были имя и фамилия. Почему же, когда они погибли за Родину, они стали неизвестными? Это несправедливо! Мост был взорван. Его взорвал Зимородок.

Чернявый человек пожал плечами и, стуча каблуками, зашагал по залу, а мальчик стоял среди старых орудий и автоматов, и на него со стен смотрели портреты героев.

Но мост взорван — значит, парашют раскрылся, и жизнь Зимородка продлена на час, а может быть, на день. И теперь все в твоих руках: продлить его жизнь дальше или оборвать, потому что это еще надо доказать.

— Главное, что парашют раскрылся,— сам себе сказал мальчик и медленно пошел к двери.

5

Друзья стояли на мосту втроем и, облокотясь на теплые от солнца деревянные перила, смотрели в воду. Вода двигалась и, омывая опоры, завихряясь, образовывала водовороты.

Василь следил за игрой рыбы. Зоя Загородько щурила глаза, стараясь задержать ресницами солнечный зайчик. Марат видел тяжелые железные фермы, скрученные взрывом и выступающие из воды, как остов погибшего чудовища. Зимородок не знал, как раскрыть парашют, но он умел обращаться с толом. С тех пор много утекло воды — этой пахнущей глубинным холодом и травой. Воды — и времени.

А что такое время? Станции! Мимо одних поезд уже промчался, до других еще не доехал. Но как быть, если тебе до зарезу нужно вернуться на станцию, давно оставшуюся позади?

— Ты бы могла прыгнуть с моста в реку? — неожиданно спросил Василь Зою Загородько.

Девочка ответила не сразу:

— Я бы прыгнула, если бы надо было спасти маму.

— Привираешь,— сказал Василь.— Зачем прыгать с моста, когда можно побежать и нырнуть с берега.

— Зимородок не стал бы рассуждать,— сказал Марат.

Василь тихо засмеялся.

— Потеха — этот Зимородок. Седой выдумал его.

— Седой не врет,—твердо сказал Марат.— Кто стреляет без промаха, тот не врет. Кто врет — тот мажет. Мажет и врет.

— Я никогда не вру, а стрелять не умею,— призналась Зоя Загородько, поправляя жиденькую челочку на смуглом лбу.

Но Марат не слушал ее, он смотрел на движущуюся воду. Рядом с ним стоял Зимородок. Он стоял, облокотясь на перила, и смотрел в воду. И от его присутствия в мальчике пробудилась какая-то незнакомая сила. Ему начинало казаться, что он стоит на том самом Новом мосту, который будет взорван. Но это надо еще доказать, а для этого надо прыгнуть. Надо

прыгнуть, как это ни страшно. Зимородку тоже было страшно, он не знал, как действовать с парашютом. Как прыгать: «ласточкой» или «солдатиком»?

Василь следил за игрой рыбы. Зоя Загородько играла с солнечным зайчиком. Они не заметили, как Марат скинул брюки с ковбоем на заднем кармане и свернул улиткой широкий кожаный ремень. Только когда он оторвался от края моста и полетел навстречу бегущей воде, они увидели.

Марат стоял по колено в воде и тяжело дышал. Вода текла по его широким скулам, по шее, по плечам. Одной рукой он придерживал другую. Он был бледен. Веснушки исчезли с широких скул. Коричневые глаза смотрели куда-то вдаль: они улыбались его мыслям.

— Ты жив? — спросила Зоя Загородько, хотя своими глазами видела, что жив.

— Надо было «солдатиком»,— запоздало посоветовал Василь.

— Молчи!— оборвала его Зоя Загородько.— Молчи. Все это глупости. Что у тебя с рукой?

— Не знаю,— ответил Марат, вытирая плечом воду, которая с волос текла в рот.

Он смотрел на друзей, но был озабочен своими мыслями. Голова его гудела. И он еще испытывал на себе холодящее ошеломление, которое началось с того мгновения, когда он оторвался от моста. Его слегка познабливало. Одна рука была тяжелей другой.

— Я теперь поняла,— тихо сказала Зоя Загородько.— Я бы не смогла. И ты бы не смог, «глухая кукушка»!

Она с вызовом посмотрела на Василя.

— Я поеду на станцию Река,— вдруг сказал Марат.

Ребята переглянулись. Что за станция Река, для чего станция Река?

6

— Да, я работала на переезде, когда он взорвал мост. Он появился к утру. Сперва я услышала слабый свист. Как будто под окном пела иволга. Он стоял под окном. За спиной — мешок.

Марат сидел на краешке табуретки и не сводил глаз с худой старухи. Лицо у нее было желтоватым, цвета подсолнечного масла, редкие волосы причесаны на пробор. Платок с выцветшими цветочками сполз с головы на спину и держался на шее, как пионерский галстук.

В маленькой комнате — кровать, стол, бадейка с водой. В углу, покрытый вышитой скатертью, телевизор. Полы чистые, некрашеные, с полосатыми домоткаными половиками. За окном железнодорожные пути.

— Он смотрел в окно. Я не знала, кто он и что ему надо. Не хотела отпирать. Но я баба, а он мужик. А мужики все ходили с оружием. Никакие запоры не помогали. Я сказала: «Чего тебе?» Он ответил: «Отопри». Я отперла.

Зимородок стоял в дверях в смятом пиджаке, перекошенном от мешка, который оттягивал плечо: был очень тяжел.

— Здравствуй, хозяйка,— сказал он тихо и опустил мешок на пол.

Его лица почти не было видно. Сторожка освещалась только слабой полоской занимающейся зари. Хозяйка забилась в темный угол.

— Здравствуй, хозяйка! — повторил он.

— Что тебе надо? — послышалось из темного угла.— Нет у меня ничего. Все, что было, немцы забрали. Хочешь бульбы?

— У меня бульбы целый мешок,— сказал он.— Я в дороге подвернул ногу. Нет ли у тебя тряпицы поплотней?

Хозяйка сторожки несколько осмелела. Вышла из своего темного угла. Зеленая заря осветила краешек ее лица и светлую дорожку пробора. То, что незнакомец ничего не требовал, а спросил перевязать ногу, успокоило ее. Она нашла тряпицу и почти скомандовала:

— Разувайся!

Он снял полуботинок. Штатский. Со сбитым каблуком. Нога у него была чистой и не пахла прелой портянкой. Она подложила под его ступню руку; ступня оказалась холодной, но на подъеме нога вспухла и горела.

— Больно?

— Ты бинтуй, не церемонься.

Она стала осторожно накладывать виток за витком, а он морщился от боли и говорил:

— Крепче! Крепче! Мне ходить надо!

— Где это ты так ногу подвернул? — спросила она.

— Споткнулся на ровном месте,—ответил он и просвистел иволгой.

— Что это за птица?— вздохнула хозяйка сторожки, посмотрела ему в лицо.

— Зимородок... Меня мама родила зимой в санях. С тех пор меня зовут Зимородком. Я мешок поставлю в угол?

Вдалеке послышался гудок паровоза. Хозяйка быстро подхватила большой фонарь с красным и зеленым стеклами и вышла на улицу. Мимо сторожки с грохотом мчался эшелон. Колеса пели и отбивали на стыках чечетку. А на платформах под темными чехлами угадывались очертания танков, похожие на застывших слонов с вытянутыми хоботами. Ей казалось, что зеленый огонек притягивает эту гремящую очередь вагонов.

Когда она вернулась в сторожку, незнакомец спал, подняв воротник пиджака.

Стараясь не наступать на скрипучие половицы, хозяйка подошла к мешку. Вся разгадка незнакомца была в этом мешке.

Она опустилась на колени, развязала узел мешка. Внутри действительно была бульба. Хозяйка осторожно запустила руку поглубже и нащупала что-то холодное и твердое, похожее на уголь. Она вынула из мешка незнакомый предмет. Это был брикет тола.

Женщина не дыша оглянулась на спящего. Он сидел на кровати и следил за ней.

Некоторое время они смотрели друг на друга. Потом он сказал:

— Что теперь будем делать?

И засвистел иволгой.

— Он засвистел иволгой, и мне стало не так страшно. Но я поняла, что ввязалась в историю. За это могут повесить. Он сказал, что ему надо забросить мешок на мост. Спросил, медленно ли идут поезда по мосту. Я сказала, медленно.

В это время зазвонил звонок. И хозяйка сторожки подхватила футляр с флажками, похожий на двустволку, и вышла за дверь, прервав рассказ. Марат пошел за ней.

С той стороны реки, вытянувшись в алую полоску, шел тяжелый состав. Он приближался к мосту. А мост был легким и четким, словно нарисованный черным карандашом на голубой бумаге. Но когда состав побежал по мосту, мост запел. Теперь он был похож на поющую стальную арфу.

— Красивый мост! — сказал Марат.

— Мост как мост,— отозвалась хозяйка сторожки.

На посту она как-то изменилась: вытянулась, приосанилась. Ее рука с желтым флажком застыла на весу. Но Марат заметил, что рука слегка дрожит.

Поезд пронесся мимо переезда, обдав пылью и грохотом мальчика и хозяйку сторожки.

Когда поезд прошел и мост затих, мальчик спросил:

— Что было дальше?

— Другая ночь выдалась дождливой. Мглистой. Прожекторы на мосту уперлись в туман, и дальше им ходу не было. Мы ждали порожнего товарняка. Зимородок подхватил свой мешок с бульбой и сказал: «Пойдем, хозяйка, проводишь меня до околицы».

— Пойдем, хозяйка, проводишь меня до околицы,— сказал Зимородок и поднялся со скамьи.

Хозяйка зажгла тяжелый фонарь и осветила незваного гостя. Ей неожиданно стало жалко этого щуплого парня, который весь согнулся под тяжестью да еще прихрамывал. И не было на нем ни ватника, ни дождевика, а смятый пиджачок. Она заметила, что одна пуговица оторвана, и предложила:

— Давай пришью пуговицу.

Он улыбнулся и сказал:

— В другой раз! Пошли.

— Пошли,— вздохнула хозяйка.— Я выйду первая.

Так они попрощались.

Они очутились под дождем у переезда. Поезд приближался. Земля вздрагивала от ударов колес.

— Я тебя хочу попросить,— сказал Зимородок.— Ты можешь минуты две подержать красный свет?

— Это еще зачем? — Женщина испуганно посмотрела на Зимородка.

— Чтобы поезд притормозил, а то я с кривой ногой не вскочу на подножку.

Она ничего не ответила. Стояла с опущенным фонарем. А он ждал, какой сигнал подаст она машинисту. Состав приближался. Она все медлила. Страх боролся в ней с сочувствием. Наконец она медленно подняла фонарь — выжала его, как гирю. Он тянул руку вниз, но она усилием держала его на уровне головы — красным огнем в сторону надвигающегося эшелона.

Состав стал сбавлять скорость. Заскрипели буксы. Зимородок сказал:

— Давай зеленый.

А она все держала красный. И казалось, что сейчас на глухом переезде, перед надвигающимся немецким эшелоном, она держит красное знамя.

— Давай зеленый! Все дело испортишь!

Она повернула фонарь. И сразу руке стало легче. А мимо уже медленно плыли вагоны.

Он стоял с ней рядом. Но через мгновение она оглянулась — его уже не было. Только был... и исчез. Улетел Зимородок.

— Примерно через час грохнуло, я присела на пол, закрыла руками глаза. Дом тряхнуло. Дверь со скрипом распахнулась. Косой дождь вместе с ветром залетел в дом. Я думала, он вернулся. Не свистела иволга. Я собрала узелок и ушла.

— Он погиб? — спросил Марат.

— Кто его знает, может быть, погиб, может быть, миновала его смерть. У него была легкая рука.

След Зимородка оборвался.

Когда Марат уходил, хозяйка сторожки сказала:

— Есть тут у нас один старожил. Павлов. Он в милиции работает.

Она оставляла мальчику луч надежды.

7

Новый мост взлетел в воздух. Остановилось движение к фронту. Снаряды на время стали безвредными, а бензин бесполезным, как вода. Сколько солдатских жизней спас Новый мост, задержавший смерть. Многие и теперь живы... Но ведь мост не сам взлетел в небо. Был человек, назвавшийся Зимородком. И было у него имя. Мама называла его этим именем, ребята в школе. И на фронт он уходил с этим именем, а не с птичьим.

Зимородок. Бесстрашная птица с прямым, острым клювом. Он ныряет на большую глубину и возвращается с победой. И если он улетает накануне жестокой зимы, то с первыми теплыми днями возвращается к своему гнездовью.

Марат шагал по шпалам. Он спешил, потому что впереди возник просвет. Ему не терпелось отвоевать у забвения еще частичку жизни Зимородка.

В отделении милиции его спросили:

— По вызову?

— Нет, сам.

— Сами в милицию не приходят. Что натворил?

—Ничего я не натворил. Мне нужен товарищ Павлов.

— Так бы и говорил. Вызван к товарищу Павлову.

— Да не вызван я...

— Сиди, жди, вызовут. Как зовут?

— Марат. Я ищу человека.

— Так бы и говорил.

— Я так и говорю.

— Не груби со старшим... Как фамилия человека?

— Нет у него фамилии. Есть прозвище...

— Прозвище? Это по уголовной части. К Павлову. Ну-ка, шагай в ту дверь.

Марат постучал «в ту дверь». Из-за «той двери» крикнули: «Заходи!» Марат вошел. В комнате за столом сидел пожилой грузный человек в белой рубашке.

— Здравствуйте. Мне нужен товарищ Павлов.

— Я Павлов.

На голове у Павлова не было ни единого волоска. Он был лыс, как глобус. Загорелый, обветренный глобус.

— Я по поводу Нового моста. Его взорвали...

— Следопыт? — прервал мальчика Павлов.

— Ищу человека... Хочу знать о нем правду...

— Ищешь правду? — Следователь встал и подошел к окну.— И я ищу. Только мы с тобой, брат, разную правду ищем. Я ищу преступников, а ты героев. Издалека приехал?

— Из города.

— Хорошо,— сказал следователь и провел ладонью по лысой голове. Вероятно, эта привычка осталась у него с тех времен, когда на голове росли волосы, может быть, кудрявые.— Я уважаю людей, которые ищут правду. Конечно, от моей правды мало радости, но без нее жизнь загнила бы! Тебя интересует мост?

— Мост,— сказал Марат, с любопытством слушая следователя.

— Вот он, из окна виден. Новый мост.

Три раза его взрывали и три раза строили заново. В Париже тоже самый старый мост называется Новым. Парадокс!

— Вы знали Зимородка? — в упор спросил мальчик.

— Какого Зимородка?

— Который взорвал мост.

Следователь ответил не сразу.

— Разговор долгий, а мне сейчас выезжать на аварию.— Он задумался и вдруг сказал:

— Поедем со мной?

— Поедем.

Потом они мчались на мотоцикле. Марат сидел сзади в седле, двумя руками ухватившись за ручку. Дорога сбегала с пригорков и бросалась под колеса мотоцикла. И колесо, как жернов, перемалывало дорогу, и сзади поднималось светлое мучное облако.

— Когда я был мальчишкой,— говорил следователь своему пассажиру,— из-за этого моста чуть на тот свет не попал.

— Вы тоже взрывали?

Мотоцикл тарахтел, встречный ветер свистел в ушах, и, чтобы слышать друг друга, спутникам приходилось кричать.

— Ничего я не взрывал. Дело было иначе...

После внезапного взрыва Нового моста фашисты согнали все население станции Река на вокзальную площадь.

Дети плакали. Женщины лихорадочно смотрели по сторонам, словно ждали откуда-то помощи. Старики казались равнодушными, хотя на самом-то деле они так же хотят жить, как и молодые.

— Если вы не выдадите человека, взорвавшего мост, мы расстреляем каждого второго,— объявил офицер.

Люди молчали. Они и в самом деле не знали, кто смельчак, взорвавший мост.

Так они стояли долго. Под палящим солнцем. Какое-то тупое безразличие овладевало ими. Они ждали избавления. Любого избавления от неподвижного стояния под солнцем.

Офицер уходил и возвращался. Наконец он разделил людей на две шеренги.

Люди молчали. У кого-то в руках плакал ребенок. Кто-то надолго закашлялся. Офицер повернулся к шеренге, стоящей лицом к солнцу, и стал гадать: он отрывал лепестки и приговаривал: «Любит—не любит...»

Глаза людей были прикованы к этой ромашке, которая должна была решить их судьбу. Любит — не любит. Лепестков оставалось все меньше. Офицер отрывал их, как крылышки у небольшого белого мотылька. И вот последний лепесток.

— Не любит. Слышите, не любит вас, а любит их.— Он кивнул на правую шеренгу.— Они пойдут домой, а вы отправитесь на тот свет. В последний раз спрашиваю: кто взорвал мост?.. Можете не плакать! Мне не нужны ваши слезы. Мне нужен человек, который взорвал мост... Приготовить два пулемета. Последняя минута на размышление...

Все сжались, втянули головы в плечи. Стиснули руки в кулаки. И на площади установилась напряженная, глухая тишина. Казалось, люди затаили дыхание, чтобы ничем не потревожить эту тишину, которой суждено было оборваться вместе с их жизнью.

Но страшную тишину разорвал не выстрел, а голос. Такой негромкий, глуховатый голос:

— Я взорвал мост!

Люди вздрогнули и испуганно обернулись на голос, как в темноте оборачиваются на внезапно вспыхнувший свет. Они увидели невысокого, щуплого парня в по-

мятом пиджаке. Он шел по площади, опираясь на палку. Левая нога как бы проваливалась в землю, но правая, здоровая, ступала твердо.

Фашист, удивленный не меньше остальных таким поворотом событий, все еще держал в протянутой руке белое крылышко «не любит». А парень шел к нему между шеренгами, и десятки глаз — усталых, заплаканных, печальных, темных, непонимающих, прищуренных, широко открытых — провожали его, дарили ему благодарность и прощальный привет.

— Как тебя зовут? — спросил кто-то из стоящих в шеренге.

Парень на мгновение задержал шаг и тихо сказал:

— Зимородок.

И его имя — непонятное, птичье имя — полетело от одного к другому по шеренге, становясь таким же дорогим, как слово «жизнь».

— Всех по домам! — приказал офицер.— Его допросить и расстрелять! Быстро! Быстро!

Офицер сделал движение рукой, и белое крылышко, кружась по ветру, опустилось на землю и больше уже не взлетало.

Белые плоские облака плыли над полем, а тени от них темными пятнами двигались по траве и по набирающим силу хлебам.

Мотоцикл мчался вперед, и пыль оседала на сморщенные ладошки подорожников.

— И его расстреляли? — спросил Марат.

Следователь ответил не сразу:

— Этого я не видел. Нас разогнали по домам... Какие-то выстрелы я слышал. Фашисты могли расстрелять за кусок хлеба, а тут мост... Разве может быть сомнение?

И все-таки представить себе Зимородка мертвым, лежащим на земле Марат не мог. Удивительный боец в помятом пиджаке на двух пуговицах жил в мыслях мальчика, и эту его жизнь никто не властен был оборвать.

Поезд тихо постукивал на стыках. Марат стоял у окна и смотрел на низкие фонарики стрелок, похожие на маленькие сухопутные маячки.

Когда поезд с глухим, медленным гулом начал втягиваться в фермы Нового моста, за плечами Марата встал Зимородок. Усталый, с бессонными глазами, смотрящими как бы из глубины.

«Человек — очень живучее существо,— сказал Зимородок.— В него стреляют, а он поднимается снова, а если не может подняться сам, то вместо него встает такой же, как он, только помоложе и посильней».

«Как это помоложе и посильней?» — спросил Марат.

«А очень просто: я упаду, ты встанешь на мое место. И опять живет человек, работает, борется. Важно, чтобы ты был похожим на меня. Ты вообще-то веришь в чудеса?»

«Не знаю».

«Я в чудеса не верю. Я верю в надежду. Надежда — большая сила. Ты думаешь, человек идет когда-нибудь на верную смерть? Нет! Даже герой. Человек идет в бой с надеждой, что пуля пролетит мимо. И чем больше у человека надежды, тем больше бесстрашия».

Марат следил за маячками, которые всплывали из темноты и исчезали за спиной. И звезды в небе тоже казались маячками — негаснущими маячками надежды.

На другой день друзья уже поджидали его на мосту. Они стояли, прислонясь спиной к перилам, а портфели лежали у ног. Марат подошел к ребятам. Бросил портфель и тоже прислонился к перилам.

— Мост он взорвал. Значит, парашют раскрылся. Только при прыжке подвернулась нога. Но потом его расстреляли.

— Поймали? — спросил Василь.

— Нет, он сам признался.

— Не может быть,— вырвалось у Зои.

— Фашисты хотели расстрелять много людей.

— Заложников? — спросил Василь.

— Людей! — повторил Марат.— Тогда он сказал: «Это я взорвал мост». Людей отпустили, а его повели на расстрел.

— Вот и все! — Василь как бы поставил точку.

— Неужели все? — спросила Зоя.

— Нет, не все,— решительно сказал Марат.— Я должен узнать его имя. Человек, который совершил такое, не может оставаться без имени.

— Конечно, не может,— подтвердила Зоя Загородько. И с этой минуты стала союзником Марата в его поисках.

Марат нагнулся и поднял портфель. И все, как по команде, тоже нагнулись и подняли портфели. И зашагали по мосту в сторону школы.

И каждый раз, когда казалось, все кончено, оборвались следы, поставлена точка и нет никакой надежды, из далеких времен доносился неумолкающий позывной:

«Я — Зимородок! Я — Зимородок!»

Он ждал ответа. Он звал. Он вселял в сердце тревогу.

Нет, нельзя останавливаться. Поиск продолжается. Может быть, можно отвоевать у смерти еще один вздох, еще один островок жизни Зимородка.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Л. МОЧАЛОВ

У МОГИЛЫ СОЛДАТА

Его остановила пуля
у этих сосен на виду.
Он шел еще как бы вслепую,
но покачнулся на ходу.
И замер, шага не окончив,
у елочки, на бугорке.
И прикоснулся колокольчик
к его мальчишеской щеке...

Река и сосны у дороги,
и в синем небе журавли
его надежды и тревоги
на свой язык перевели.
И то, что он когда-то думал,
все это стало навсегда
деревьев вековечным шумом
и тем, о чем звенит вода.

Прислушайся,
осознавая,
как за прозрачной тишиной
чуть шелестит река живая
и лес волнуется живой.

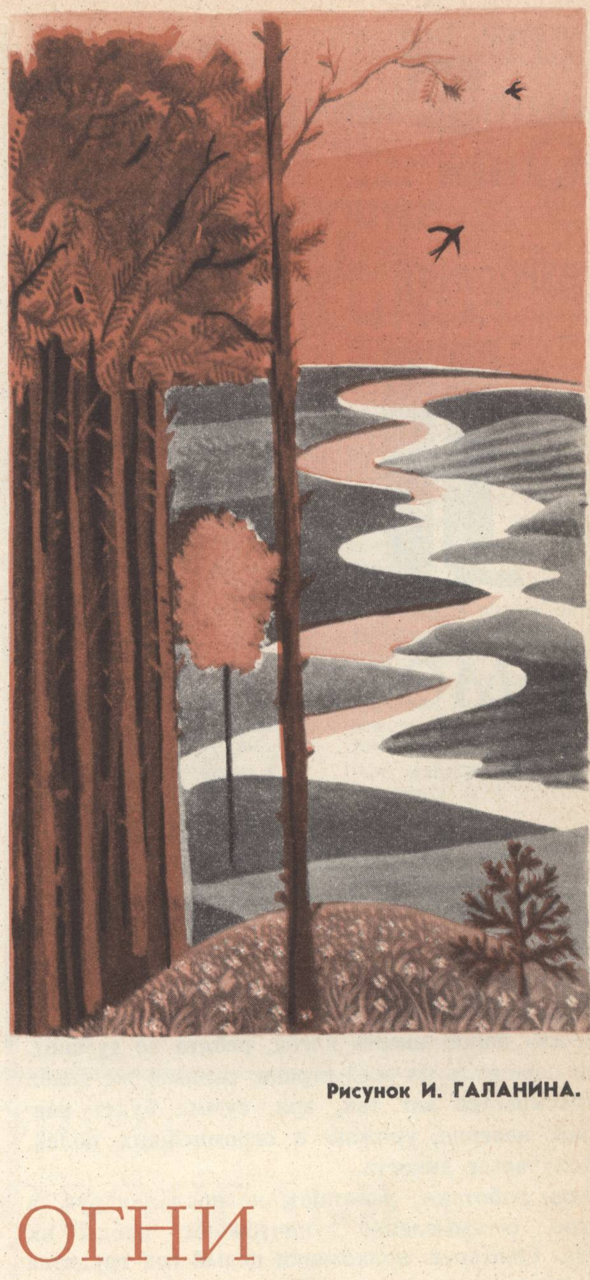

Рисунок И. ГАЛАНИНА.

ЛЕТЯТ ОГНИ

Гул донесется издалека...
К стеклу оконному прильни:
Во тьме не видно самолета,
Но видно, как летят огни.

Там в самолете пассажиры,
Почти забыв про высоту,
Спокойно книги разложили,
Сидят, читают на лету.
А может быть, и просто дремлют,
Но если поглядят они
Вниз, на невидимую землю,
Увидят, что летят огни.
Летят созвездия земные,
Обозначая города.

Летят огни — как позывные
Заботы, радости, труда.
Летят огни вечерних окон,
Летят — со всеми заодно —
В просторе мировом широком
Твое окно, мое окно.

И мы с тобой неудержимо
Полетом их увлечены,
Из осени влетаем в зиму,
Влетаем в лето из весны.

...Вот вы сидите — кофе пьете,
Листаете страницы книг,
Но помните, что вы — в полете,
Нет остановки ни на миг!

● Ломоть хлеба ● Двенадцать секунд до крушения ● История одного новоселья ● Выставка на ладони ● Бегай себе на здоровье! ● Пароль рабочего Канпура ●

ЛОМОТЬ ХЛЕБА

«Однажды я был свидетелем безобразной сцены: группа школьников швыряла друг в друга белыми булками»,— пишет в газете «Правда» житель Донецка.

Он возмущен тем, что ребята не ценят хлеб.

В пионерских отрядах, правда, собирают и металл и старую бумагу, сдают в утильсырье. А о том, как дорог ломоть хлеба, ребята не думают. Если посчитать по всей стране, сколько же хлеба выбрасывается вот так, зря, сумма будет равняться, наверно, урожаю с огромнейших полей.

Получается дикость.

Одни работают, работают, не покладая рук, а другие бессмысленно уничтожают плоды их труда. Смотрите: колхозники целый год трудятся на полях; заводы вырабатывают специальные удобрения; ученые создают новые машины для посева и уборки.

Чтобы появились новые плодородные участки, комсомольцы обживали далекие, степные и пустынные места, целину... А потом, когда хлеб выращен, собран, стал, наконец, богатством и ценностью страны, им вдруг так швыряются...

Ребята должны знать, как дорого ценится хлеб в мире. Некоторые страны продают его и за это могут купить все, что угодно: заводы, нефть, одежду для населения. Хлеб — один из самых важных продуктов питания. В двадцатых годах, когда у нас в Поволжье была засуха, неурожай, там начался голод. Страна еще не обладала запасом зерна, не могла всех накормить, и люди без хлеба умирали.

НАДО ОТНОСИТЬСЯ К ХЛЕБУ ОЧЕНЬ БЕРЕЖНО!

12 секунд до крушения

Случай почти невероятный, неслыханный

Тепловоз, оставленный на перегоне, сорвался и помчался по железной дороге сам, без управления. На полной скорости, вихрем пролетал он станции и полустанки. Никто не мог его остановить. Под уклон его скорость доходила до ста двадцати километров.

А в это же время совсем так, как пишут в задачниках, «из пункта Б» вышел маневровый паровоз, им управлял машинист Александр Иванович Александров. Он ничего не знал про бешеный тепловоз, мчащийся навстречу. Увидел его за двенадцать секунд до столкновения. Машинист и его помощники успели бы еще соскочить на насыпь и спастись. Но тогда два неуправляемых локомотива ринулись бы друг на друга многотонным тараном... Александр Иванович рванул на себя регулятор пара, дал полный задний ход. Он рисковал жизнью,— времени для маневра оставалось мало, очень мало! Предотвращая большую беду, принял удар на себя. Локомотивы столкнулись, но уже не с такой силой. Александр Иванович пришел в себя, оказал первую помощь своим товарищам и бросился тушить пожар: на тепловозе загорелись аккумуляторные батареи.

12 секунд опасности показали, какой же это самоотверженный и смелый человек! Он предотвратил страшную катастрофу.

Бегай себе на здоровье!

Советские бегуны славились раньше во всем мире. А в последние годы наши спортсмены часто проигрывают, особенно на коротких и средних дистанциях. Газета «Советский спорт» рассказала, как двести тренеров собрались, чтобы разобраться, отчего же это произошло. Между прочим, выяснилось, что бегом мало занимаются ребята. Решили создать для юных бегунов школы.

Такие школы есть сейчас во многих странах. В Германской Демократической Республике даже создано общество «Бегай себе на здоровье!». Ведь бег очень полезен для здоровья. Только втягиваться в тренировки надо постепенно.

Вот одна строчка из таблицы «Сколько надо бегать»:

	I месяц	II месяц	III месяц	IV месяц
Девочки 10—12 лет	6 мин.	9 мин.	12 мин.	16 мин.
Мальчики 10—13 лет	8	11	14	17

РАЗУМЕЕТСЯ, РЕЧЬ ИДЕТ О ВРЕМЕНИ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ.

Пароль рабочего Канпура

Канпур — крупный центр индийской текстильной промышленности. Там были очень тяжелые условия труда, рабочие нередко бастовали. Они требовали хотя бы один день в неделю выходной, требовали, чтоб рабочий день длился не больше десяти часов, чтоб наказывали тех мастеров, которые жестоко обращаются с рабочими.

Свои митинги они не могли проводить ни в садах, ни в парках: городские власти запрещали. Тогда стали собираться на пустыре. 52 дня шла забастовка в 1938 году, и каждый день забастовщики собирались на своем пустыре. Собиралось ни много ни мало до двадцати пяти тысяч рабочих. Вот какой это был пустырь.

Своими силами рабочие огородили этот пустырь, посадили там деревья и назвали его именем Ленина. Потому что революционная борьба для них связана с именем Владимира Ильича.

Но власти в городе не хотели, чтоб существовал такой парк. Они назвали его по-своему, другим именем и повесили там медную доску с названием. Но той же ночью доска исчезла. Такая же участь постигла и другие вывески: медные, бронзовые, из камня. Рабочие упорно и молчаливо вели борьбу за свой парк Ленина.

Так городские власти ничего и не смогли поделать. Парк рабочих носит имя Ленина.

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ: ХОРОШИЕ ЛЮДИ

Выставка на ладони

Когда-то было в моде делать крупные вещи. Казалось, чем больше, скажем, станок, тем и лучше. Это представление устарело. Теперь все знают,—чем меньше и портативнее изделие, тем удобнее. Да и меньше идет материала.

Учитель-пенсионер Михаил Григорьевич Маслюк научился мастерить миниатюрные инструменты. Он сделал микромоторчик, не больше макового зернышка, ножницы с лезвиями в два миллиметра и другие вещи.

«Узнав о ваших действительно удивительных способностях, — написала ему кандидат медицинских наук О. К. Федорова,— я просила бы Вас взяться за изготовление миниатюрных инструментов для операций внутри уха».

Михаил Григорьевич сделал эти тонкие инструменты. Другому ученому—биологу он сделал приспособление для операций на насекомых.

Выставка из ста пятнадцати предметов, сделанных им, умещается на ладони.

ИСТОРИЯ ОДНОГО НОВОСЕЛЬЯ

Завод имени Ленинского комсомола строил для своих рабочих большой, двенадцатиэтажный дом. Будущие жильцы знали, кто где будет жить, и нередко заходили в свои пустые, недостроенные квартиры — посмотреть. Многие уже купили новую мебель.

А дела на заводе вдруг осложнились. С конвейера каждые три с половиной минуты должен сходить новенький «Москвич», и, конечно, заранее рассчитано, сколько будет выпущено новых автомобилей в месяц, в год. Два цеха, прессовый и механический, однако, не поспевали за главным конвейером, из-за них мог сорваться весь план. Но оба эти цеха были и не очень виноваты. Там не хватало рабочих, вот что. Все знали, надо нанять обязательно еще, новых. Даже знали, где лучше всего найти хороших работников: в армии, среди демобилизованных солдат. Это парни с выучкой, толковые, точные. Немало, наверно, найдется среди них охотников строить автомобили. Дело интересное, и условия хорошие. Да вот загвоздка: нет у завода свободного жилья. Куда приедет солдат, где поставит свой чемоданчик, где ему жить?.. Был бы свободен вот такой двенадцатиэтажный дом, там бы и поселили. Да как же взять и отнять у старых, заслуженных рабочих их будущее жилье? Они ведь ждали, надеялись.

— Нет, — сказал директор,— у меня рука не поднимется на это...

Положение же было безвыходное.

Тогда решили рассказать все рабочим,— как они решат, так и будет.

Собрались рабочие, выслушали своего директора и разошлись по домам. Тут, на собрании, ничего не решали. Надо же каждому было посоветоваться с семьей. Не так-то просто отказаться от того, что тебя ждет. Особенно, если это не пустяк, не мелочь, без которой проживешь, а квартира, все устройство семьи. Еще тяжелее оставаться в старом домишке, когда вон она тут, на глазах растет твоя новая квартира.

Многие работницы даже плакали. Но никто не посчитался со своими интересами. Даже те, кто двадцать лет проработал, согласились еще подождать. Надо же выручать свой завод...

Сдали строители дом, устроили в нем общежитие, и в каждой квартире поселилось по двое, по трое новых рабочих. Там у них и классные комнаты для занятий и чертежные залы. А внизу, на первом этаже, сделали гостиницу...

Сразу завод ожил — с притоком новых сил.

А рабочие остались там, где жили. Только спустя полгода они перебрались в новые дома.

А. МИТЯЕВ

СТАЛИНГРАДСКОЕ КОНТР-НАСТУПЛЕНИЕ

ЧЕТВЕРТЫЙ РАССКАЗ
О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ

Операция «Голубая»

В 1941 году немецко-фашистская армия захватила значительную часть нашей страны на западе. Однако своей цели гитлеровцы не достигли: Москва и Ленинград не были взяты, Красная Армия не была уничтожена — блицкрига, молниеносной восьминедельной войны, не получилось. Гитлер после поражения под Москвой снял со своих постов три десятка генералов и двух фельдмаршалов.

Германское командование на лето 1942 года разработало новый план ведения войны. Цель оставалась прежней — разгромить Советский Союз. Но захват Москвы и Ленинграда откладывался. Главные удары были нацелены на Сталинград (теперь Волгоград) и Кавказ.

Почему Гитлер и его штаб решили поступить так, а не иначе? Давай разберемся в этом.

Чтобы двигались танки, автомобили, чтобы летали самолеты, нужно горючее. Без горючего машины мертвы. Припасенные гитлеровцами для молниеносной войны запасы нефти и бензина истощились. В июне 1942 года Гитлер прилетел в Полтаву на совещание командиров южной группы войск. «Если я не получу нефти Майкопа и Грозного, я должен буду покончить с этой войной»,—сказал Гитлер. Вот как нужна была нефть фашистам.

Естественно, захватив нефтеносные районы, немцы оставили бы без горючего Красную Армию, ее танки, автомобили, самолеты.

Захват Кавказа давал Германии и другие преимущества. В таком случае у Советского Союза не осталось бы ни одного порта на Черном море, и советский флот неминуемо погиб бы. Союзник Германии — Турция ввела бы свои войска на территорию Грузии, Армении, Азербайджана.

Тем же целям служил и захват Сталинграда. Водный путь, по которому в центр страны шли нефть, зерно и другие грузы, был бы перерезан. Мы лишились бы крупного промышленного центра: на сталинградских заводах делались танки, минометы, снаряды. Захватив Сталинград, немецко-фашистские армии стали бы угрожать Москве с юга. К падению волжского города приурочивала выступление против Советского Союза Япония, которая держала на наших дальневосточных границах миллионную армию.

Германское командование учитывало и то, что район будущих боевых действий был удобен для их многочисленных танков и авиации. Ровные степные просторы давали бронетанковым войскам возможность совершать стремительные и далекие рейды, от авиации же на такой местности укрыться невозможно.

Гитлер, его фельдмаршалы, генералы были уверены в успехе этой операции. Подготовка к ней хранилась в глубокой тайне, да и само название операции несколько раз менялось: сначала она называлась «Зигфрид», потом «Брауншвейг», потом «Блау» («Голубая»).

Чтобы замаскировать «Голубую», чтобы отвлечь советские войска с южного направления на центральный участок фронта, немцы разработали ложную операцию, которую для убедительности назвали «Кремль». 29 мая был подписан «Приказ о наступлении на Москву». Сами же немцы позаботились и о том, чтобы эти сведения попали в руки нашей разведки.

Так умно и, казалось, безупречно готовилось то, что через полгода сам враг назвал сталинградской катастрофой.

Оборона Сталинграда

Советские войска не смогли сдержать превосходящие силы противника, наступавшего на сталинградском направлении. Но чем ближе к Волге отходили они, тем упорнее оборонялись.

Первый адъютант генерала Паулюса Вильгельм Адам писал о тех днях:

«При наступлении 6-й армии к Волге кровь немецких солдат лилась рекой. Отошли в прошлое легкие успехи западной кампании, равно как и бодрое настроение солдат...»

Фашистское командование, чтобы возместить потери, вынуждено было постоянно перебрасывать к Сталинграду новые части, снимая их с кавказского направления и даже из Западной Европы. В июле на сталинградском направлении действовали 42 дивизии врага, в августе — 69, а к концу сентября — 81 дивизия. Гордость вермахта — 6-я полевая армия и 4-я танковая армия тоже были у Сталинграда. Именно они и вышли к рубежам на окраинах города.

Командующий 6-й армией генерал Паулюс 12 сентября был вызван в Винницу в ставку Гитлера. Выслушав доклад генерала, фюрер приказал ему начать штурм Сталинграда. Гитлер считал, что Красная Армия доживает последние дни и надо только ускорить ее гибель.

Рисунки **А. БОРИСОВА.**

Начало начала

День 12 сентября отмечен немецкими военными историками как дата встречи Паулюса с Гитлером в Виннице. Но в этот же день произошло более важное событие. Правда, поначалу оно не выходило из числа рядовых, это был обычный для того времени разговор военачальников в Кремле. Однако последствия его оказались такими грандиозными, что мы должны отметить в противовес немецкому наше 12 сентября — советское.

Днем 12 сентября из района Сталинграда вылетел в Москву заместитель Верховного Главнокомандующего генерал армии (ныне Маршал Советского Союза) Георгий Константинович Жуков. Через четыре часа он был в Кремле у Верховного Главнокомандующего. Его уже ждали. Там же находился начальник Генерального штаба генерал-полковник (ныне Маршал Советского Союза) Александр Михайлович Василевский.

Правительство тревожилось за судьбу волжского города. Особенно беспокоило то, что севернее Сталинграда немцам удалось выйти к реке и разъединить наши части довольно широким коридором.

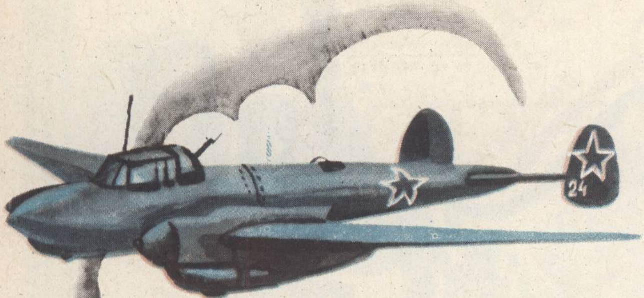
Чтобы ликвидировать этот коридор, были нужны большие силы. Сталин достал свою карту, где были помечены резервы Ставки Верховного Главнокомандования, и стал рассматривать ее. «Мы,— вспоминает Жуков,— отошли с Александром Михайловичем подальше от стола в сторону и очень тихо говорили о том, что, видимо, надо искать какое-то иное решение.

— А какое «иное» решение? — вдруг подняв голову, спросил Сталин.

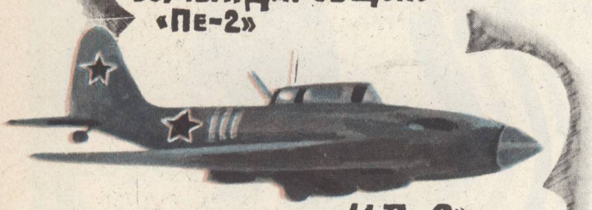
...Мы подошли к столу.

— Вот что,— продолжал он,— поезжайте в Генштаб и подумайте хорошенько, что надо предпринять в районе Сталинграда. Откуда и какие войска можно перебросить для усиления сталинградской

Карта сражений у Сталинграда

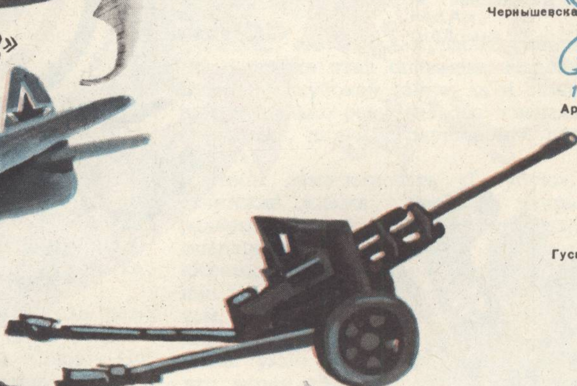
БОМБАРДИРОВЩИК «ПЕ-2»

ШТУРМОВИК «ИЛ-2»

ИСТРЕБИТЕЛЬ «ЯК-3»

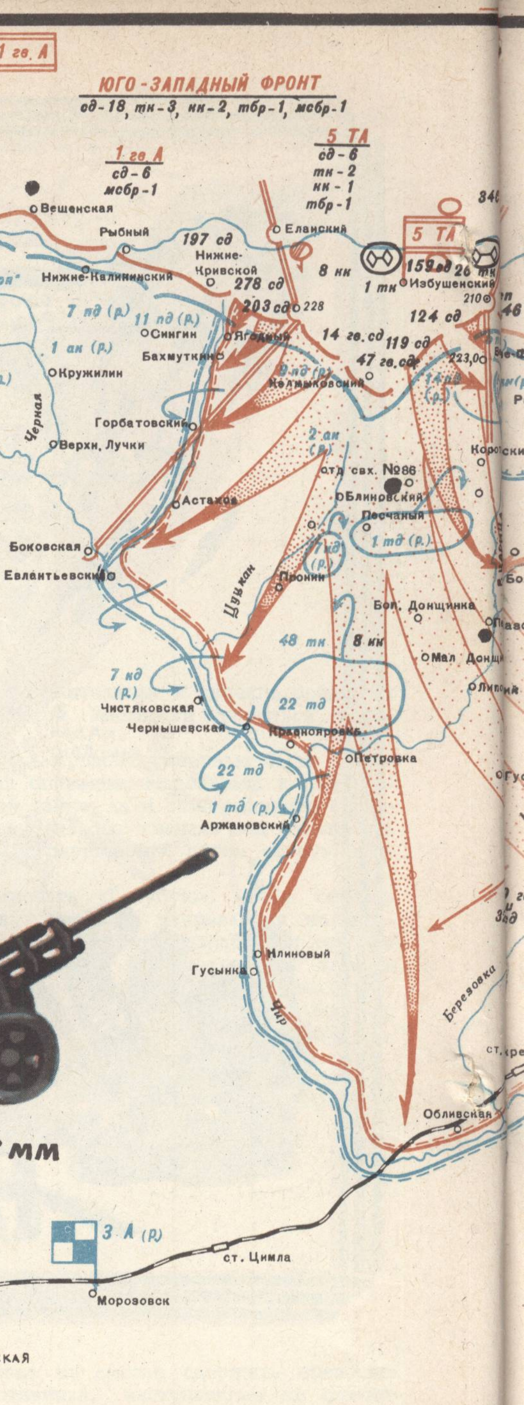
ПУШКА 76 ММ

«М-13» РЕАКТИВНЫЙ МИНОМЕТ «КАТЮША»

ТАНК «Т-34»

А — общевойсковая армия.
ТА — танковая армия.
ТК — танковый корпус.
МК — механизированный корпус.
КК — кавалерийский корпус.
АК — армейский (пехотный) корпус.
СД — стрелковая дивизия.
СБР — стрелковая бригада.
ТБР — танковая бригада.
МОРСБР — морская стрелковая бригада.
ЛПД — легкая пехотная дивизия.

Положение советских войск и противника к исходу 18.11.42 г.

Направление ударов советских войск 19–23.11.42 г. и положение советских войск и противника к исходу 23.11.42 г.

Выдвижение наших соединений после завершения окружения противника

Положение советских войск и противника к исходу 30.11.42 г.

21 А
Орлиновский
Игнатовский
Ю-З. фр.
Серафимович
21 А
сд - 6
тк - 1
кк - 1
46 сд
96 сд
Верхне-Фомихинский
333 сд
Распопинская
63 сд
293 сд
4 тк
3 гв. кк
277 сд
258 сд
252 сд
321 сд
304
Мело-Логовский
Логовский
23 сд
Клетская
76 сд
27 гв. сд
13 пд (р)
4 ак (р)
333 сд
15 пд (р)
277 сд
Верхне Солоняковский
Мело-Клетский
Ближняя Перекопка
Дон
Кременская
65 А
сд - 9
тбр - 2
65 А
Озерки
Шохин
40 гв. сд
Сиротинская
4 гв. сд
Средний
Крайний
304 сд
Евстратовский
Платонов
Бол. Осиновка
3 А (р)
Перелазовский
44 пд
376 пд
11 ак
1 кд (р)
27 гв. сд
24 сд
384 пд
Части 14 тд
Свечниковский
4 тк
3 гв. кк
Верхне Бузиновка
252 сд
26 тк
№1
Белампиевский
Большенабатовский
Лученский
Вертячий
Малонабатовский
Песковатка
8 ак
76 пд
113 пд
Гусынка
1 тк
Левая Добрая
Лиска
6 А
Голубинский
Еруслановский
119 сд
Добрая
Ложки
Камыши
Остров
Березовский
Калач
76 сд
333 сд
258 сд
Суровикино
Карповка
Советский
Дон
Тузов
Рычковский
ст. Ляпичев
Верхне-Чирский
раз. Ложки
Нижне-Чирская
р. Мышкова
Громославка
Верхне-Кумский
Суворовский
Аксай
Генераловский
Гниловкасайский
раз.
Кругляков
Жутов 1-й
Аксай
раз. 140 км
Верхне-Яблочный
Чилеков
Небыков
Жутов 2-й
раз. 161 км
Дон
Гремячий
51 А
Пимен-Черни
Похлебин
4 А (р)
Курмоярский
Котельниково
Поперечный
Дон. фр.
Солодча
ДОНСКОЙ ФРОНТ
сд - 24, тк - 1, тбр - 6
ст. Иловля
Алаев
24 А
сд - 9
тк - 1
тбр - 1
24 А
ст. Качалино
Широков
16 тк
120 сд
Паншино
214 сд
84 сд
273 сд
49 сд
298 сд
173 сд
260 сд
343 сд
226 сд
116 сд
64 сд
99 сд
233 сд
299 сд
66 А
сд - 6
тбр - 1
66 А
Дикова Балка
Дубовка
Волга
Рынок
Орловка
60 мд
3 мд
16 тд
94 пд
389 пд
305 пд
Спартановка
62 А
13 гв., 37 гв., 39 гв., 45, 95, 112, 138, 193, 284, 308, сд, 92, 115, 124, 149, 160, 42 сбр
Ст. фр.
Западновка
Бол. Россошка
14 тк
51 ак
ст. Гумрак
Россошка
6 А
Питомник
79 пд
100 лпд
295 пд
62 А
Мариновка
Карповка
Воропоново
Басаргино
СТАЛИНГРАД
Купоросное
4 ак
371 пд
297 пд
Песчанка
64 А
сд - 5
обр - 5
тбр - 2
57 А
57 А
сд - 2
сбр - 1
тк - 1
тбр - 2
мсбр - 1
Волга
Цыбенко
Елхи
66 мор. сбр
29 сд
204 сд
154 мор. сбр
157 сд
38 сд
169 сд
422 сд
36 гв. сд
13 мк
Варваровка
Гавриловка
Нариман
Бузиновка
4 ТА
29 мд
Верхне-Царицынский
13 мк
4 мк
ст. Чапурники
Райгород
СТАЛИНГРАДСКИЙ ФРОНТ
сд - 24
сбр - 15
мк - 1
тк - 1
кк - 1
тбр - 7
мсбр - 2
ст. Тундутово
143 сбр 177, 45 оплаб
раз. 55 км
Дубовый Овраг
оз. Сарпа
2 пд (р)
4 ТА
ст. Тингута
раз. 74 км
Тингута
18 пд (р)
15 гв. сд
Цаца
оз. Цаца
4 мк
4 кк
ст. Абганерово
Плодовитое
Капкинский
Абганерово
4 кк
Захаров
1 пд (р)
оз. Барманцак
51 А
6 ак (р)
Хаир-Худук
Тундутово
Мал. Дербеты
51 А
сд - 4
мк - 1
кк - 1
тбр - 1
мсбр - 1
76 УР
4 пд (р)
Садовое
Уманцево
Магдын-Худук
оз. Ханата
5 кд (р)
91 сд
Части 8 кд (р)
оз. Аршань-Зельмень
7 ак (р)
Обильное
оз. Батыр-Мала

группировки, а заодно подумайте и о Кавказском фронте. Завтра в 9 часов вечера соберемся здесь».

Весь следующий день Жуков и Василевский работали в Генштабе. А ночью на новой встрече у Сталина они рассказали замысел будущего контрнаступления. Оно дало бы возможность не растрачивать силы на ликвидацию коридора, на незначительное улучшение других позиций, а привело бы к изменению обстановки в нашу пользу на всем Южном фронте.

Читая дальше, обратись к схеме на 19-й странице.

Пользуясь тем, что линия фронта напоминала прямой угол, в вершине которого был Сталинград, предлагалось со сторон угла, с его катетов нанести удары один навстречу другому по гипотенузе — так, чтобы самая мощная группировка фашистских войск оказалась замкнутой в огромном треугольнике.

План был смелый и дерзкий. Выполнение его дало бы нашей стране огромные выгоды. Давай посчитаем их.

В окружении оказалась бы треть миллиона лучших германских войск: они или сдались бы в плен, или были бы уничтожены.

После этого оголился бы левый фланг и тыл германских войск, наступавших на Северный Кавказ. Эти войска оказались бы под угрозой окружения между Каспийским и Черным морями. Значит, им оставалось одно — отступать с Северного Кавказа. План операции «Голубая» был бы сорван.

Союзники Германии — Япония и Турция — уже не рискнули бы вступить в войну против нас.

Но мы ведь с тобой знаем, что выполнить можно не всякий заманчивый план, а только такой, в котором предусмотрены все слабые и сильные стороны противника. Советская разведка очень хорошо действовала в районе Сталинграда. Сведения, собранные ею, тщательно изучались в Генштабе.

То, что контрнаступление будет удачным, подтверждалось такими фактами.

Слева и справа от германских войск, сгрудившихся у Сталинграда, стояли их союзники — румынские, венгерские и итальянские войска. Вооружены они были хуже, чем немцы. Боевой дух этих солдат не отличался крепостью,— кому охота расплачиваться жизнью за преступления чужого фюрера. На этих-то участках и предполагалось прорвать оборону противника.

Итак, оборону наши войска прорвали. Но ведь немцы не будут равнодушно смотреть, как гонят их союзников, так как следующим, кому достанется, будут сами немцы. Фашисты должны будут бросить свои дивизии, чтобы загородить проломы в линии фронта. В том-то и дело, что у немцев уже не было таких свободных дивизий, все резервы фашистов полегли в степях у Сталинграда и на Северном Кавказе.

Немцы, как говорят, были обескровлены в наступлении. Но ведь и наши войска понесли немалые потери. Какими же силами будем вести контрнаступление мы? Пока Сталинград оборонялся, в тылу Советской страны — в Сибири, Средней Азии, на Урале — были подготовлены мощные резервы. Новые дивизии и корпуса получили много танков «Т-34», много новых самолетов — истребителей, пикировщиков, штурмовиков, орудия и снаряды к ним.

Вся задуманная операция делилась на:

1. Прорыв обороны.
2. Окружение немецкой группировки у города.
3. Создание внешнего фронта, который задержал бы фашистов, идущих на помощь окруженным.
4. Пресечение попыток врага выйти из кольца и полное уничтожение окруженных войск.

Надо ли говорить, как важно было сохранить наш план в тайне. В дальнейшем, когда в работе над планом приняли участие другие военачальники — начальники родов войск Красной Армии, командующие фронтами и армиями,— разговор о плане вели только с глазу на глаз, при личных встречах. Ни в письменных распоряжениях, ни в разговорах и шифровках по телефону и по радио не было ничего, что могло бы натолкнуть гитлеровскую разведку на следы будущей операции.

Свое держать в тайне, чужое — знать

Операция «Уран» (такое название получило контрнаступление) должна была начаться 9 ноября на Юго-Западном фронте и 10-го на Сталинградском. Разница в сроках объяснялась тем, что до Калача и населенного пункта Советский — места встречи ударных соединений обоих фронтов — с севера надо было пройти 120—140 километров, а с юга 100. Всего три-четыре дня отводилось для этих маршей.

Однако сроки начала «Урана» были перенесены на 19 и 20 ноября. Из-за недостатка автомобилей вовремя не были подвезены боеприпасы, горючее, зимнее обмундирование. Не в полной мере была готова и авиация.

Каждый день отсрочки таил в себе опасность того, что немцы узнают нашу тайну. И тайна охранялась всеми способами.

Новые войска сосредоточивались не там, где им предстояло нанести удар, а в 50—60 километрах от нужного места. Все передвижения производились только ночью, с погашенными фарами. На день и люди и машины замирали, затаивались по оврагам, в редких лесах, селениях. Дело осложнялось тем, что на Юго-Западном фронте резервам приходилось переправляться через Дон, а на Сталинградском — через Волгу. И если по берегу Дона были леса, которые на светлое время укрывали танки, орудия, пехоту, то берега Волги были совершенно открыты. Немецкие летчики бомбили мосты, паромы, однако и на Волге скоплений наших войск не заметили. В это время через реку эвакуировались со своим имуществом жители Сталинграда. Они-то и помогли маскировке войск.

Все скрыть от врага, а самим всё знать о враге — в этом был залог успеха. Главный маршал артиллерии Николай Николаевич Воронов, которого Ставка тоже послала в район контрнаступления, вспоминает: «Мы следили за врагом во все глаза. Наблюдение велось круглосуточно. Непрерывно работала звукометрическая разведка, которая выявляла вражеские артиллерийские и минометные батареи. С воздуха шло систематическое фотографирование расположения противника, особенно тех районов, где намечался прорыв его обороны. Генералы-артиллеристы часами просиживали за стереотрубами на наблюдательных пунктах... Ставка обязывала на направлениях главных ударов при прорыве обороны противника создать такие группировки войск, чтобы было достигнуто по крайней мере тройное превосходство над врагом. Много раз пришлось считать и пересчитывать наши силы, в особенности группировки артиллерии, чтобы такое превосходство было действительно обеспечено».

15 ноября в район Сталинграда пришла телеграмма из Москвы.

«Товарищу Константинову.
Только лично.

День переселения Федорова и Иванова можете назначить по Вашему усмотрению, а потом доложите мне об этом по приезде в Москву. Если у Вас возникнет мысль о том, чтобы кто-либо из них начал переселение раньше или позже на один или два дня, то уполномочиваю Вас решить и этот вопрос по Вашему усмотрению.

Васильев.
13 часов 10 минут.
15.XI.42 г.»

За фамилией Васильева был Сталин, телеграмму он послал Жукову. Федоров был на самом деле Николаем Федоровичем Ватутиным, командующим Юго-Западным фронтом, а Иванов—это Андрей Иванович Еременко, командующий Сталинградским фронтом. Василевский в шифровках именовался Михайловым, Константин Константинович Рокоссовский, командующий Донским фронтом, был Донцовым.

Под «переселением» подразумевалось наступление.

Причин изменять сроки «переселения» не было. И 17 ноября точные сроки наступления получили командующие армиями. Все войска узнали это только за несколько часов до атаки.

Мы с тобой, пока тянется медлительное время ожидания последнего приказа, немного посчитаем.

К 19 ноября на сталинградском направлении у немцев было: людей — 1 011 500, орудий и минометов — 10 290, танков — 675, самолетов — 1 216. А у нас людей — 1 000 500, орудий и минометов — 13 541, танков — 894, самолетов — 1 115. Как видишь, только танков и орудий у нас было чуточку больше. Но наше преимущество заключалось в том, что мы смогли незаметно сосредоточить вдвое, втрое больше войск и техники на направлении главных ударов; в этом и заключается первая часть военного искусства.

Мы говорили с тобой, что резервов у германского командования осенью 1942 года уже не было. Но, попав в отчаянное положение, враг мог перебросить к Сталинграду войска с центрального фронта. И вот, чтобы не случилось этого, чтобы не было у Сталинграда не учтенных, не запланированных нами немецких дивизий, было решено одновременно с «Ураном» провести наступательную операцию в районе Вязьмы и Ржева, за много сотен километров от Сталинграда. Для руководства этой операцией туда поехал Жуков. А Василевский остался здесь.

...До атаки оставалось несколько часов. Но тайна «Урана» оберегалась, как и в самом начале, как в сентябрьские дни. Соединения 5-й танковой армии получили шифровку: «Шлите приемщика за получением меховых перчаток». Читалась эта фраза так: «Начало атаки пехоты 19.XI.42 г. 8.50».

В землянках и блиндажах при тусклом свете коптилок, сделанных из снарядных гильз, политруки читали обращение к солдатам:

«За кровь загубленных фашистскими людоедами наших жен и детей, за пролитую кровь наших бойцов и командиров мы должны пролить потоки вражеской черной крови.

Вперед к победе! Смерть немецким оккупантам!»

Праздник нашего оружия

Утро 19 ноября на Юго-Западном фронте и на левом крыле Донского фронта выдалось туманное. Серая пелена прикрыла степь и овраги. Во мгле скрылись неприятельские позиции: рвы, ряды колючей проволоки, доты. И что было совсем плохо—не могла в такую погоду действовать авиация. Однако отложить начало операции «Уран» было невозможно. Слишком много сил ушло на то, чтобы подготовить все именно к этому утру. Слишком много людей — сотни тысяч—ждали с минуты на минуту сигнала к грозному бою, к яростному празднику нашего оружия. Да, атака была нашим праздником, и даже медные трубы звучали во время ее. Когда кончилась артподготовка, генерал-майор Таварткиладзе дал знак стотрубному оркестру и только вслед за этим поднял свою дивизию в атаку.

Но вернемся к самому началу. В 7.20 артиллеристы по телефону получили команду «Сирена». И тут же все 3 500 орудий и минометов фронта были заряжены. В 7.30 прозвучала команда «Огонь». На позиции врага обрушился смерч стали и пламени.

Огневой налет продолжался до 8.48. В 8.50 пошли в атаку стрелковые дивизии. Они должны были пробить в обороне врага бреши, уничтожить там уцелевшие после артналета огневые точки. Вслед за пехотой в бреши, как в распахнутые ворота, войдут танки. Им очень важно не задержаться здесь, не остановиться на первых рубежах — у них свое дело: выйти на степной простор и, не считая километры, гнать врага, сбитого с насиженного места, захватывать его штабы, мосты, склады, перерезать дороги, уничтожать резервы, с незащищенного тыла нападать на очаги сопротивления.

Но туман сделал свое дело. Не все цели у противника были подавлены артогнем. Враг упорно оборонялся в уцелевших дотах. К 12.00 наши пехотинцы продвинулись всего на 2—3 километра. Оборону все не удавалось прорвать. А драгоценное время летело. Враг мог прийти в себя.

Командующий 5-й танковой армией генерал-лейтенант П. Л. Романенко знал, что терять танки на первом рубеже полководцу непростительно, как непростительно школьнику не знать, сколько будет дважды два. Но другого выхода не было. И он приказал 1-му и 26-му танковым корпусам двинуться в полуоткрытые ворота, помочь пехоте распахнуть их настежь.

Танки пошли вперед, обогнали пехоту. Скоро вражеская оборона между реками Цуцкан и Царица была прорвана.

Появились первые толпы испуганных пленных. Они шли с поднятыми руками, не понимая, что случилось, откуда на их недавно еще совсем тихие места налетела буря. Но было еще много очагов сопротивления: дотов, артиллерийских батарей. Танки обходили их стороной, затем возвращались к ним с тыла и уничтожали.

Во второй половине дня ширина бреши увеличилась до 16 километров. Тогда в нее вошел 8-й кавалерийский корпус. Он тоже обогнал пехоту. Танки, кавалерия — подвижные соединения нашей армии — углублялись с боями все дальше на юг и юго-восток. За ними двигались стрелковые соединения. Они довершали уничтожение разгромленных танкистами войск, очищали от неприятеля села и хутора, собирали пленных.

К вечеру погода совсем испортилась. На степь, на дороги, пропадавшие в тумане, повалил мокрый снег. Только с помощью компаса танкисты находили нужное направление. В такой обстановке могли случиться любые неожиданности.

Генерал А. Г. Родин, который командовал 26-м корпусом, вспоминает: «В конце дня произошла любопытная встреча с оперативными резервами противника. Под покровом ночи и при обильном снегопаде мы продолжали движение вперед по колонному пути с включенным светом. Вдруг при подходе к отделению совхоза № 86 по нашей колонне был открыт артогонь. Выключили свет, и стрельба прекратилась... Поступило донесение от разведки, что танки противника пошли в сторону фронта — к городу Серафимовичу. Оказалось, что 1-я румынская танковая дивизия из района Перелазовский спешила на фронт, на помощь своим пехотным дивизиям. Приказал в бой не вступать. Иметь наблюдение, не теряя соприкосновения.

Танковая колонна противника, дойдя до станицы Новоцарицынской, продолжала движение на север. А мы повернули строго на юг — на Перелазовский. Таким образом, тылы румынской танковой дивизии были отрезаны, большинство ее автомашин с горючим, боеприпасами и продовольствием были попросту включены в нашу колонну. Водителей противника оставили за рулем, посадив к ним по автоматчику. Что касается вражеских танков, то — мчитесь, голубчики, дальше, без горючего и боеприпасов много не навоюете...»

На рассвете второго дня контрнаступления корпус подошел к большому селу Перелазовский, где перекрещивались дороги разных направлений. «Без единого выстрела,— рассказывает Родин,— мы окружили населенный пункт, и только тогда, когда танки пошли в атаку под прикрытием нашего артогня, противник открыл свой огонь. Но было поздно, танки уже ворвались на улицы. Не прошло и часа, как судьба этого важного пункта была решена. Захвачена масса пленных, вся штабная документация, узел связи, типография, склады, госпиталь с ранеными и даже хлебопекарня с хлебом, масса автомашин и другой техники».

Слева от 26-го успешно действовал 4-й танковый корпус. Вскоре они сблизились и почти параллельно двинулись на восток к городу Калач-на-Дону, в тот район, где планом «Уран» намечалась встреча под-

вижных соединений Юго-Западного и Сталинградского фронтов. От исходных позиций оба корпуса отошли уже на 35—40 километров.

Ты помнишь, путь в район Калача с юга короче, чем с севера. Но теперь, после удачного марша танков для войск обоих фронтов он стал одинаковым. Пришло время наступать Сталинградскому фронту.

Опять туман

Радуясь успеху товарищей, наступавших с севера, с нетерпением ждали приказа к атаке войска Сталинградского фронта. Утром 20 ноября у них все было готово, чтобы из промежутков между озерами Сарпа, Цаца и Барманцак устремиться на прорыв вражеской обороны. В ложбинах, поросших камышом, за небольшими пригорками стояли танки, орудия, сосредоточилась пехота. Было 8.00 — время начала артподготовки. Однако командующий фронтом Еременко медлил: здесь тоже местность была закрыта туманом. Туман становился все гуще. Пошел снег.

К счастью, вскоре туман начал рассеиваться. И в 10.00 залпом «катюш» началась артподготовка.

Пока наши снаряды разворачивают доты неприятеля, устроенные на холмах перед озерами, корежат его пушки, рушат блиндажи, мы с тобой поговорим о карте, которая напечатана на 20—21-й страницах? Карта сложная, на ней много цифр, много линий, много стрел, на ней реки, населенные пункты, города. Может быть, ты, убоявшись сложности, решил не разглядывать ее, а перелистнуть эти страницы? Напрасно. Если ты разок-другой-третий заставишь себя разобраться в схеме военных действий, ты почувствуешь даже удовольствие — удовольствие читать карту. А главное, без чтения карты нельзя понять, что, где и как происходило.

Давай разбираться вместе. Найди сначала Сталинград — видишь, там скопление синих и черных цифр. Синие цифры обозначают неприятеля, черные — наши войска. По густоте цифр, по тесноте на карте можно уже судить, как много там сгрудилось войск. В обе стороны от Сталинграда цифры стоят реже — значит, и войск там меньше. Но в верхнем левом углу карты и в правом нижнем густота наших цифр увеличивается — это места, где мы сосредоточили силы для нанесения главных ударов.

Много на карте красных стрел. Они стремительные и широкие. Вражеские синие стрелы тонкие — толщина стрел показывает, чьи удары мощнее. Острием же стрелы показывают направления ударов.

С первого взгляда на этого красного ежа, на эти красные вилы видно, в какой угол наша армия загоняет фашистского волка. Но часть стрел направлена на юг и на запад — это первые удары против волчьей стаи, которая потом будет пытаться выручить 6-ю армию Паулюса.

Генерал Родин рассказывал о встрече с вражескими танками около отделения совхоза № 86. Найди этот пункт на карте. Он между истоками речек Цуцкан и Царица. Чуть южнее отделения совхоза — синий овал со стрелкой, которая идет сначала на северо-восток, а потом круто поворачивает на юг. Этот овал — та самая 1-я румынская танковая дивизия, чье горючее и боеприпасы прихватили с собой танкисты Родина. Карта говорит нам: предположение генерала, что много румыны не навоюют, сбылось — это подтверждается крутым поворотом стрелки.

Найди соединения, которые мы уже упоминали, найди населенные пункты, у которых были бои. Рассмотри все внимательно. Читая рассказ о контрнаступлении дальше, заглядывай в карту.

А теперь мы возвратимся на Сталинградский фронт, в район озер.

Артподготовка закончилась. В атаку пошла пехота. Ко второй половине дня она прорвала оборону противника в нескольких местах. Подвижные соединения ждали этого момента и хлынули в пробоины.

Посмотрим, как действовали они.

Южнее Сталинграда, у самого берега Волги, сосредоточился 13-й механизированный корпус — это место на карте обозначено черным овалом с двумя ромбиками (ромбики — танки). Отыскать корпус тебе поможет красный флажок с надписью 57А (флажками обозначаются штабы, древком флажок всегда обращен в сторону противника). Нашел штаб нашей 57-й армии? Вот и хорошо.

На запад от нашего корпуса в глубине обороны располагались части 4-й танковой армии немцев. Видишь синий флажок у селения Верхне-Царицынский? Это ее штаб. Рядом с ним синий овал — сосредоточение 29-й моторизованной дивизии немцев, которой командовал генерал Лейзер.

Наши стрелковые дивизии вели в этом районе тяжелые бои. Враг уже понял, что его окружают, он яростно сопротивлялся, контратаковал. Некоторые населенные пункты (к примеру, Нариман) переходили из рук в руки.

На рассвете второго дня контрнаступления после залпов «катюш» полк майора Крючихина штурмом взял колхоз имени 8 марта и село Варваровку. В это время в селе заправлялись горючим 52 немецких танка. Все танки и их экипажи были захвачены нашими солдатами. Можно представить себе ярость генерала Лейзера! Чтобы вернуть танки, генерал бросил против нашего полка всю свою дивизию. Трудно бы пришлось пехотинцам, но тут к Варваровке подошли танки 13-го механизированного корпуса. И Лейзеру пришлось иметь дело с ними. Немецкая дивизия была смята. Понесли потери и другие вражеские части. Они откатились за речку Червленая и там укрылись за мощными укреплениями. Штаб 4-й танковой армии немцев остался без войск, он бежал в противоположную сторону — на запад. У Червленой остановились и наши войска, прочно загородив выход армии Паулюса из будущего котла.

Стремительно двигался наш 4-й механизированный корпус. Он имел важную задачу — в районе Калача соединиться с корпусами, двигавшимися с севера, и замкнуть кольцо окружения. Утром 21 ноября корпус перерезал важную для немцев железную дорогу, захватив станции Абганерово и Тингута.

4-й кавалерийский корпус вошел в прорыв следом за механизированным. Ему надо было совершить 70-километровый марш, чтобы отрезать пути отхода неприятеля на село Абганерово. Рассеивая по пути заслоны врага, конники в середине дня 21 ноября ворвались в село и после боя заняли его.

А что же в это время творилось у противника? Как он чувствовал себя? Какие действия предпринимал?

Ошеломленные и растерянные

Штаб 6-й немецкой армии располагался в Голубинском, недалеко от Дона. (Найди его на карте, он помечен синим флажком и надписью 6А.) На второй день наступления он оказался в критическом положении, его могли захватить наши войска. И Паулюс приказал переезжать в станицу Нижне-Чирскую у слияния Дона с Чиром. Штабисты жгли документы, увязывали пожитки, но пришел приказ Гитлера переместиться штабу в поселок Гумрак, недалеко от Сталинграда. У Гитлера и немецкого командования не было сомнений в том, что скоро удастся разжать танковые клещи советских армий и восстановить прежнее положение.

Однако те, кто был непосредственным участником событий, думали иначе. Мы с тобой послушаем офицера 8-го армейского корпуса Иоахима Видера. В то время он находился в штабе корпуса в Песковатке — это на восток от Голубинского.

«Ошеломленные, растерянные, мы не сводили глаз с наших штабных карт — нанесенные на них

жирные красные линии и стрелы обозначали направления многочисленных ударов противника, его обходные маневры, участки прорывов. При всех наших предчувствиях мы и в мыслях не допускали возможности такой чудовищной катастрофы! Штабные схемы очень скоро обрели плоть и кровь в рассказах и донесениях непосредственных участников событий: с севера и с запада в Песковатку — еще недавно тихую степную балку, где размещался наш штаб, вливался захлестнувший нас поток беспорядочно отступавших частей. Беглецы принесли нам недобрые вести: внезапное появление советских танков в сонном Калаче — нашем армейском тылу, вызвало там такую неудержимую панику, что даже важный в стратегическом отношении мост через Дон перешел в руки противника в целости и сохранности.

Мощные танковые клинья русских продвигались вперед неудержимо, а многочисленные кавалерийские подразделения, подвижные и неуловимые, роем кружились над кровоточащей раной прорыва и, проникая в наши тылы, усиливали неразбериху и панику».

Что же произошло в Калаче?

26-му и 4-му танковым корпусам, чтобы соединиться с 4-м механизированным корпусом, надо было форсировать Дон. Дело это было нелегкое, и оно заботило наших военачальников. Ведь если танкисты задержатся у Дона, для врага будет открыта дорога к отступлению.

Нашему командованию было известно, что у немцев около хутора Березовского есть мост через реку. Подходы к нему с запада прикрывались немецкой обороной, сам мост заминирован и подготовлен к взрыву. Все же наши попытались захватить его в целости.

Была ночь (с 21 на 22 ноября). Танкисты 26-го корпуса к этому времени заняли населенный пункт Остров, до реки было уже недалеко. Командир корпуса Родин для захвата моста выделил две мотострелковые роты на автомобилях, пять танков и бронемашину.

Маленький отряд двигался по дороге, которая вела из Острова в Калач. И автомобили и танки зажгли фары. Расчет был на то, что немцы примут эту колонну за свою. Так оно и случилось. Через оборону перед мостом отряд прошел без всяких осложнений, его даже не остановили.

Охрана моста тоже приняла наш отряд за своих (как позже выяснилось, у немцев была учебная часть, оснащенная захваченными у нас танками, и она часто пользовалась мостом). Несколько наших машин переехало мост, другие остановились перед ним. По сигналу ракетой советские солдаты с обеих сторон напали на охрану и уничтожили ее.

Мост захвачен. До Калача рукой подать. Наши решили ворваться в город, где еще спали фашисты. Но сил для захвата Калача было мало. Отряд с боем отступил из города и занял оборону вокруг моста. Немцы во что бы то ни стало решили мост отбить. Превосходящими силами они атаковали советских стрелков и танкистов.

А в это время части корпуса, для которых держали мост, сражались с фашистами в пятнадцати километрах от переправы. На пути наших танков немцы вкопали в землю пятьдесят своих танков и вели из них сильный огонь. Танкисты прорвались через этот заслон, а вечером 22 ноября переправились по мосту через реку.

Разбитые в этом районе немецкие части бежали на запад, к железнодорожной станции Суровикино. Найди ее на карте. Есть? Севернее железной дороги — мощная красная стрела. В ее середине черная стрелка с ромбиком и надпись «1 *тк*». Ты понимаешь, это движение 1-го танкового корпуса. От большой стрелы на юг и на запад отходят красные стрелки с черточками. Это передовые отряды, которые посланы корпусом для разведки отступающего противника. Врагом, которого потрепали и обратили в бегство 26-й и 4-й танковые корпуса, теперь займется 1-й корпус. А у 26-го и 4-го свое главное дело — скорее соединиться с 4-м механизированным корпусом, наступающим с юга.

Теперь войска, наступающие с севера и с юга, разделяло всего 10—15 километров. В этот момент к узкому перешейку Паулюс бросил свои танковые дивизии: 24-ю и 16-ю. Он хотел раздвинуть наши танковые клещи. Взгляни еще разок на карту, ты увидишь, что эти дивизии стояли у самого Сталинграда. Сейчас они оказались у пересечения реки Россошки с железной дорогой. В районе Мариновки и Карповки целые сутки — и ночью и днем — шло ожесточенное сражение. Оно закончилось нашей победой. Войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились. Кольцо замкнулось. В окружении оказалась вся 6-я и часть 4-й танковой армии немцев — 330 тысяч человек. Это произошло в 16 часов 23 ноября.

Надо сказать, что, кроме этого огромного кольца, было еще одно — маленькое. На юг от города Серафимович, где размещался штаб Юго-Западного фронта (косой флажок с надписью «Ю.-3. фр.»), ты видишь на карте синюю изогнутую линию, в которую уперлись остриями короткие красные стрелки. Здесь попали в окружение пять румынских пехотных дивизий. Их командование ждало помощи от немцев. Окруженным солдатам было приказано сопротивляться. Но благоразумие вскоре взяло верх; бригадный генерал Теодор Стэнеску послал к нам парламентеров. 23 ноября в 23.30 противник белыми и зелеными ракетами известил советское командование о том, что наши условия капитуляции он принял. Мы ответили зелеными и красными ракетами. Это означало: вот и хорошо, идите на пункты сбора пленных и складывайте в отведенные места оружие.

В плен сдалось 27 тысяч человек.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

О НАШИХ ДЕДАХ, ОТЦАХ И О НАС САМИХ

Раньше как-то мы не задумывались о том, каким было наше село, скажем, в прошлом веке или, допустим, в 1920 году. А когда началась экспедиция «Заветам Ленина верны» и стали мы решать, как нам в ней участвовать, кто-то предложил создать музей истории нашего села, и всем эта идея понравилась. И чем больше мы об этом думали, тем интереснее нам казалось узнавать, как жили раньше в нашем селе, как пришла в него Октябрьская революция, как становилось оно таким, каким мы его видим. Странички наших дневников постепенно заполнялись удивительно любопытными сведениями, а в наших папках скапливались документы, фотографии, воспоминания.

Посмотрите, какую запись сделали в одном дневнике: «Из густонаселенных мест России в конце прошлого века толпы переселенцев двигались на восток в поисках новых земель. Их гнала сюда нужда. Сибирский мороз не страшен тому, у кого овчинный тулуп и валенки. А курские и воронежские крестьяне ехали на Урал в лаптях и зипунах. Шесть недель двигались подводы на восток. Железной дороги не было, поэтому ехали на санях, запряженных парой лошадей. Уныло позванивали колокольчики. Маленькая деревенька раскинулась на берегу Чарыша. Всего одна улица с сотней маленьких крестьянских избенок, красная кирпичная церковь да несколько купеческих лавок... По вечерам в домишках загорались огоньки. Не электрические, нет! Жгли лучину или маленькие «коптушки».

Вот такой была наша Усть-Калманка. А теперь это большое районное село. В нашем селе три школы и музыкальная школа есть, и кинотеатр у нас свой, и четыре клуба, и четыре детских сада, и больница.

А вот еще один интересный эпизод нашей усть-калманской истории, и еще одна запись в дневнике: «В двадцатые годы В. И. Ленин принимал наших алтайских ходоков. А было это так: на месте совхоза «Свободный» в двадцатые годы создана была коммуна «Свобода». Коммунары послали ходоков к В. И. Ленину попросить трактор. Плугом не вспахать целину. Владимир Ильич сказал Якову Жестовскому, что скоро в Советской России будет сто тысяч тракторов. А в коммуну прибыл трактор английской марки. И первым трактористом был Ефим Терлыченко».

Мы узнавали, как претворяют в жизнь мечты и заветы Ленина люди, среди которых мы живем. И говорили с ребятами о том, что и нам надо не только знать об этих заветах, но и выполнять их. И чувствовать себя гражданином своей страны. И когда взрослые задумали озеленить село, мы тоже взялись за это дело. Перед школой мы разбили сквер, а на деньги, которые мы получили за металлолом, в селе поставили памятник нашей любимой героине Зое Космодемьянской. Ее имя носит наша дружина.

Учиться мы стали лучше. Двести двадцать человек никаких других отметок, кроме пятерок и четверок, не получают. А остальные очень стараются. И это главное, а музей наш теперь совсем скоро уже откроется — 22 апреля 1970 года.

Таня **СМОРОДИНА**,
село Усть-Калманка, Алтайский край.

Нужна твоя помощь

Дорогая Радиостанция «Здравствуй!»! У нас скоро будет опять игра «Зарница», но хорошего оружия мы не умеем делать. Мы очень просим всех ребят рассказать нам, как они делают оружие.

С пионерским приветом
ребята села Малиновки,
Саратовская область.

Ура, мы вожатые октябрят!

Когда мы учились в начальных классах, нам очень хотелось стать вожатыми октябрят. И вот наконец мы вожатые! Нас октябрята очень любят. Очень понравился им сбор, который назывался «Сбор игрушек». Ребята принесли свои игрушки и выбрали продавца. Продавец стоял у витрины, а покупатели выбирали игрушки, причем, прежде чем получить игрушку, покупатель должен был спеть, или станцевать, или что-нибудь рассказать (по желанию продавца). Потом ребята играли, а наигравшись, брали свои новые игрушки и шли домой.

Мы провели вечер сказок. А еще мы с октябрятами путешествуем по нашей планете. Путешествуем мы по карте, а карта у нас имеет форму пионерского значка. Во всех странах, где мы останавливаемся, наши октябрята узнают, чем занимаются пионеры, какие у них галстуки, значки. Это тоже нравится ребятам.

Таня МАТВЕЕВА,
г. Алексин, Тульская область.

В чужом городе

Из небольшого поселка я приехала в город Катта-Курган. Все тут мне казалось чужим и далеким. А городские ребята и девочки смотрели на меня, как на какую-то диковинку. Мне просто было неудобно.

Но вот однажды, когда я шла в магазин, ко мне подошла девочка. Она поздоровалась со мной и спросила, куда я иду. Я ответила. Света, так звали эту девочку, проводила меня до магазина, а потом показала мне свой город, познакомила со своими подругами и друзьями. Сейчас мы со Светой дружим, учимся в одном классе и сидим за одной партой. Мы во всем помогаем друг другу.

И за это я ей очень благодарна. Мне кажется, немало ребят попадают в такое положение, как я. И как хорошо, если будет побольше таких ребят, как Света.

Айша БЕЛЯЛОВА,
г. Катта-Курган,
Самаркандская область.

◀ *На фотографиях ты видишь знаменитый (стал среди всех белорусских отрядов победителем в игре «Зарница») отряд юнармейцев школы № 33 города Гомеля.*

◀ *Идут военные учения. Военный корреспондент спешит сообщить последние новости в свою газету.*

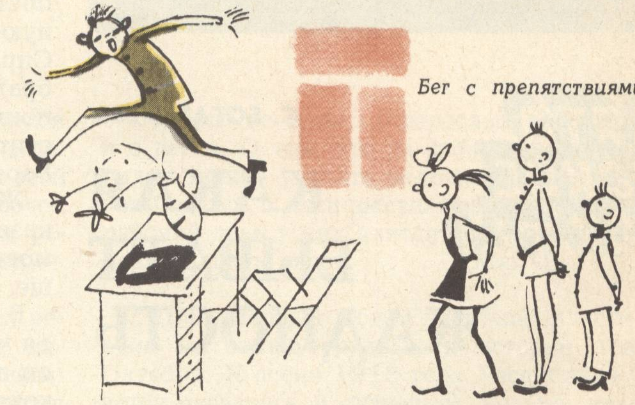
Фото К. КРЕСНИЦКОГО.

Мы любим спорт

Наш класс 6-й «В» — самый лучший в школе. На всех конкурсах у нас всегда первое место. Наш класс очень любит спорт. На переменах у нас можно увидеть все виды спорта, не надо ходить на стадион.

Бег от Леши Пырина.

Бег с препятствиями.

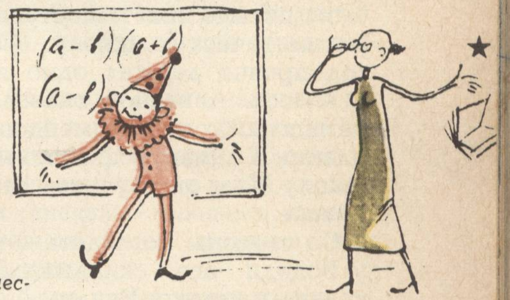
У нас, только у нас до сих пор проводятся гладиаторские бои.

У нас играют в настольный хоккей. Ворота из линеек, транспортир изображает вратаря, клюшками

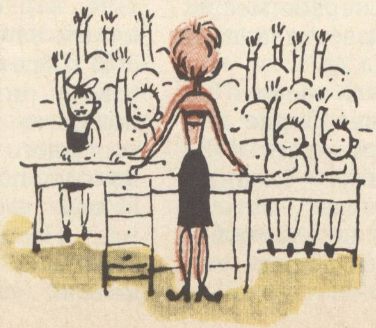
служат два угольника, вместо шайбы — пуговицы.

У нас есть свой клоун, заслуженный артист нашего класса — Михаил Гаршин.

Но на уроках мы совсем другие. Мы работаем за троих, а получаем только пятерки и четверки.

Нас всегда хвалят и всем ставят в пример.

Эту историю в картинках сделала художник Т. Прибыловская по письму Бориса Трофимовского, который учится в 6-м классе «В» 66-й школы города Воронежа.

С. БОГАТЫРЕВА

КАКАЯ БЫВАЕТ ЖАДНОСТЬ

Когда Володя учился в пятом, для него выписали журнал «Пионер». В первом же номере попались ему задачи «Трех Неизвестных». Не слишком легкие, не слишком трудные. Нормальные были задачи. Володя их одолел. Решения отправил в редакцию. И слегка удивился, когда узнал, что его ответ оказался одним из лучших. Письмо ему прислали из «Пионера» и грамоту.

На другой год он уже увереннее участвовал в математическом конкурсе и снова победил. Опять прислали грамоту и новое уважительное письмо. Кстати, был в этом письме совет: поступить в вечернюю математическую школу. Поступил. Весь год прочно держал одно из первых мест в классе. А весной оказался в числе тех немногих, кого рекомендовали для поступления в дневную физико-математическую школу. Там он и учится сейчас в восьмом классе.

Со стороны поглядеть — получается, что у Володи все складывалось на зависть славно и гладко. Увидел — решил — победил. Там первое место, тут первое место... Остается только руками развести и воскликнуть: «Талант!»

— Талант? Ну, не знаю... О таланте пока говорить рано,— возражает Борис Петрович Гейдман, который преподает в Володином классе математику.— Талант — это когда человек прокладывает путь по целине, по бездорожью. В школе новых дорог не прокладывают; но Володя умеет выйти на дорогу самую короткую и самую прямую. Это очень ценное для математика свойство — видеть кратчайший путь к решению. А еще он человек, голодный на задачи! Решит — и тут же ему подавай новую. Кажется, на минуту опоздаешь — он умрет. Или в крайнем случае под парту залезет. Был такой забавный случай. На контрольной я, кроме обязательных, дал дополнительную задачу. Хочешь—решай, не хочешь— не надо. Володя основные задачи сделал поскорее, схватился за дополнительную. А с ней не справился: запутался, а потом времени не хватило. За основную работу поставил я ему пять, а за дополнительную—двойку. В классе, конечно, хохот. Спрашивают его: чего же ты, чудак, за нее брался, только испортил отметку? А я его понимаю: он просто не мог эту задачу упустить. Задачи ему нужны, как кислород. Горение поддерживают!

Жадность математическая (взрослые назвали бы ее целеустремленностью) помогает Володе в жизни, пожалуй, больше, чем его отличные способности.

В физико-математическую школу Володя мог поступить без экзаменов: это право он заработал в ВМШ. А он отправился на конкурс и сдал: письменный экзамен на пять и на пятерку устное собеседование. Зачем? Так, говорит, вернее. Ездит теперь из Калининграда в Москву каждое утро. А днем — обратно. Три часа в общей сложности. «Тяжело?» — его спрашивают. «Да нет,— говорит,— почему тяжело? Мне нравится. Задачки дают хорошие...»

— Володька вообще добьется чего хочешь. Вернее, всего, что реально,—говорит Виктор Шинкин, старший Володин брат.— Если за что взялся, доведет до конца обязательно. Дикого котенка изловил! Все ребята во дворе за ним гонялись, и все в конце концов отступились. Один Володька не сдался. Приволок его, злюку этого, домой в портфеле, дырки специально просверлил. Маму уговорил, чтоб разрешила держать...

С Володей мы о математике не говорили. Говорили о книгах, которые ему нравятся: оказалось, что Джек Лондон (потому что о смелых людях) и Сетон-Томпсон (потому что о животных). О луках говорили, которые он мастерит. О том, что товарищей у него в Калининграде весь дом, вернее, два дома, а теперь в школе целый класс.

И с братом они большие друзья, библиотека у них по математике общая, и книг покупать почти не приходится, потому что много у Виктора было, а много он, Володя, получает в премии на конкурсах. И если что непонятно, Виктор ему объясняет. Потому что, если ты в чем-нибудь не разобрался, в математике дальше идти нельзя. Обязательно надо понять. ★

«Сделать для детей»

Г. ГРЕБЕННИКОВ

В НАШЕМ ЛЕНИНСКОМ КАБИНЕТЕ

Над дверью одиночной камеры значился номер «193». Четырнадцать месяцев — с декабря 1895 года по февраль 1897-го — в этой камере петербургской тюрьмы был заключен царскими жандармами опасный для них революционер Владимир Ильич Ульянов — Ленин.

Но и за решеткой Ленин не прекращал революционной работы. Он писал статьи, листовки и передавал их на волю товарищам. Чернила у Ленина были невидимые: он писал лимонным соком или молоком. Получив «безобидную» книгу с тайными записями между строк, родные и друзья прогревали страницы над огнем, и тогда проступали ленинские строчки-невидимки.

Так на страницах одного журнала переслал Владимир Ильич свой проект программы марксистской рабочей партии, которую он стремился создать в России для борьбы с царским правительством, для освобождения трудового народа.

Программа рабочей партии. Это как компас, стрелка которого указывает путь в борьбе. Это как нить, крепко соединяющая всех, кто хочет свергнуть царя. Это и оружие, помогающее настоящим революционерам разоблачать тех, кто пытается сбить с толку рабочих и крестьян, отвлечь их от борьбы за свои права. И вот в проекте программы, в этом боевом революционном документе, Ленин не позабыл вставить пункт о детях — о том, чтобы партия добивалась запрещения труда ребят, которым меньше пятнадцати лет.

Ленин думал о детях и в сибирской ссылке. Он писал там большую книгу «Развитие капитализма в России». И много раз приводит он в этой книге факты безжалостной эксплуатации детей на капиталистических фабриках. Он пишет, например, что в ювелирном, самоварном и гармонном производствах работают семи-восьмилетние дети, что их рабочий день отличается непомерной продолжительностью, достигая обыкновенно шестнадцати часов.

Там же, в ссылке, в 1899 году Владимир Ильич написал статью «О стачках». И снова он говорит не только о взрослых рабочих, но и о детях. О том, что на фабриках сплошь и рядом можно увидеть надрывающихся за работой детей с пяти-шестилетнего возраста. И рабочий день у них длится по семнадцать, по девятнадцать часов.

...Шел первый год Советской власти — один из самых трудных в истории страны Октября. К осени 1918 года Республика Советов оказалась в огненном кольце вражеских армий. Она была отрезана от донецкого угля, от кавказской нефти, от украинской руды, от сибирского и кубанского хлеба. Голод, разруха царили в городах и селах.

И в эту трагическую пору, когда решается вопрос быть или не быть власти большевиков, когда все силы напряжены в неравной борьбе, Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин пишет резолюцию на бумаге, адресованной Управлению имуществом дворцов:

«Очень прошу... удовлетворить просьбу отдела детских домов Народного комиссариата социального обеспечения».

А просьба была такая: выделить подушки, одеяла, простыни, полотенца для нужд детских приютов.

...В январе 1919 года Ленин получает докладную записку об изыскании средств на закупку продовольствия для детей Москвы и Петрограда. Среди прочих мер в ней предлагалось провести «неделю голодных детей», устроить в деревнях обмен промышленных товаров на продукты.

Вспомним: то было время, когда голод душил страну. Хлебный паек составлял «осьмушку» — восьмую часть фунта в день, то есть всего пятьдесят граммов.

И вот Владимир Ильич пишет на докладной наркому продовольствия А. Д. Цюрупе:

«Неделю голодных детей во всяком случае подготовить, объявить и провести надо...

Может быть, еще что-либо взять и сделать для детей?

Надо бы».

Ленинские работы, письма, записки, документы бережно хранятся в Центральном партийном архиве. И нельзя без волнения читать их: здесь в каждой строке — история Революции... Вот подписанный Лениным 4 февраля 1919 года Декрет Совнаркома об учреждении особого Совета защиты детей, «принимая во внимание тяжелые условия жизни в стране и лежащую на революционной власти обязанность оберечь в опасное, переходное время подрастающее поколение».

10 июня 1919 года по прямому проводу из Кремля — главному правительственному каналу связи с фронтами — пошла в Симферополь телеграмма Ленина наркому продовольствия Крыма:

«В связи с тяжестью продовольственного положения Великороссии, громадным недостатком продуктов для питания детей, особенно больных, предлагаю все имеющиеся в Крыму фруктовые консервы, также сыр отправлять исключительно для питания больных детей севера Великороссии в адрес Компрода. О последующем срочно сообщите».

Грузы для детей Ленин ставил «наравне с военными».

Когда жители разных городов стали добровольно отчислять часть своего пайка в фонд помощи голодающим детям Москвы и Петрограда, когда из одного только Саратова за полтора месяца было отправлено более шестидесяти вагонов с мукой, манкой, рыбой, Ленин лично следил за продвижением этих поездов и письменно просил «все советские учреждения и власти оказывать всяческое содействие».

Владимиру Ильичу часто приходили продуктовые посылки от крестьян, от бойцов Красной Армии — проявление любви народной. Но Ленин неизменно отправлял в детские дома или больницы все до последнего кусочка сахара, до последнего сухарика. Так, 7 мая 1920 года он шлет благодарность «тридцатому полку красных коммунаров Туркестанского фронта за присланные макароны и муку, которые переданы мною детям города Москвы».

А знаешь ли ты, читатель, что в царской России каждые восемь человек из десяти вместо подписи ставили крестик, потому что не умели писать? И хотя первые годы Советская республика вынуждена была экономить на всем, чтобы скорее восстановить разрушенные заводы, шахты, железные дороги, она не экономила на одном: на школах, на ликвидации неграмотности.

По предложению Ленина были даже сокращены траты на ремонт судов и сэкономленные деньги — два миллиона рублей золотом — переданы Народному комиссариату просвещения.

В 1918 году пришли к Владимиру Ильичу рабочие Путиловского завода. Они просили помощи в создании для своих детей музыкальной студии. Услышав о том, что отдел народного образования посоветовал рабочим повременить с этим, Ленин сказал, обращаясь к присутствовавшим в кабинете товарищам:

— Вы слышите, что путиловцы хотят? Они хотят создавать свою трудовую интеллигенцию, а им говорят: «Подождите годик!» Никаких промедлений, студию надо организовать!

И рабочим был предоставлен великолепный особняк, в котором вскоре появились рояли, скрипки, виолончели и даже ящик, полный кастаньет.

Так заботился Ленин о том, чтобы дети трудящихся — будущие строители коммунизма — были не только грамотными, но и всесторонне развивали свои таланты.

Впоследствии студия путиловцев была преобразована в детскую музыкальную школу, которая существует в Ленинграде и сейчас.

Беседуя как-то с выдающейся немецкой коммунисткой Кларой Цеткин, Владимир Ильич сказал: «Молодежи особенно нужны жизнерадостность и бодрость. Здоровый спорт — гимнастика, плавание, экскурсии, физические упражнения всякого рода...» Немало документов подписал Ленин о физическом воспитании молодежи и очень внимательно следил за работой оздоровительных детских площадок.

Однажды, проходя мимо школы, Владимир Ильич увидел, как на перемене ребята играют в футбол мячом, сшитым из тряпок.

— Наверное, трудно играть таким мячом? — спросил он.

— Конечно, трудно! — ответили дети.

Через два дня в школу пришла посылка, а в ней — настоящий кожаный мяч!

При случае Ленин охотно принимал участие в играх детей, катаниях на салазках... Сколько тут было радости, шуток, смеха! Сохранилось много воспоминаний о том, как шумно, весело и непринужденно играли с ним дети, где бы то ни происходило: и в сибирской ссылке, и в эмиграции за границей, и после революции, когда Ленин был главой государства и по горло занят работой. Детей он любил. И дети любили его.

В Горках, уже тяжело больной, Владимир Ильич с наслаждением смотрел, как играют деревенские ребята у нарядной елки, специально для них украшенной.

Детские ясли и детские сады, большие школы и пионерские лагеря, детские санатории и дворцы пионеров, детские железные дороги и любовно отделанные детские универмаги — как это все для нас теперь привычно! А вождю революции Ленину лично приходилось думать, где достать голодной детворе спасительные консервы и одеяла, как одеть, обуть, вывести в люди тысячи беспризорных и сирот, как воспитать всех детей настоящими борцами за коммунизм... ★

Край земли

Александр ИВАНЧЕНКО

Рисунок
Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Есть на свете три знаменитых мыса: мыс Горн — самая южная точка американского материка, мыс Игольный — самый южный берег Африки, и мыс Дежнева — самая дальняя окраина Советской страны. Три мыса — три края земли, три незримых черты, где сливаются океаны. У мыса Горн воды Тихого океана встречаются с водами Атлантики, у Игольного — Атлантика сливается с Индийским, а у мыса Дежнева Тихий океан роднится с Северным Ледовитым. Три скалистых мыса словно соединяют все океаны планеты.

У мыса Горн я охотился за китами, с кру-

того обрыва Игольного фотографировал бушующий прибой, а вот добраться до мыса Дежнева, хоть он и в нашей стране, мне никак не удавалось.

Наконец я попал в чукотский поселок Уэлен. Отсюда до мыса Дежнева рукой подать — всего, если добираться туда берегом моря, тридцать километров. Для Чукотки это не расстояние. Как-то знакомый чукча сказал мне:

— Завтра, однако, побегу к соседу, давно не виделись, навестить надо.

Я спросил, далеко ли живет сосед.

— Нет, — говорит, — совсем недалеко. На собачках два дня бежать, на лыжах — четыре. Близко.

До того соседа было сто восемьдесят километров. Как от Москвы до Тулы! А тут каких-нибудь тридцать километров. Пешком пройти ничего не стоит. Так мне тогда казалось.

Я был очень удивлен, когда мой проводник явился ко мне в гостиницу весь обвешанный походным снаряжением. Два охотничьих карабина (один для меня), туго набитый всякой снедью рюкзак, здоровенный чайник, примус, бидон керосина, два топорика (один для меня) и две ручные пилы (одна для меня). Еще узел с меховыми спальными мешками и двумя парами запасной обуви.

— Можно подумать, Рольтыргин, что мы уходим в тундру на целый месяц, — сказал я.

— Идешь на день, надо собираться на месяц, — серьезно ответил Рольтыргин. — Разве ты большая полярная станция и знаешь, какой подует ветер?

— А зачем нам топоры и пилы? Разве на мысе Дежнева растут деревья?

Конечно, я знал, что никаких деревьев там нет и быть не может, как и всюду на Чукотке. Спросил весело, в шутку, но мой вопрос Рольтыргину не понравился.

— Совсем тундру не знаешь, — сказал он укоризненно. — Мясо в рюкзаке крепко замерзает, ножом не разрежешь, топор надо. Чай пить хочешь, вода надо. Тундровый снег твердый шибко, топор разобьешь, пилой резать надо. Тебе одна пила, мне одна пила — работа быстро идет.

Скоро я смог убедиться, что Рольтыргин во всем был прав, и, главное, в том, что сам не поленился и меня заставил нести запас еды, может быть, не на месяц, но на добрых две недели.

Из Уэлена мы вышли рано утром. Из-за горизонта над Ледовитым океаном только-только поднимался огромный оранжевый шар — молодое северное солнце, всего лишь две недели назад развеявшее полугодовой сумрак полярной ночи. Лучи его золотистыми косыми струями скользили над голубыми торосами океанского льда, над белой пустыней тундры, и все вокруг покрывалось розовой дымкой. Твердый, как камень, снег вспыхивал миллионами солнечных зайчиков, больно слепил глаза.

Впереди с высокого скалистого берега спускалось к океану семейство белых медведей: медведица и двое маленьких медвежат. Ловкими прыжками, один за другим, они спрыгнули со скалы на лед и неторопливо, вразвалочку зашагали навстречу солнцу. Только эти медведи да нас двое были живыми в безбрежном стылом просторе.

Рольтыргин долго шел молча, потом сказал:

— Не нравится мне, однако, солнце.

— Почему, Рольтыргин?

— Ветер будет, однако.

— Думаешь?

— Не надо думать, смотреть надо. Солнце шибко красное, на пургу, пожалуй.

Мне вспомнилась старая морская поговорка: «Солнце красно по утру, моряку не по нутру».

— Да, Рольтыргин, пожалуй, примета верная, — сказал я, желая показать себя не таким уж незнайкой. — Однако идти можно. Быстрее пойдем, глядишь, и обгоним пургу.

Он с сомнением покачал головой, но согласился.

В тот день мы успели пройти километров десять. Дальше идти стало невозможно.

Сначала ветер задул как будто не очень сильный. Но уже через полчаса разыгралась настоящая пурга. Мы шли как будто против бурного потока воды. Мою козью шубу продувало насквозь. Снег набивался под полы, оседая на брюках и свитере плотной ледяной коркой. Я пытался срывать лед со свитера, но ворсинки вмерзли и словно спаялись с ним.

Потом я почувствовал, что у меня начинают замерзать ноги. В тяжелые овчинные унты, еще недавно такие теплые, будто кто-то накачивал холод.

Впереди уже ничего не было видно. Колючий снег хлестал по глазам, как крупинки битого стекла. Держась за Рольтыргина, я шел почти вслепую.

— Еще маленько надо идти! — пересиливая свист ветра, прокричал он у моего уха. — Маленько дальше отдыхать можно.

Не знаю, сколько прошло времени, когда ветер вдруг немного ослаб. Пурга продолжала бушевать, но снег бил по глазам уже не так остро. Можно было осмотреться.

Мы оказались в небольшом каньоне, похожем на кратер потухшего вулкана. Как Рольтыргин нашел его, я не представляю до сих пор.

В вихрях пурги не было видно даже вытянутой вперед собственной руки. Но проводник вышел точно к каньону. Для нас он был спасением. Мы провели в нем шесть с половиной суток. Пилами вырезали в снегу глубокую яму, потом в одной из ее стенок таким

же способом вырезали грот и там, в гроте, пережидали пургу.

Теперь-то я по-настоящему мог оценить запасливость Рольтыргина. Из своего громадного рюкзака, кроме нескольких увесистых кусков мороженой оленины, он извлек еще ворох очень нужных вещей. Брезент и четыре колышка — мы накрыли яму, чтобы нас не заносило снегом; мягкую оленью шкуру — мы постелили ее в гроте; два сухих березовых чурбачка — чтобы разогреть в бидоне керосин.

Керосин, который я нес, замерз и превратился в белую кашицу. Налить его в примус было невозможно. Тогда Рольтыргин взял нож и настрогал с березового чурбачка лучинок. Поджигая одну за другой, он подносил их ко дну бидона, и керосин вскоре растаял. Потом он так же подогрел примус.

Наверху бесновалась пурга, а мы, уютно умостившись на оленьей шкуре и спальных мешках, пили крепкий, горячий чай, закусывая галетами и знаменитой чукотской строганиной. От большого куска мороженого мяса Рольтыргин отрубил кусок поменьше, потом, быстро работая ножом, настрогал мясо тонкими лепестками. Строганина была готова. Белые от мороза лепестки мяса мы посыпали солью и так ели. Непривычная для меня еда, но ничего, есть можно. А продрогшему да голодному и вовсе вкусно.

Рольтыргин смотрел, с каким аппетитом я уплетаю строганину, и его темные глаза лукаво улыбались. Он знал мало русских слов и не все умел высказать, но я понимал его и без слов. Наверно, он вспоминал, как мы уходили из Уэлена. И как я убеждал его не брать с собой половину оленьей туши.

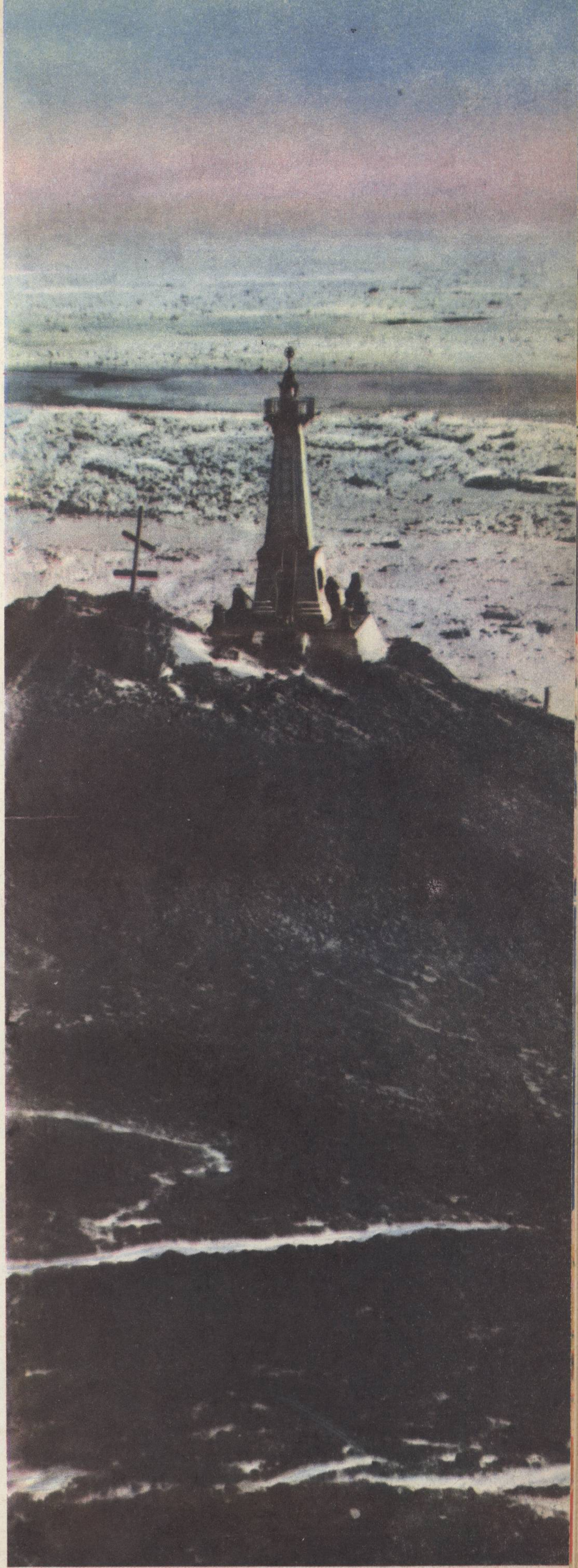
До мыса Дежнева мы добрались на седьмые сутки.

Как всегда после пурги, стояла звенящая морозная тишина. Серебристое полярное небо поголубело, и не было на нем ни единого облачка. Заснеженные сопки тундры, льды в проливе между мысом Дежнева и Аляской — все сверкало в яростных потоках холодного света.

Белый маяк на мысу лучился, словно выбелен был не известью, а зеркальной эмалью. Его стройная четырехгранная колонна стоит на высокой скале, сложенной из белого кварца и алой киновари. Крупинки киновари разбросаны по всей скале, и кажется, вершина мыса усыпана драгоценными рубинами.

Только старинный черный крест рядом с колонной маяка дышал суровостью, молчаливо напоминая о тяжких трудах Семена Ивановича Дежнева — славного русского морехода, открывшего пролив между Азией и Америкой.

Благодарные потомки установили здесь памятный крест и бронзовый бюст Дежнева у белой стены маяка, указывающего морякам путь из Тихого океана в Северный Ледовитый.

Георгий
ВЛАДИМОВ

ПРО КИТЕНКА

Не знаю уж, как это вышло, что он к нам в сети попал; киты ведь у нас селедку не выедают, как акулы. А этот-то совсем был молочный. Может быть, он мамашу свою потерял, обезумел со страху и носился туда-сюда по морю, пока не напоролся на наш порядок. Запутался, рваться стал и еще больше намотал на себя сетей.

И вот под утро вахтенный штурман прибегает в кубрик: «Ребята, сети выбирать! Срочно! Нечисть какая-то попалась, пароход шатает!» Мы прислушались—и правда, дергается пароход. Ну что, пошли, вытрясли сколько-то там сетей, подтащили эту нечисть к борту. Оказалось, синий китенок попался. А что же с ним делать? Обрезаться от него, выкинуть метров двести порядка? Но жалко всем: ведь погибнет китенок, он же ведь спеленатый, плавником не пошевелит. А на нем тоже не разрежешь путы, это водолазов нужно звать, да к нему и подплыть опасно: убьет и не заметит. «Давай тащи на палубу,— кеп приказал.— Что еще остается?»

Пустили в дело все машинки, какие только есть на пароходе. Кто-то даже якорный брашпиль предложил приспособить, но побоялись цепью китенка покалечить. Да мы и так его вытащили — и машинками и руками тащили,— сперва хвост, потом все остальное. Молочный-то он молочный, но зверь будь здоров, хвост у него с одного борта свешивался, а головой он лежал на другом. Сети мы на нем обрезали, растащили, а он себе полеживал, иногда лишь подрагивал кожей. Да мало сказать — подрагивал, от этого все лючины скрипели на трюме. Кто-то догадался: поливать его забортной водой, чтоб шкура не сохла, специально вахтенного к нему приставили. И китенок совсем успокоился, только посвистывал дыхалом. Красивых он был цветов—сверху черно-синий, а к брюху постепенно светлел. И что удивительно: все твари в море холодные, а к нему прикоснешься — как будто лошадь гладишь по морде, возле ноздрей.

Но что ж теперь делать с ним? Распеленали, а как обратно стащишь в море? Это надо стрелу иметь с вылетом за борт, а такой на СРТ нет. Все работы на пароходе прекратились, рыбу не ищем, сетей не мечем: палуба китенком занята. И не пройти никак, не перепрыгнуть. Пытались через него лазить, но он от этого начинал беситься, сбрасывал с себя людей. Пришлось боцману из досок трап сколотить, и мы по нему бегали через китенка—из кубрика в салон, из салона в кубрик. Тут кто-то мысль подал: «А давайте его на базу вместо селедки сдадим, в нем же тонн восемь будет весу. Он нам план порушил, он же нам его и выполнит. Все равно без базы мы его не скинем».

А уже на всех судах заметили, что мы китенка везем, то и дело нашего «маркони» [1] запрашивают: «Куда тащите кита? В этом возрасте охота на них запрещена, конвенции не знаете?» Насчет конвенции мы как-то не учли. Ну, мы же не китобои, дела с ней не имели. Кеп сразу расстроился: «Выловил кита на свою голову!»

Но делать-то нечего, все равно к базе идти — у нее машины, у нее стрелы. Чем ближе к базе, тем больше вокруг нас собиралось норвежцев, французов, англичан, фарерцев. Штук восемьдесят судов за нами увязалось, все про свою селедку забыли, один китенок и беспокоит. А он полеживает и посвистывает, не знает ни про какую конвенцию.

Когда уже подходили к базе, наперерез нам вышел норвежский крейсер и три вертолета висели в небе — наверное, фотографировали нас с воздуха.

С крейсера приказали нам:

— Немедленно выпустите кита в море.

— Только об этом и мечтаем. Да снять не можем.

— Как же он оказался на борту?

— Сами удивляемся!

Я помню это утро, когда мы пришвартовались. Штиль был полнейший, ветер едва шевелил флажки на мачтах; синее небо, синяя вода, солнце — как в июле в Крыму. И все море в судах, всех флагов суда, всех цветов, а в небе еще висели вертолеты. С базы нам подали шкентель, и мы китенка рифовым узлом обвязали за хвост. Крейсер нам еще посоветовал мешковину подложить, чтоб не поранить ему шкуру. И стрела его потащила в небо.

Тут он проснулся, китенок, стал рваться, весь извивался в петле. А мы под ним быстренько отшвартовались и отходили, очищали море. Потом с базы отдали риф, и китенок наш сиганул в воду. Тут же вынырнул, взметнул хвостом, всплеск нам устроил — выше клотика. И ушел на глубину.

И что тут такое сделалось — «ура» на всех пароходах, гудки, ракеты полетели в нёбо!

Этот день был, как праздник, честно вам говорю. Он и сам был хороший — такой синий и солнечный. И китенок был хороший.

---

[1] «Маркони» — так обычно зовут моряки радистов.

Рисунки П. БАГИНА.

К. Ушинский «Слепая лошадь».

*Семен Липкин «Страна Бумба».
По мотивам калмыцкого эпоса.*

«Летающий конь». Арабская сказка.

Художник

Все мы уносим из своего детства на всю жизнь запомнившуюся любимую сказку, рассказ или стихотворение, а с ними и картинку - иллюстрацию, создавшую зримый образ. Этот образ, возникая в нашем сознании, заставляет заново пережить чувства и мысли, рожденные давно прочитанным и любимым. Часто иллюстрация запоминается лучше текста и живет долгой, самостоятельной жизнью.

Но не каждому рисунку дана долгая жизнь.

Тонким искусством иллюстрирования владел художник Юрий Федорович Кискачи, многие годы рисовавший для журнала «Пионер».

Человек большой культуры и незаурядного таланта, Юрий Федорович за тридцать с лишним лет создал интереснейшие иллюстрации.

Здесь и сказки, и легенды, и баллады — русские и народов СССР, сербские и польские, монгольские и арабские, английские и шотландские, рассказы Толстого, Житкова, Вальтера Скотта, Бласко Ибаньеса, Гофмана и Стендаля, стихи Маршака и многих других поэтов.

Сколько произведений, самых разных эпох, различных по месту действия и стилю, проиллюстрировано Юрием Федоровичем, сколько фантазии и знаний, искренних переживаний и любви к изображенному вложил он в свои рисунки!

Особенно любил Юрий Федорович рисовать к сказкам, создавая образы то трогательные и нежные («Золушка» Перро, «Василиса Прекрасная», «Щелкунчик и Мышиный царь» Гофмана), то зловещие («Клетчатый флейтист» Броунинга и «Молодой англичанин» Гауфа), то героические и возвышенные (сказки Р. Стийенского, «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели).

сказки

Скупыми и точными средствами художник заставляет нас поверить в реальность сказочного мира, не разрушая при этом очарования вымысла.

Большой знаток и любитель русской истории и истории Москвы, он прекрасно передал ощущение эпохи в своих рисунках к повести В. Яна «Никита и Микитка», к поэме Н. Кончаловской «Медный бунт» и к другим историческим произведениям.

Мы раскрываем журнал, и наше внимание привлекает красиво написанный заголовок к стихам или буквица к рассказу, оригинальная заставка к разделу журнала или название рубрики. Это так называемая малая графика. Вместе с иллюстрациями она помогает нам читать и понимать прочитанное, вводит нас в мир, где происходят описанные события.

Много прекрасных произведений малой графики создал Юрий Федорович Кискачи.

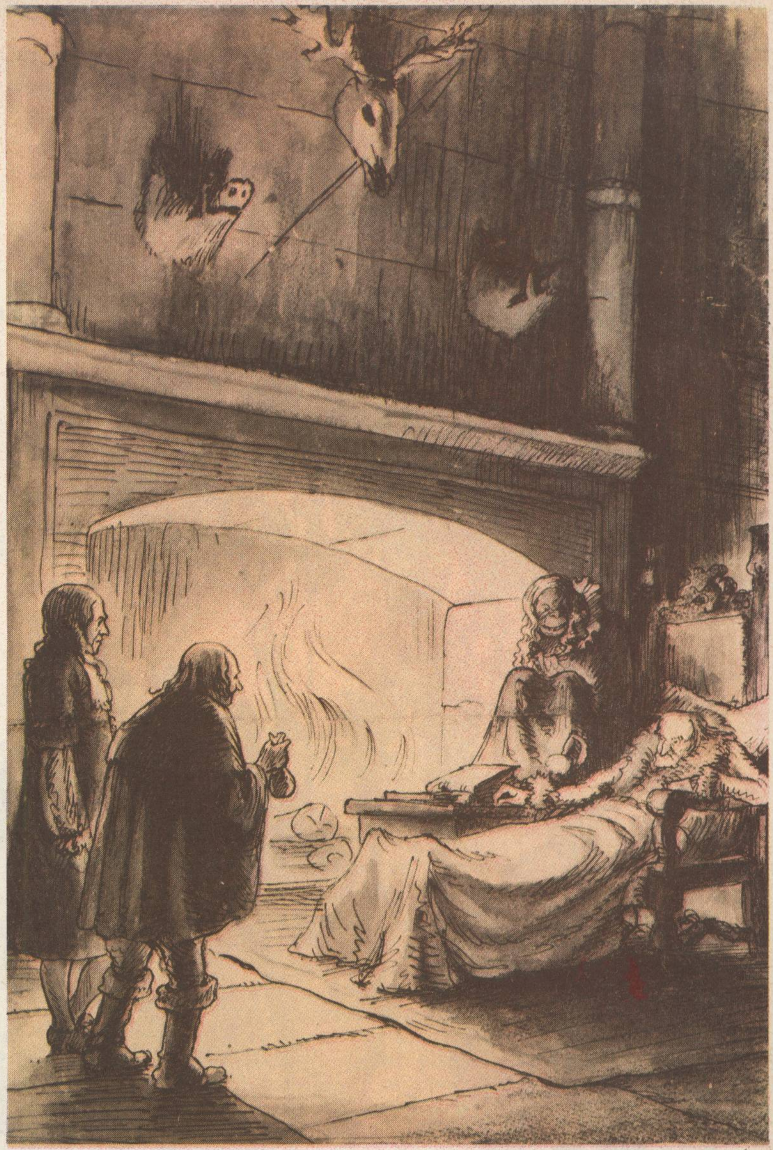
Так, например, в маленькой заставке в виде марки к письму он умел передать все то, что волновало автора письма. Его заставки-марочки к письмам ребят — это мастерски выполненные миниатюры.

Юрий Федорович постоянно рисовал с натуры, делал много зарисовок, эскизов, набросков людей, уличных сцен и пейзажей. В течение всей жизни он работал над иллюстрациями к произведениям Пушкина, Лермонтова, Толстого, Достоевского и ряда других любимых им писателей.

Не одному поколению читателей журнала, давно уже ставших взрослыми, памятны произведения Юрия Федоровича Кискачи, произведения, которые пробуждают фантазию, любовь к прекрасному и лучшие человеческие чувства.

Художник В. ЦЕЛЬМЕР.

Вальтер Скотт «Рассказ слепого странника Вилли».

Э. Т. А. Гофман «Щелкунчик и Мышиный царь».

театр Фонарик

Владимир ЛИФШИЦ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

На лужайку перед зрителями выезжает тележка, которую везет бутафорская лошадка, украшенная лентами и колокольчиками. На тележке и рядом с ней артисты. Они играют и поют:

Мы любим вечно кочевать —
Бродячие артисты.
Мы не умеем унывать —
Бродячие артисты!
Лошадки наши там и тут,
Они не так уж плохи,
По всем дорогам нас везут
И через все эпохи...

Два артиста накидывают пестрые плащи, надевают шляпы с перьями, подносят к губам трубы и превращаются в ГЕРОЛЬДОВ.

ПЕРВЫЙ. Уважаемая публика!
ВТОРОЙ. Дорогие зрители!
ПЕРВЫЙ. Сейчас вы увидите...
ВТОРОЙ. И сейчас вы услышите...
ПЕРВЫЙ. Занимательную...
ВТОРОЙ. Поразительную...
ПЕРВЫЙ. Удивительную...
ВТОРОЙ. Достоверную историю...
ПЕРВЫЙ. Которая произошла четыреста лет тому назад...
ВТОРОЙ. В английском городе Готаме...
ПЕРВЫЙ. Где, как известно, пекут самые вкусные яблочные пироги!..
ВТОРОЙ. И варят самое пенистое пиво!..
ПЕРВЫЙ. А жители славятся на всю Англию своим умом и смекалкой.
ВТОРОЙ. Итак, перенесемся на четыреста лет назад в город Готам...
ПЕРВЫЙ. И познакомимся с его обитателями!
ВТОРОЙ. Трубочист!

Один из актеров превращается в ТРУБОЧИСТА.

ТРУБОЧИСТ. Все дымоходы город Готам
Моим препоручил заботам!
ПЕРВЫЙ. Пекарь!.. Пивовар!..

Актеры превращаются в ПЕКАРЯ, ПИВОВАРА. Под звуки труб выходит КОРОЛЬ.

ВСЕ *(почтительно склоняясь)*. Король...

Появляется ШЕРИФ.

ШЕРИФ. Шериф!

Звеня бубенчиками, выбегает ШУТ.

ШУТ. Шут!

Сделав сальто, появляется ДЖО БЕЗ КОСТЕЙ.

ДЖО. Я Джо, бродячий акробат!
Все предо мной открыты двери...
Вот дочь моя, знакомьтесь...

Выбегает и грациозно кланяется РЫЖАЯ МЕРИ.

МЕРИ. Мери!
ДЖО. Мы жили много лет назад.

Действующие лица садятся в кружок. ДЖО и МЕРИ увозят тележку. На лужайке остается ТРУБОЧИСТ, делающий вид, будто он на крыше.

ТРУБОЧИСТ *(поет)*. Кто всех на свете выше?
Конечно, трубочист!
Как по полу, по крыше
Гуляет трубочист.

ПИВОВАР. Ох, трубочист, у меня голова кружится на тебя смотреть!..
ТРУБОЧИСТ *(чистит трубу)*.
Нет ничего на свете
Прекрасней высоты!
Со мной здесь только ветер,
Да кошки и коты!
(Вглядываясь из-под руки вдаль.)
Никак, едут? Едут!..
ГОЛОСА. Едут!
Едут!
Джо Без Костей!..
Рыжая Мери!
Представление!..
Будет представление!..

Слышен звон колокольчиков. На площадь выезжает та же тележка бродячих артистов, но теперь рядом с ней идет только акробат ДЖО БЕЗ КОСТЕЙ, а в тележке сидит его дочь РЫЖАЯ МЕРИ.

ДЖО *(сняв шляпу, кланяется на все стороны)*. Приветствую славный город Готам и его почтенных жителей!
МЕРИ *(выпрыгнув из тележки с гитарой)*. Здравствуйте, добрые люди! *(Посылает всем воздушные поцелуи. Поет, аккомпанируя себе на гитаре. ДЖО подыгрывает на волынке.)*
С лошадкой нашей мы втроем
По всей стране кочуем,
Бывает, в Солсбери встаем,
А в Бамбери ночуем.

Все подхватывают припев.

Тра-ля-ля-ля,
Тра-ля-ля-ля,
А в Бамбери ночуем!
Мы едем, едем, не спеша,
Лошадку подгоняем,
А если нету ни гроша,—
И тут не унываем!
Тра-ля-ля-ля,
Тра-ля-ля-ля,
И тут не унываем!
Бедняк всегда спокойно спит,
А богачу не спится!
Богач богатство сторожит,
Богач воров боится!
Тра-ля-ля-ля,
Тра-ля-ля-ля,
Богач воров боится!

ТРУБОЧИСТ. Браво!.. Браво!.. А теперь пускай старина Джо покажет свое искусство.
ДЖО. Охотно. *(Сбросив плащ, остается в ярком трико. Расстелил коврик, жонглирует, ходит на руках, стоит на голове, делает сальто.)*
ТРУБОЧИСТ. Стойте, стойте, стойте!.. Пыль на дороге клубится, скачет кто-то. Вон через ручей перемахнул. А вот уже и дуб миновал. Важный, нарядный, шляпа с пером, в руке — пика, на пике — флажок. Да никак это сам королевский шериф? Провались я сквозь эту крышу, если это не шериф!
ПИВОВАР. Каким ветром его к нам занесло?

Стук копыт все громче, громче — и на площадь на бутафорском коне выезжает осанистый и важный королевский ШЕРИФ. Он достает и разворачивает длинный пергаментный свиток.

ШЕРИФ. Жители города Готама! Его величество король Англии, объезжая свои владения, пожелал соизволить... то есть соизволил пожелать остановиться в вашем городе Готаме на целых семь дней, со всем своим королевским двором. И повелевает приготовить пятьсот говяжьих туш, тысячу бочонков пива и вина и пять тысяч самых сладких яблочных пирогов. А ежели всего этого приготовлено не будет, его величество король повелел передать вам, олухи, всего три слова *(читает по свитку)*: «ВЫ — МЕНЯ — ЗНАЕТЕ!» Завтра в полдень его величество прибудет в Готам! *(Пришпорив коня, ускакал.)*

ПЕКАРЬ. Король со свитой — это хуже неприятеля!

ПИВОВАР. Все запасы сожрут подчистую!

ПЕКАРЬ. Да если я всю свою муку в дело пущу, мне и тогда пяти тысяч пирогов не испечь! Повесит нас король, мы его знаем...

ДЖО *(вскочил на тележку)*. Добрые люди! Надо сделать так, чтобы его величеству самому не захотелось в Готам. Чтобы он объехал город стороной и дорогу сюда позабыл!

ПЕКАРЬ. Это бы хорошо, да как?

ДЖО. Вы люди умные, в головах у вас мозги, а не солома, стало быть, вам ничего не стоит разыграть из себя дураков. Самых что ни на есть дурацких дураков! Таких дураков, каких свет не видывал. Таких распродурацких дурней, чтобы каждому, кто с вами встретится, захотелось от вас бежать на край света. Да еще оглядываться, не запустили бы вдогонку камнем. Мало ли что дураку взбредет в пустую башку?

ПИВОВАР. Начинаю понимать...

ПЕКАРЬ. И я, кажется, догадываюсь.

ТРУБОЧИСТ. Джо, а Джо, а как король узнает, что в Готаме живут одни дураки?

МЕРИ. Мы с отцом поедем навстречу и предупредим короля!

ПЕКАРЬ. Опасное это дело.

ДЖО. Мы с дочкой и не в таких переделках бывали. Отправляйтесь-ка лучше в трактир да придумайте там дурацкие дурачества самого отличного качества!

На лужайке остаются только два ГЕРОЛЬДА.

ПЕРВЫЙ. Интересно, что будет дальше?

ВТОРОЙ. Скоро узнаем. *(Прислушивается.)* Едет кто-то.

ПЕРВЫЙ *(тоже прислушивается. Слышно цоканье копыт и скрип колес)*. Так ведь это же Джо Без Костей и Рыжая Мери! Страшно мне за них. Ведь если король поймет, что они его морочат... Едут!

ВТОРОЙ. Спрячемся! *(Прячутся.)*

Мимо дуба и придорожного камня проезжают с песенкой ДЖО БЕЗ КОСТЕЙ и МЕРИ. ГЕРОЛЬДЫ вновь появляются.

ПЕРВЫЙ. А где его величество король?

ВТОРОЙ. В шатре.

ПЕРВЫЙ. А где шатер?

ВТОРОЙ. Да вот он!

ГЕРОЛЬДЫ выносят и ставят посреди лужайки нарядный королевский шатер. Сменив шляпы на шлемы и взяв алебарды, они превращаются в ТЕЛОХРАНИТЕЛЕЙ, стоящих у входа в шатер. Появляется ШУТ.

ШУТ. Рано еще. Все спят. И король спит. И свита спит. И стража спит. Вот эти двое *(показывает на телохранителей)*, думаете, не спят? Еще как спят! Стоят и спят. Научились спать стоя. Даже глаз не закрывают. А я уже по лесу побродил, грибов набрал *(достает из лукошка мухомор)*. Что, хорош грибок? Вы скажете, что это мухомор. Да, мухомор. И остальные грибы тоже мухоморы. Их не едят, я это знаю не хуже вас. Но ведь я шут, а шуту полагается смешить. Король проснется и спросит: шут, а шут, что это у тебя в корзине? Я отвечу: грибы, ваше величество. Он скажет: покажи! Я покажу. Он скажет: так ведь это же мухоморы! Их не едят! А я скажу: их не едят, да зато их много! Король так и покатится со смеху. Он ведь у нас смешливый, дурачок. Ему палец покажи — он от смеху животик надорвет. А бывает, смеется, смеется, да и прикажет для пущего смеху кого-нибудь повесить. Вот как у нас бывает... *(Слышен цокот копыт и скрип тележки.)* Кого это в такую рань несет? Еще разбудят короля, а он этого не любит!

Въезжает тележка. В ней ДЖО и МЕРИ.

ДЖО *(громко)*. Доброе утро, уважаемый!

ШУТ. Доброе-то доброе, да, боюсь, не для тебя.

ДЖО. Почему это?

ШУТ. Потому что ты так орешь, что, наверно, разбудил короля. А у него расправа коротка. Ты его знаешь. Впрочем, ты его разбудил, несчастный. Слышишь?

Шатер колеблется. Из него слышны ворчанье и кряхтенье.

ДЖО. Милый человек, не выдавай! Я бедный акробат, а это моя дочь — певица и танцовщица Рыжая Мери.

МЕРИ. Если королю будет угодно, мы можем дать представление.

ШУТ. Это бы неплохо, да его величество торопится в город Готам, во-о-он в тот, на холме. Там ему готовят королевскую встречу.

ДЖО *(наивно)*. Кто? Дураки?

ШУТ. Какие дураки?

ДЖО. Жители Готама.

ШУТ. Почему дураки?

ДЖО. Потому что они дураки. Все до единого. Был, говорят, один умный, да и тот на поверку оказался круглым дураком.

ШУТ. Слушай, ты мне голову не морочь. Я шут. Меня не проведешь.

ДЖО. Шут? Стало быть, тоже артист? Ну, тогда ты нас не выдашь!

ШУТ. Вижу, что у тебя что-то на уме. А что — не пойму.

ДЖО. А то, что не больно-то хотят жители Готама принимать благородных гостей!

ШУТ. Ага.

ДЖО. Говорят, иной гость хуже неприятеля.

ШУТ. Так, так.

ДЖО. Вот надо бы и помочь добрым людям.

ШУТ. Добрым людям почему не помочь! Ты, парень, я вижу, не дурак.

ДЖО. Так ведь я не из Готама!

Оба смеются. Из шатра слышится долгий, сладкий зевок.

ШУТ. Прячьтесь скорей! Король проснулся. Неизвестно, с какой ноги он сегодня встал!

Полог шатра распахивается. Выходит заспанный КОРОЛЬ. В руке у него корона, которую он чистит рукавом халата.

КОРОЛЬ *(потягиваясь)*. Э-хе-хе-хе... Крепко же я поспал... Эй, люди!

ШУТ. С добрым утром, ваше величество!

КОРОЛЬ. А, шут! Ты уже встал?

ШУТ. Нет, ваше величество, я еще сплю. И вы тоже. Это я вам снюсь. А вы — мне.

КОРОЛЬ. Ха-ха-ха! А что, если я во сне прикажу вздернуть тебя вон на том суку?

ШУТ. Нельзя, ваше величество.

КОРОЛЬ. Это почему?

ШУТ. Некому исполнить ваше приказание. Все спят.

КОРОЛЬ. Хо-хо-хо! А мои телохранители?

ШУТ. А они крепче всех.

КОРОЛЬ. Врешь. *(Подходит к ТЕЛОХРАНИТЕЛЯМ.)* Стража! Спят, негодяи! Стоя спят. Стража!!! *(Лупит ТЕЛОХРАНИТЕЛЕЙ по щекам.)*

ТЕЛОХРАНИТЕЛИ. А?.. Что?.. Кто? Ваше величество?.. Слушаюсь, ваше величество!.. Так точ-

но, ваше величество!.. Никак нет, ваше величество!

КОРОЛЬ. Так-то вы охраняете вашего короля? Ваше счастье, что я встал сегодня с правой ноги. Встал бы с левой, никому бы не поздоровилось. На этот раз прощаю! Впрочем, нет. Одного телохранителя повесить.

ШУТ. Ради такого прекрасного утра помилуйте его, ваше величество.

КОРОЛЬ. Если сумеешь меня рассмешить, помилую.

ШУТ. Сумею, ваше величество.

КОРОЛЬ. А вот не сумеешь!

ШУТ. Спрашивайте!

КОРОЛЬ. Что спрашивать?

ШУТ. Что хотите.

КОРОЛЬ. Хорошо. Что это у тебя в корзине?

ШУТ. Грибы, ваше величество.

КОРОЛЬ. Покажи! *(ШУТ достает из корзины мухоморы.)* Так ведь это же мухоморы! Их не едят!

ШУТ. Их не едят, да зато их много!

КОРОЛЬ. О-хо-хо-хо-хо! А-ха-ха-ха-ха! Ой, уморил! Твоя взяла! «Не едят, да зато много»... О-хо-хо-хо-хо! Рассмешил-таки... *(ТЕЛОХРАНИТЕЛЯМ.)* Пошли вон!

ТЕЛОХРАНИТЕЛИ убегают. Слышен отдаленный колокольный звон.

КОРОЛЬ. Где это звонят?

ШЕРИФ. В городе Готаме, ваше величество, жители радуются и ликуют.

КОРОЛЬ. Радуются? Это хорошо... Я люблю, когда ликуют и радуются. В моем королевстве все до единого должны радоваться... А чему, собственно говоря, они радуются?

ШЕРИФ. Предстоящей встрече с вашим величеством!

КОРОЛЬ. А-а-а... Я и позабыл, что мы решили их осчастливить. Шериф! Передал им все, что я повелел?

ШЕРИФ. Слово в слово.

КОРОЛЬ. Славно мы там поживем эту недельку. Буди свиту! *(ШЕРИФ трубит в рог.)* Завтрак!

ШЕРИФ. Завтрак его величеству!

Два королевских охотника несут на вертеле косулю, кладут на громадное блюдо. КОРОЛЬ садится перед блюдом, ест. Пьет вино из большого кувшина.

КОРОЛЬ. Ну, вот. Теперь бы хорошо какое-нибудь состязание посмотреть. Турнир какой-нибудь, что ли. Пусть рыцари бьются на копьях! *(Хлопает в ладоши. Два рыцаря в латах, шлемах, верхом на боевых бутафорских конях, с копьями наперевес летят друг на друга. Один выбивает другого из седла.)* А теперь — лучники! *(Хлопает в ладоши. Лучники состязаются в стрельбе из луков.)* А теперь... А теперь сам не знаю, что теперь.

ШУТ. А теперь, ваше величество, я приготовил для вас маленький сюрприз... *(Тоже хлопает в ладоши — тотчас раздается музыка, и на поляну перед КОРОЛЕМ, танцуя, выбегает РЫЖАЯ МЕРИ.)*

КОРОЛЬ. Кто ты, милое дитя?

МЕРИ. Я — Рыжая Мери, ваше величество. А это — мой отец — акробат, жонглер и фокусник, по прозвищу Джо Без Костей.

Кланяясь, выходит ДЖО.

КОРОЛЬ. А что ты еще умеешь?

МЕРИ. Петь, ваше величество.

КОРОЛЬ. Пой.

МЕРИ. Хорошо, ваше величество *(поет)*.

Жила на свете птичка
И гнездышко вила.
Всё в крапинках яичко
Весной она снесла.
И вылупился вскоре
В том гнездышке птенец,
Но птенчика, о горе! —
Ужасный ждет конец.

(КОРОЛЬ начинает всхлипывать.)

Однажды злая кошка
Увидела с крыльца...

КОРОЛЬ *(всхлипывает)*. Хватит! Хватит! У меня сердце разрывается от жалости. *(ШЕРИФУ.)* Повесить ее!

ДЖО *(выскакивая вперед)*. Гоп-ля, ваше величество! *(Ходит колесом, завязывается в узел, скачет по-лягушачьи, просунув голову между ног)*.

КОРОЛЬ *(хохочет)*. Прыг-скок! Прыг-скок! Молодец! Развеселил! За это прощаю твою дочь. Разрешаю вам обоим следовать в моей свите в город Готам. Будем пировать там семь дней!

ДЖО *(испуганно)*. В Готаме?

КОРОЛЬ. В Готаме.

ДЖО. Вы отправляетесь в Готам?

КОРОЛЬ. Слушай, акробат! Я не люблю повторять своих слов. Не раздражай меня.

ДЖО. Простите, ваше величество, но я не поверил своим ушам. Вам никак нельзя ехать в Готам! Это очень опасно.

КОРОЛЬ. Опасно? Там что — бунтовщики?

ДЖО. Хуже.

КОРОЛЬ. Кто может быть хуже бунтовщиков?

ДЖО. Дурак, ваше величество.

КОРОЛЬ *(ШЕРИФУ)*. Он назвал меня дураком.

ДЖО. Нет-нет, я только сказал, что хуже бунтовщика — дурак.

КОРОЛЬ. А в Готаме — что, есть дураки?

ДЖО. Лучше было бы спросить, есть ли там хоть один умный. Там не один... дурак, ваше величество, а все до единого — дураки. Такие распродурацкие дураки, что к ним лучше не показываться. Дурак — он дурак и есть, он за свои поступки не отвечает. Короля надо цветами встречать, а дурак перепутает и встретит камнями. Что с него взять?

КОРОЛЬ *(испуганно)*. Я не хочу — камнями:.. Шериф, что ты на это скажешь?

ШЕРИФ *(подозрительно)*. Я вчера не заметил, чтобы они были дураками.

КОРОЛЬ. А ты, шут? Что ты посоветуешь?

ШУТ. А я бы на вашем месте поостерегся, ваше величество.

КОРОЛЬ. Акробат, ты меня не обманываешь?

ДЖО. Что вы, ваше величество! Я-то ведь не дурак, я знаю, что меня ждет за обман вашего величества.

КОРОЛЬ. Ну, так вот мое решение. Едем в Готам. Если по дороге убедимся, что жители — дураки, объедем город стороной. Если нет,— неделю попируем в Готаме, а тебя, акробат, за обман короля заставим поплясать на веревке. Прыг-скок, прыг-скок... Слышал? Ты меня знаешь.

ДЖО. Я вас знаю, ваше величество.

ШУТ *(ДЖО)*. Смелый ты парень, как я погляжу. Ты мне нравишься.

КОРОЛЬ *(ШЕРИФУ)*. Труби, шериф! В путь! В Готам!

ШЕРИФ. В Готам! *(Трубит в рог.)*

КОРОЛЮ подводят «коня», открывается шествие. Шатер уносят. ШУТ бежит у стремени. ДЖО и МЕРИ едут следом, затем ШЕРИФ, ТЕЛОХРАНИТЕЛИ, свита. Вся эта кавалькада только делает вид, что движется, но зрителям должно казаться, что она действительно в движении.

КОРОЛЬ. Шут!

ШУТ. Я здесь, ваше величество.

КОРОЛЬ. Смотри, чтобы не сбежал акробат со своей дочкой.

ШУТ. Глаз не спускаю.

КОРОЛЬ. А вот и первый путник идет нам навстречу.

ДЖО. Начинается. Кто бы это мог быть? *(Всматривается.)* По-моему, это пекарь. Несет чего-то... Разрази меня гром, если это не дверь!

На дороге показывается ПЕКАРЬ. Согнувшись, он тащит на спине дверь. Увидев блестящую кавалькаду, останавливается, делает попытку убежать.

КОРОЛЬ. Стой! Куда ты? Верните его!

ТЕЛОХРАНИТЕЛИ догоняют ПЕКАРЯ и ставят перед КОРОЛЕМ.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Шляпу сними, дуралей!

ПЕКАРЬ испуганно сдергивает шляпу.

КОРОЛЬ. Чего ты испугался?

ПЕКАРЬ. Простите, ваше величество. Не знал, что вы поедете по этой дороге. Оробел.

КОРОЛЬ. Не бойся. Ничего не бойся. Скажи-ка нам лучше, кто ты такой и куда держишь путь?

ПЕКАРЬ. Я пекарь, ваше величество. А путь держу из Готама в соседний город Бамбери. Там, изволите ли видеть, свояк у меня живет, так вот захотелось его проведать и пригласить к себе в гости на праздник по случаю прибытия вашего величества.

КОРОЛЬ *(ШЕРИФУ)*. Вполне здраво рассуждает. *(ПЕКАРЮ.)* А скажи-ка нам, славный человек, верно ли говорят, что у вас в Готаме живут одни дураки?

ПЕКАРЬ *(оскорбясь)*. Это кто же вам про нас такую напраслину наплел? Покажите мне его, я ему шею сверну! *(Прислонив дверь к придорожному камню, засучивает рукава.)*

КОРОЛЬ *(ШУТУ)*. Ну, что? Обманул нас акробат?

ШУТ. Похоже, что обманул. *(ПЕКАРЮ.)* А скажи, добрый человек, зачем ты дверь с собой тащишь?

ПЕКАРЬ. Потому что я оставил дома деньги.

КОРОЛЬ. Ну и что же?

ПЕКАРЬ. Боюсь воров, ваше величество. А ежели дверь со мною, то они не смогут ее взломать и войти в мой дом!

КОРОЛЬ. Ха-ха-ха! Глупец, надо было наоборот поступить: дверь оставить дома, а деньги взять с собой!

ПЕКАРЬ *(почесав в затылке)*. А ведь верно, ваше величество! Ваша правда. Как же это я не догадался? Недаром говорят в народе, что вы самый мудрый человек во всем королевстве!

КОРОЛЬ *(ШУТУ)*. Действительно, дурак. Едем дальше...

ДЖО *(ПЕКАРЮ)*. Ха-ха-ха! Ох, уморил ты меня! Ну, пекарь! Ну и голова!

ПЕКАРЬ скрылся. Кавалькада продолжает путь. Два человека роют колодец. Тут же другой колодец, уже вырытый. Рядом с ним горка свежей земли. Оба землекопа работают, не замечая подъехавших. Один из них ТРУБОЧИСТ. ШЕРИФ трубит. Землекопы в страхе оглядываются.

ТРУБОЧИСТ. Король! Пропали!
КОРОЛЬ. Кто вы такие и откуда?
ТРУБОЧИСТ *(заикаясь от страха)*. Из Го-го-го-гота-ма, ваше вы-вы-вы-сочайшее высочество. То есть, я хотел сказать, наше ни-ни-ни-нижайшее вашему вы-вы-вы-сочайшему...
КОРОЛЬ. Перестань заикаться!
ТРУБОЧИСТ. Перестал, ваше величество.
КОРОЛЬ. Что вы тут делаете?
ТРУБОЧИСТ. Роем колодец. Чтобы вы, ваше величество, и ваши спутники, направляясь в наш город, смогли по дороге утолить жажду.
КОРОЛЬ. Разумно и похвально. Дураки такого бы не придумали. Ох, висеть акробату на самом высоком дереве...
ШУТ. Интересно, почему они роют второй колодец, когда один уже готов?
КОРОЛЬ. Да, почему? *(ТРУБОЧИСТУ.)* Почему вы роете второй колодец?
ТРУБОЧИСТ. Один-то мы вырыли, да видите, сколько земли накопали? Не оставлять же ее тут. Вот мы и надумали второй колодец вырыть и эту землю в него свалить.
КОРОЛЬ. Да вы что, спятили? Ведь из этого второго колодца вы тоже гору земли нароете? А ее куда?
ТРУБОЧИСТ. А ее — в первый колодец!
КОРОЛЬ. Пустые головы! Два колодца выроете, и оба закопаете?

Все громко хохочут, потешаясь над землекопами.

ТРУБОЧИСТ. Батюшки, как же это мы сами не сообразили? Кабы не ваша мудрость, ваше величество, зря бы тут потели.
КОРОЛЬ. О-хо-хо-хо-хо! Я от смеха могу с коня свалиться...

Свита хохочет. Все «двигаются» дальше.

ДЖО *(землекопам)*. Здорóво, ребята!
ТРУБОЧИСТ. Привет, Джо!
ДЖО. Славно вы поработали!
ТРУБОЧИСТ. Старались, Джо. Сил не жалели!

Землекопы скрываются.

КОРОЛЬ. Шут! Смех смехом, а не нравится мне это. Неужто в проклятом Готаме действительно одни дураки?
ШУТ. Похоже на то, ваше величество. Может, повернем?
КОРОЛЬ. Я вижу там каких-то людей. Побеседуем с ними!

Появляется ГОРОЖАНИН, несущий громадный камень. Рядом с ним идет ПИВОВАР и кряхтит: «Ох!», «Уф!». «Ух!».

КОРОЛЬ. Здравствуйте, добрые люди!
ВСЕ. Здравствуйте, ваше величество!
ПИВОВАР. Уф!.. Ох!.. Добро пожаловать в Готам!
КОРОЛЬ. Зачем этот камень?
ПИВОВАР. Буду с него произносить приветственное слово... Ох!.. Эх!..
ШУТ *(ПИВОВАРУ)*. Что ты все время кряхтишь, добрый человек?
ПИВОВАР. Камень-то тяжелый, вот я и кряхчу, товарищу помогаю. Так бы ему надо было и камень тащить и кряхтеть, а так он тащит, а я за него кряхчу. Ему и легче.
КОРОЛЬ *(про себя)*. Кажется, тоже болван...

ГОРОЖАНИН кладет камень на землю, ПИВОВАР на него взбирается.

ПИВОВАР. Ваше величество, позвольте произнести слово.
КОРОЛЬ. Какое там еще слово?
ПИВОВАР *(доставая свиток)*. Приветственное. *(Откашливается и читает.)* «Ваше величество «Розовый поросенок»...» Это мой трактир называется «Розовый поросенок». Так я и говорю: «Ваше величество, «Розовый поросенок» в городе Готаме готов к встрече вашего величества». Ах, что это? Не двигайтесь, не двигайтесь... *(Поднимает с дороги камень поменьше и приближается к КОРОЛЮ.)*
КОРОЛЬ *(в страхе)*. Ты чего?.. Чего это ты?.. Помогите!..
ПИВОВАР. Не вас, не вас, ваше величество! Не бойтесь. Я муху. У вас на лбу сидит муха. *(Размахивается.)*
КОРОЛЬ. Остановите его! Пошел вон, дурак!
ПИВОВАР *(обиженно)*. Как будет угодно. Я хотел услужить своему королю.
КОРОЛЬ. Пусть провалится этот дурацкий город Готам со своими дурацкими жителями! Прочь отсюда! Прочь!

И КОРОЛЬ ускакал со всей своей свитой. Лужайка заполнилась жителями Готама. Они веселятся, танцуют, поют, водят хороводы.

ТРУБОЧИСТ. Король наш удирает так,
что пыль под небесами!
ДЖО БЕЗ КОСТЕЙ. А кто умен и кто дурак,
уж вы решайте сами!

КОНЕЦ

ОБЪЯВЛЕНИЕ!
Дирекция театра «Фонарик» просит присылать пьесы, тексты школьных обозрений, сценарии фильмов, написанные ребятами. Только с условием: плохих не присылать.

ЗА-
КОЛДО-
ВАН-
НЫЙ

Тихо-тихо открываю
заколдованную дверь...

Тихо-тихо открываю
заколдованный
портфель...

Достаю я из портфеля
заколдованный дневник...

В дневнике — моя
пятерка,
я к пятеркам не привык...

*

Ветры были,
и ныли,
и ныли,
и били
в наше стекло...

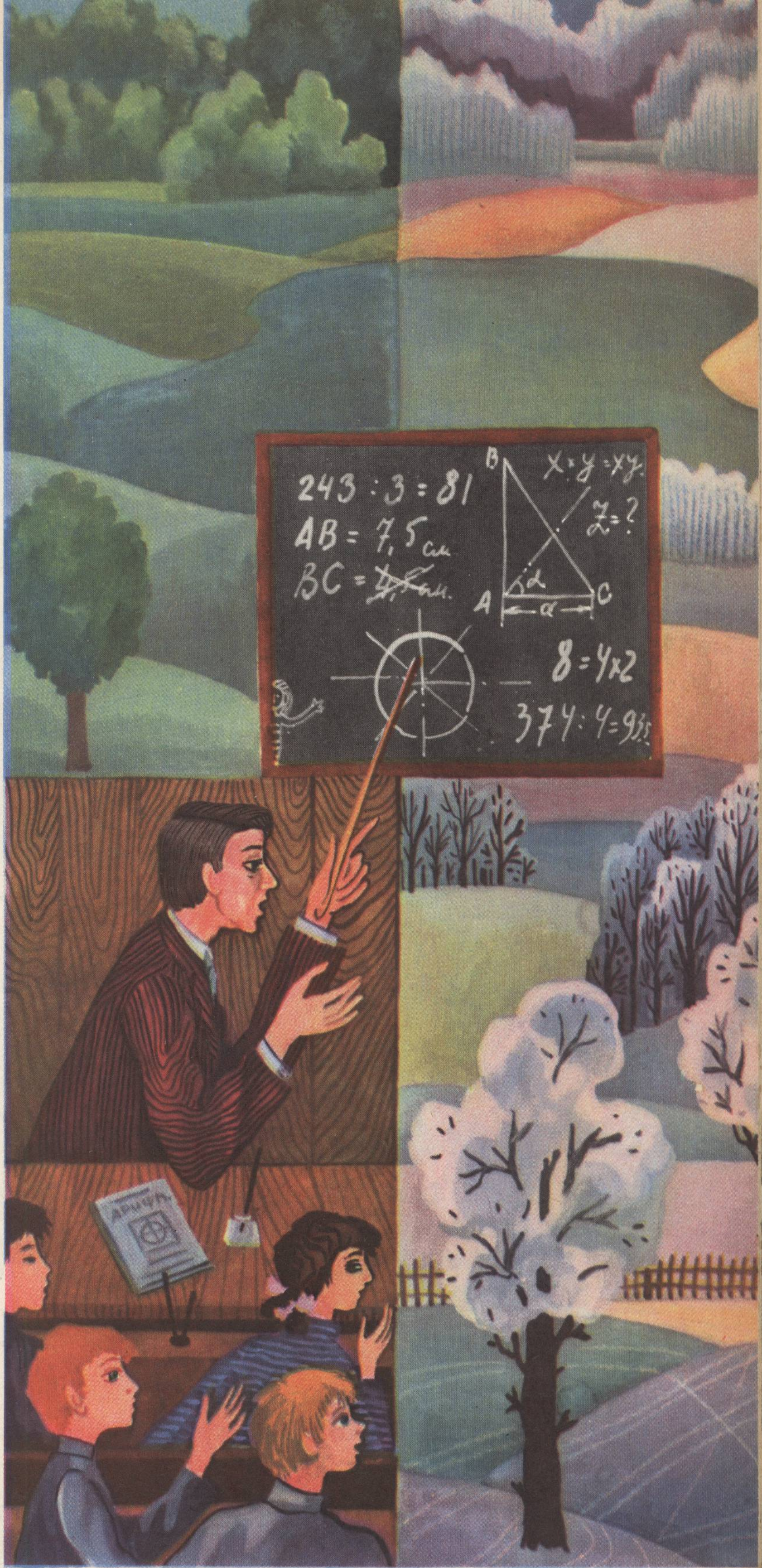
А где-то — озеро.
Его мы любили,
когда
было
тепло.

А учитель
сказал: — Сложите
число,
и число,
и число...

А учитель
сказал: — Пишите:
«Лето
прошло,
прошло!»

А учитель
сказал: — Учите
и не глядите в окно!

А где-то — озеро.
Его мы любили,
когда
было
тепло...

Эмма МОШКОВСКАЯ

Рисунок И. ГАЛАНИНА.

Цвета леса

Лес тенистый,
расскажи мне,
Ну какого же ты
цвета?
Мне вчера сказали
зори,
Что тебя красивей
нету.
Что, прозрачный,
серебристый,
Ты стоишь, в туман
окутан.
Ожерельями из рос
ты
По ветвям седым
опутан.
Ну, а солнце мне
сказало,
Над равнинами
вставая:
«Леса вешнего два
цвета —
Днем и вечером я
знаю.
Днем зелено-
изумрудный
Лес шумит берез
ветвями,
Шелестит он хвоей
сосен,
В травах пестрыми
цветами.
А вечернею порою,
В час, как мне пора
ложиться,
Лес, пылающий,
багряный,
Нежным жаром
золотится».
«Ночью ж темной,—
молвил ветер,
Надо мною
пролетая.—
Лес таинственный и
мрачный,
Сине-черный,
засыпает».

Света БЕДЕНКО,
г. Москва.

1

Дождь

Я всегда любила дождь. Забавно наблюдать, как бегают под дождем ребята, смеются и радостно ловят ртом дождевые капли.

И в тот день рано утром пошел дождь, а я стояла у окна и смотрела, как взрослые опасливо обходят лужи, прикрываются зонтиками и плащами, а ребята, счастливые, бегут порезвиться во дворе.

В этот день умерла бабушка. Она умерла вечером, и дождь шел и шел всю ночь. Я стояла у окна, и у меня текли слезы по щекам, и я их ловила ртом... Слезы так похожи на дождевые капли.

Сейчас я пишу, а по крыше барабанит дождь, и мне кажется, что он плачет вместе со мной.

Н. ПАРСАДАНОВА, 14 лет,
г. Пятигорск.

Росинки

Блестят, переливаются
Росинки на траве.
Одни — зелено-синие,
Другие — в серебре.

2

Ягодки-росинки,
Одна, четыре, пять.
Хочется собрать их,
На нитку нанизать.

Дотронулась иголкой
Я до одной росинки.
И вдруг...
Нет росинки на травинке...

Бус не получилось.
Так я огорчилась!..

Лена ЛИНЕЦКАЯ, 11 лет,
г. Москва.

Возьму я чистый лист
и напишу стихотворенье,
возьму красивые слова,
возьму высокие сравненья.

Сравню поэзию с землей,
которая всегда права.
Сравню поэзию с зарей,
которая всегда нова.

Сравню поэзию с мечтой,
которая всегда манит.
Сравню поэзию с звездой,
которая всегда горит.

Лена ХАРЬКОВСКАЯ,
г. Воронеж.

3

ОСЕНЬ. Вадим ЗАРЕЧНЕВ, 11 лет

Дождик идет косой,
Тихо по крышам стучит,
Солнце ушло на покой,
Без солнца природа грустит.
Красит дождь серой краской
Крыши домов и асфальт.
Тихо стало, как в сказке,
Только капли стучат.

Ильсияра ГАРЕЕВА, 12 лет,
г. Казань.

*

Утро на Урале

Багровый лик
Простуженной Авроры
Ленив и дик.
Кругом холодный лес.
Костер погас,
И голубеют горы...

Осень

Осень стареет, желтеет,
хмуреет,
Дождь через тучи дырявые сеет,
Небо сиреневым цветом линует,
В поле остатки пшеницы
волнует,
Мокрые сучья деревьев трясет,
По ветру желтые листья несет.

Светлана СОЛОНИНА, 13 лет,
г. Курган.

ПТИЦЫ ЛЕТЯТ. Надя МЕЩЕРЯКОВА, 12 лет.

Рисуют у нас все. Кто как может и кто что хочет. Иногда всем классом отправляемся в городской парк или на реку, а то и прямо на улице разворачиваем альбомы. Владимир Иванович Пегушев, учитель наш, от одного к другому переходит, помогает нам. Жаль только, что урок такой короткий и всего раз в неделю. А кружка изобразительного искусства у нас в Аткарске, к сожалению, нет...

Мы долго думали: чьи же рисунки послать «Кораблику». Наконец, выбрали два. А вам они нравятся?

*г. Аткарск,
Саратовская область.*

Цепь за цепью катилась к Зимнему лавина бойцов.

Мария
ПРИЛЕЖАЕВА

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

Зимний взят

Временное правительство со своими защитниками засело в Зимнем дворце. Зимний дворец одним фасадом выходит на Неву. Другой фасад смотрит на громаднейшую Дворцовую площадь. Белые колонны и статуи украшают дворец. По карнизам высятся колоссальные фигуры и вазы. Золоченый орел распахнул крылья над башней, а раньше еще развевался на мачте императорский штандарт. В Зимнем дворце жили цари.

Ленин сказал председателю Военно-революционного комитета Подвойскому:

— Весь Петроград в наших руках, а Зимний не взят. Немедленно надо захватить Зимний и арестовать Временное правительство.

25 октября в первое утро Октябрьской революции люди читали воззвание Ленина «К гражданам России!».

Ленин писал, что Временное правительство свергнуто, власть перешла в руки Советов.

Все так и было. Никакой власти у Временного правительства не оставалось, но министры его заперлись и сидели в Зимнем дворце.

— Что же это получается? — строго сказал Ленин Подвойскому.

— Сегодня Зимний будет наш! — ответил председатель Военно-революционного комитета. Выбежал из Смольного и помчался на автомобиле проверять, как выполняется план взятия Зимнего.

Красногвардейским отрядам и революционным полкам отдан приказ: окружить Зимний дворец!

Рабочие и солдаты захватывали возле Зимнего все проспекты и улицы. Брали Зимний в кольцо. Громыхали колесами пушки, занимая позиции. Медленно входили в Неву миноносцы, двигались к Зимнему. Развернувшись, вставали на якорь.

И трехтрубный крейсер «Аврора» с белыми бортами, обшитыми медью, целил на Зимний жерло орудия.

Зимний в осаде. Было это в ночь на 26 октября 1917 года.

А люди помнили кровавое воскресенье 1905 года. Здесь, перед этим дворцом, на обширной праздничной площади, сошлись толпы рабочих. Со всех питерских заводов и фабрик. Мирно шли к царю. С иконами. «Батюшка царь, помоги, сил не стало терпеть, с голоду пухнем».

Тысячи рабочих были убиты и ранены в то воскресенье на Дворцовой площади перед Зимним дворцом.

Настал октябрь 1917 года. Теперь рабочие пришли сюда не с иконами.

Страшись, Зимний дворец!

— Долго ли будем тянуть? — волновались и ругались солдаты.— Кто над нами командует?

Комиссары и члены Военно-революционного комитета на машинах и верхами объезжали солдатские цепи.

— Товарищи, потерпите, вот сил побольше подтянем, чтоб наверняка бить, без промаха. Товарищ Ленин восстанием командует.

— Ленин! — летело по солдатским цепям.— Братцы, товарищ Ленин восстанием командует.

Ленину в Смольный непрерывно слали донесения, как идет окружение Зимнего. Ленин с карандашом наклонялся над планом. В этих улицах размещены такие-то части. Такой-то полк здесь... Сюда надо добавить людей. Прибыли матросы из Кронштадта. Крейсер «Аврора» в готовности.

— Товарищи, время. Начинайте штурм! — сказал Ленин.

Холодный ветреный вечер опустился на город. Дома притаились с запертыми подъездами. Чуждо глядели темные окна домов. На улицах зажигали костры. Ветер нес едкий дым. Гнал тяжелые тучи над Питером.

Солдаты все ближе подступали к Дворцовой площади.

А Зимний тоже не спал. Тоже готовился к схватке. Юнкера и офицеры сложили баррикады из дров. Загородили дворцовые входы и выходы. Расставили между баррикадами пулеметы.

Зловещая тишина была вокруг Зимнего.

Из Смольного прикатил самокатчик. Снова посыльный Военно-революционному комитету от Ленина.

— Немедля идите на штурм. Кончайте с Зимним. Пора.

И вот во мраке, в ночной тишине ухнуло над Невой, разорвалось, прокатилось, сотрясая воздух от земли до небес. И долго эхо повторяло «тра-ах, тра-ах».

Это дала сигнальный выстрел «Аврора». Условный знак к штурму.

Словно взмытые волной, солдаты и красногвардейцы поднялись, кинулись к Зимнему. Цепь за цепью катилась лавина бойцов. Из ближних улиц открыла стрельбу артиллерия. Трещали пулеметы. С ревом выехал на Дворцовую площадь броневик, поливая огнем дровяные баррикады, заградившие Зимний. И юнкера побросали оружие и побежали во дворец.

— Ура! — кричали, преследуя юнкеров и офицеров, красногвардейцы.

— Ура!—Они расшвыривали поленья, карабкались на баррикады.

— Ура! Да здравствует рабочая революция!

Красные ворвались во дворец. И... зарябило в глазах. Роскошь-то, богатство-то, золото, блеск! Коридоры, коридоры, комнаты. Сотни, тысячи комнат и зал. Хрустальные люстры, бархат и шелк, картины и статуи, драгоценная мебель, зеркала.

Какой-то красногвардеец пырнул штыком зеркало в золоченой оправе. С хрустом брызнули осколки стекла.

— Сдурел! — закричали на красногвардейца.— Нынче это не царское добро. Наше, народное.

— Товарищи, соблюдайте революционный порядок! — забравшись на бархатный стул, агитировал комиссар Военно-революционного комитета.

Красногвардейцы и солдаты катились дальше, дальше, из комнаты в комнату, из зала в зал. Винтовка наперевес, рука на затворе. Дворцовые служители в синих ливреях с позументами в ужасе пятились. Министры Временного правительства сбились в одном зале. Юнкера окружили их.

— Юнкера, офицеры, сдать оружие. Господа министры, вы арестованы.

Была глубокая ночь, но в Смольном сверкали огнями все окна. Люди толпились на лестницах, и в коридорах, и в комнатах. Все были возбуждены. Нетерпеливо ждали вестей. Что на Дворцовой площади? Как идет бой?

И Ленин, полный ожиданий, был в Смольном. На вид спокойный. Проводил совещание.

Громко стуча каблуками, вошел председатель Военно-революционного комитета Подвойский. Лицо задубенело от октябрьской стужи и ветра.

Откозырял по-военному.

— Товарищ Ленин! Докладываю, Зимний взят.

Ленин вскочил. Подошел. Обнял Подвойского крепко-крепко.

Первый декрет

Вторые сутки члены Военно-революционного комитета работали без отдыха. Дзержинский, Свердлов, Сталин, Подвойский, Антонов-Овсеенко, Бубнов и многие другие большевики. Вторую ночь Владимир Ильич не сомкнул глаз. Надежда Константиновна поглядела на его радостное и живое, но такое осунувшееся лицо и вздохнула.

— Поспать Владимиру Ильичу надо бы, а дома-то у нас нет. К нашим далеко. Ума не приложу, где его устроить,— сказала она Бонч-Бруевичу.

Бонч-Бруевич был товарищем и боевым помощником Ильича с женевских времен. Писал в газету «Искра». Переправлял партийную литературу русским рабочим, а в 1905 году — оружие.

— А моя квартира на что? — воскликнул Бонч-Бруевич.— Недалеко и спокойно.

И сейчас же потащил Владимира Ильича с Надеждой Константиновной к машине, которая стояла у Смольного. Владимир Ильич как сел на заднее сиденье, так и уснул. А когда приехали через четверть часа, проснулся как ни в чем не бывало.

— Поужинаем чем бог послал,— сказал Бонч-Бруевич.

Тихонько, чтобы никого в квартире не разбудить, они собрали на стол. Хлеба черствого краюха нашлась, кусочек сыра да молоко.

— Великолепный ужин, — похвалил Владимир Ильич.— А есть как охота!

И они стали ужинать и все вспоминали, что произошло за эти октябрьские дни, какие удивительные события! Социалистическая революция произошла. Теперь

— *Товарищ Ленин! Докладываю: Зимний взят.*

навеки ей будет наименование: Октябрьская!

Они размечтались о будущей жизни и опять забыли про сон. Хозяин наконец воспротивился:

— Ложитесь, а то ведь свалитесь, Владимир Ильич! А вам сейчас болеть воспрещается.

И он проводил Владимира Ильича в свою комнату, где и стол у окошка стоял. Владимиру Ильичу без письменного стола невозможно. Надежду Константиновну положили спать у хозяйки на диване.

Владимир Ильич погасил свет. Но уснуть не мог. Совершенно не мог! Мысли теснились в голове. С завтрашнего дня надо строить новое государство. Будет первое в мире рабоче-крестьянское государство. Не бывавшее никогда во всем свете, нигде.

Планы, один за другим, один другого значительнее, являлись Владимиру Ильичу. Он знал учение Маркса. Следовал ему. Идеи Карла Маркса вели Ленина в революционной борьбе. Карл Маркс всегда приходил на помощь. Но создавать рабоче-крестьянское государство не случалось и Марксу. Создавать рабоче-крестьянское Советское государство надо самим, своим трудом, своим разумением...

Владимир Ильич прислушался. Тишина в доме. Всех сморил сон. И неугомонный Бонч-Бруевич угомонился, должно быть. Владимир Ильич зажег свет и сел за письменный стол. В окно глядела черная ночь. Минуту Владимир Ильич сидел без движения, слегка склонив голову, словно вслушиваясь в свои мысли. Он был очень серьезен и задумчив в эту глухую, темную ночь.

Взял перо и быстро начал писать.

Ленин писал, что помещичьи, церковные, монастырские земли и земли всех богатеев переходят бесплатно крестьянам. Кто не работает на земле, тому земли нет. Кто работает на земле, тому землей и владеть.

Ленин страстно писал о том, что было вековечной мечтой и надеждой народа. Новая жизнь в Советском государстве начиналась с мечты, которая становится былью.

Как легко дышалось Владимиру Ильичу, как хорошо! А над Петроградом после

волнений, залпов и штурмов бесшумно шла ночь. В темной улице одно светилось окно. Так и в Шушенском было. Все село спит. Только у ссыльного Ульянова горит зеленая лампа.

Владимир Ильич положил перо. В небе чуть заяснело. Близилось утро.

«Часа два успею соснуть»,— подумал Владимир Ильич и лег. И только голову опустил на подушку, в ту же секунду уснул крепким сном.

На столе лежал исписанный лист.

За окном набирало силу утро. Небо белело. Вот из мутных облаков вырвалось солнце, забежало в комнату, где спал Владимир Ильич. Скользнуло по листу. И осветило торжественный на листе заголовок:

ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ

Белый зал с колоннами

Раньше здесь устраивались балы. Играла музыка. Скользили по навощенному паркету атласные башмачки институток. Сама государыня-императрица в сопровождении фрейлин приезжала иной раз на бал. Обмахиваясь веером, милостиво наблюдала за танцами.

Да разве снилось солдату, бедняку из Орловщины, что когда-нибудь приведется вступить в этот белый с колоннами зал? Его и близко-то не подпустили бы к Смольному:

«Ступай прочь, деревенщина, неумытое рыло!»

А сейчас... делегатом на Второй съезд Советов приехал солдат.

Белый зал Смольного был битком набит народом. И делегаты тут собрались и неделегаты. Матросы в тельняшках и бушлатах, с ручными гранатами за поясом. Красногвардейцы с винтовками, вчера бравшие штурмом Зимний дворец. Бородатые мужики — эти из дальних мест, делегаты сельских Советов. А то — рабочие с заводов и фабрик.

Стулья и скамейки сплошь заняты. Сидели на подоконниках, на полу. Стояли. У всех приколоты красные ленточки. Цветисто от красного. Дымно от табаку, шумно.

— Наша взяла. Долой буржуев! Вся власть Советам!

Солдат из Орловщины озирался по сторонам и все примечал.

И высокие потолки этого важного зала. И мраморные колонны. И на передней стене золоченую раму в человеческий рост. Портрет царя скинули, а пустая рама осталась.

Всю эту необычную обстановку солдат удивленно оглядывал, а сам с волнением ждал, когда выйдет Ленин и станет говорить народу речь. Все ждали.

Немало тут было делегатов Первого съезда. Тогда в июне на Первом съезде Ленин тоже говорил речь и призывал Советы брать власть.

«Башковитый, как ладно удумал,— рассуждал про себя орловский солдат.— Добились удуманного, стряхнули буржуйскую власть, а дальше как станем жить?»

Белый зал Смольного был битком набит народом.

Тут вокруг зашумели:

— Ленин!

Многие повставали с мест, чтобы лучше увидеть, как выходит на сцену президиум. И солдат вскочил и глядел во все глаза, а в груди сердце выстукивало нетерпеливо: «Что будет? Что будет?»

Вышли члены президиума. Один в черной кожаной куртке, с револьвером, стеклышки со шнурком на глазах. Вроде военный, а вроде и нет. По виду решительный.

— Свердлов,— объяснили солдату.

И председателя Военно-революционного комитета Подвойского показали, длинного, с острой бородкой. Лицо приятное, взгляд открытый, прямой. А Дзержинский, тоже боевой большевик, худущий-то какой, вот-вот переломится, глаза от худобы провалились. И других показали...

Но вот председатель объявил, что заседание съезда открыто, и дал слово товарищу Ленину.

Солдат в нитку вытянулся, чтоб хорошенько разглядеть, какой такой Ленин. А он коренастый, роста не больно высокого. Брови, чуть будто надломленные, разбежались к вискам. А глаза так в душу и смотрят, всю правду выпытывают. Показалось солдату, что Ленин взглядом в него прямо впился. Жарко даже стало...

Ленин поднялся на трибуну. И весь зал поднялся. Встал как один человек.

— Да здравствует Ленин! — кричали люди. Не хотели умолкнуть.

Летели вверх бескозырки и шапки.

— Да здравствует Ленин!

Ленин стоял на трибуне. И видел в зале перед собой счастливые лица. Видел людей в бедной одежде. Простых видел людей. Тут не было господ в сюртуках и белых манишках и дам в модных нарядах. Тут были рабочие, крестьянские и солдатские делегаты. Трудовой народ. Перед этим народом Ленин чувствовал себя в ответе за его долю и счастье.

Он поднял руку. Он просил слова. И зал постепенно утих. Но люди не садились, слушали Ленина стоя. И орловский солдат стоял, крепко сжимая винтовку, весь обратился в слух, ловил каждое слово.

Ленин сказал речь о мире. Рабочим и крестьянам война не нужна. Советскому государству война не нужна. Кончать надо с войной. Советские люди хотят мирной жизни. И Ленин прочитал Декрет о мире. Он написал этот декрет нынче утром, когда пришел от Бонч-Бруевича в Смольный.

С каким вниманием и волнением делегаты слушали Ленина! Четвертый год шла война с немцами. Народ замучился от этой войны, исстрадался.

«Так вот какая она, наша Советская власть, справедливая власть, о народе заботится!» — думал орловский солдат.

Загремело «Ура!». Мраморные колонны белого зала не слыхивали такого

громового ура! Такого могучего и грозного пения.

«Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов...—
с воодушевлением пели сотни людей.—
...Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем — тот станет всем».

Потом Ленин прочитал Декрет о земле, который написал ночью у Бонч-Бруевича. И снова делегаты, особенно крестьянские, одобрили Ленинский декрет.

Второй съезд Советов, собравшийся 25 и 26 октября 1917 года в белом зале Смольного, был знаменитый, замечательный съезд. На этом съезде Ленин объявил Советскую власть. На этом съезде Ленин прочитал делегатам декреты о мире и земле, и съезд их утвердил.

Еще съезд утвердил народных комиссаров. И назначил Председателем Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ленина.

Так составилось первое Советское правительство.

Съезд работал всю ночь, только под утро закрылся.

Делегаты сразу начали разъезжаться по домам, в Орловскую, Казанскую, Ярославскую и все другие губернии. В разные города. В воинские части и флот.

— Скорее, товарищи, поезжайте домой, — торопил делегатов Владимир Ильич.— Рассказывайте о нашей победе. Рабочая революция победила. У нас теперь Советская власть. Укрепляйте повсюду, по всей России Советскую власть.

Так они жили

Надежда Константиновна шла длинным, широким коридором Смольного. Был вечер. Надежда Константиновна возвращалась с работы. Денек выпал нелегкий. С учителями провела совещание. С рабочими. Надо организовывать школы, библиотеки, детские дома, рабочие клубы. По-новому надо налаживать просвещение, для пользы трудящихся.

Она устала и с удовольствием после трудового дня возвращалась домой. Дом их был в Смольном. Поселились Ильичи в комнате, где раньше жила классная дама. Высоченная, длинная комната с одним окошком во двор. Низкой перегородкой отгорожена спаленка. Там две железные кровати поставлены, покрытые одеялами из солдатского, грубой шерсти, сукна. Печка еще была в спаленке.

«Догадался бы Желтышев печь истопить,— подумала Надежда Константиновна.— Вот было бы здорово».

Желтышев был пулеметчиком. Боролся в Октябре за Советскую власть. Теперь его пулеметный полк нес в Смольном охрану.

Только Надежда Константиновна о Желтышеве вспомнила, а он тут как тут.

— В столовку откомандировался за ужином,— объявил Желтышев. Махнул свободной рукой: — Гляньте, Надежда Константиновна, затихает помаленьку.

По обеим сторонам в коридор выходили двери, двери, двери. Из некоторых еще доносились голоса, телефонные звонки и стук машинок. Но больше в такой поздний час было комнат умолкших.

— А Владимир Ильич все не идет,— вздохнул Желтышев. И как бы самому себе разъяснил:— Обо всем народе заботиться надо. А народ-то разбуженный бо-ольшущего ума от головы требует.

Он заметил утомленность Надежды Константиновны.

— Иззябли, чай? Холодюга на дворе, зима заступила. Погрейтесь ступайте.

Значит, вытопил печь. Умница Желтышев, молодец! Вправду на дворе холодно.

Надежда Константиновна поспешила к себе. Вход в комнату вел через умывальную. Кранов, наверное, двадцать насчитаешь по стенам. Раньше здесь умывались институтки. «Теперь все двадцать для нас»,— подшучивала Надежда Константиновна. Другого богатства, кроме казенных умывальников, у них с Владимиром Ильичем не было. Мебель в комнате стояла самая простецкая. Шкаф, да буфетик, да маленький письменный стол. Да напротив диван и два кресла в полотняных чехлах и круглый столик. За ним и обедали и государственные иной раз обсуждали дела. К Владимиру Ильичу и сюда, домой, постоянно народ приходил.

Надежда Константиновна сняла шубу и стала у печки. У печки тепло, а Владимира Ильича нет и нет. Он потому и выбрал в Смольном жилье, что от работы близко. На лифтике поднялся на третий этаж, и сразу рабочий кабинет Предсовнаркома и приемная. В кабинете Предсовнаркома решалось все строительство новой социалистической жизни. Отсюда выходили декреты и планы о том, что нет больше в России дворянских и купеческих званий, что железные дороги, морской и речной флот, банки — все принадлежит государству. И заводы и фабрики перейдут к государству, и рабочий класс сам будет управлять производством.

Все было ново, необыкновенно. Все создавалось впервые, только в нашей Советской стране.

А в приемную к Ленину с утра до ночи шли рабочие, крестьяне, солдаты, матросы. Советоваться, как строить эту новую рабоче-крестьянскую жизнь.

«Должно быть, не выберет время поу-

жинать»,— подумала Надежда Константиновна об Ильиче.

Но чу! Шаги. Не он ли? Так и есть! Его шаги, быстрые, легкие. Дверь из умывальной открылась, и появился Владимир Ильич.

— Перерыв решил сделать,— с веселым блеском в глазах заговорил Владимир Ильич.— Взглянул в окно — зима на дворе. Прогуляемся, Надюша, по молодому снежку, а? Как ты смотришь?

— Я так смотрю, что в девять вечера пора бы работу до завтра вовсе кончать,— резонно ответила Надежда Константиновна.

— Вот к товарищу Желтышеву это прямо относится! — сказал Владимир Ильич, видя входящего в эту минуту Желтышева.— Товарищ Желтышев, извольте тотчас отправляться на отдых. Извольте, извольте! — решительно повторил Владимир Ильич.

Желтышеву ничуть не хотелось отправляться на отдых. Ему нравилось заботиться о Владимире Ильиче. Приносить на ужин пшенную кашу. Ходить в киоск за газетами. Протапливать печь.

А сегодня у Желтышева была особая причина не спешить уходить. У него был для Надежды Константиновны сюрприз. Вытащил из кармана малюсенькое круглое зеркальце.

— Институтская ученица оставила. А я подобрал. Надежда Константиновна, может, когда промеж работы причесаться или что другое занадобится, для такой причины в самый раз подходяще.

И он протянул Надежде Константиновне подарок и оглянулся: одобряет ли Владимир Ильич?

Должно быть, Владимир Ильич от всей души одобрял, потому что раскатился своим заразительным смехом. Потом потер лоб и сказал:

— Эх, я недогадливый! Ни разу не догадался, Надюша, купить тебе зеркальце.

— Где уж тебе догадаться! — посмеялась Надежда Константиновна.

А Желтышев весь расцвел и отправился, довольный, на отдых.

— Что за люди, чистое золото! — бормотал он, покачивая головой и всю дорогу широко улыбаясь.

А Надежда Константиновна с Владимиром Ильичем поужинали пшенной кашей, скупо помасленной подсолнечным маслом. И Владимир Ильич снова позвал Надежду Константиновну подышать выпавшим снегом. Уж очень любил он первые зимние дни! Чистоту, белизну пушистого снега.

Надежда Константиновна надела меховую шапку, погляделась в подаренное зеркальце.

— А постарела я, Володя,— вдруг сказала она.

— Нет, нисколько! — живо ответил Владимир Ильич.

Ее прямые чудесные волосы начинали седеть. Тонкие морщинки прочертили лоб. Но Владимиру Ильичу она казалась прежней, какой он помнил ее. Он помнил ее в шушенский вечер, когда она приехала в ссылку и привезла ему зеленую лампу. Почти всю дорогу держала лампу в руках.

— Ты очень устаешь на работе? — тревожно спросил Владимир Ильич.

— Не очень. Сердце только иной раз примется бежать вскачь,— сказала Надежда Константиновна.

И заторопила Владимира Ильича на прогулку. Она ведь знала, что это лишь перерыв. Что после прогулки Владимир Ильич поднимется на лифте на третий этаж и до глубокой ночи в кабинете Предсовнаркома не будет работе конца. Работе и мыслям.

Не умеем— научимся

На посту у входа в Смольный стоял солдат.

— Пропуск!

И загородил винтовкой троим рабочим дорогу. Двое постарше, с бородами. Третий довольно еще молодой. Молодого звали Романом.

— Где у вас тут пропуска-то дают? — поинтересовался один, спокойно отстраняя винтовку.

— Но-но... не балуй! — прикрикнул солдат.— Комендатура пропусками заведует.

В это время как раз комендант Смольного, бывший матрос товарищ Мальков, появился в подъезде. Бушлат распахнут, под бушлатом матросская форма.

— Кого вам, ребята?

— Ленина надобно. Причина есть важная,— ответил Роман.

— Безотлагательно,— добавил другой.

— Ишь ты,— протянул, оглядывая рабочих, Мальков.— А в Октябрьские дни где были?

— Зимний брали. Где же еще?

Через четверть часа все трое входили в приемную Совнаркома. Большая комната. Обставлена бедно. Два деревянных дивана перегородили на две половины приемную. И там стол и здесь стол да несколько стульев — вот и вся обстановка.

Рабочие перекинулись взглядом: «Просто, по-нашенски».

Секретарша проверила пропуска, позволила пройти. Дальше шла канцелярия. Там тоже столы. На одном пишущая ма-

шинка. Два шкафа, телефоны с деревянными ручками. И еще вешалка у двери. Дверь вела в рабочий кабинет к Ленину.

Рабочие сняли ватные куртки, повесили. Ушанки в рукава втиснули. Одернули косоворотки.

Секретарша отворила дверь в кабинет:

— Проходите, пожалуйста. Товарищ Ленин вас ждет.

— Не осерчал бы? — шепнул Роман спутникам. Но было уже поздно, они перешагнули порог в рабочий кабинет Предсовнаркома. И товарищ Ленин, поднявшись из-за стола, встречал их, невысокий, подвижный, с искрой в живых коричневатых глазах.

— Здравствуйте, товарищи. Садитесь, пожалуйста!

Усадил. И сам сел. Не через стол от рабочих, а рядом. В руке карандаш, он им покручивал и быстро-быстро кидал вопросы:

— С какого завода? Какой специальности? Как дела на заводе? Есть ли сырье? Действует ли рабочий контроль?

Владимир Ильич заметил: рабочие мнутся, медлят с ответами. Он положил карандаш, всунул пальцы за проймы жилета, откинулся на спинку стула и ждал.

— Докладывай ты,— подтолкнул пожилой молодого.

И другой локтем в бок:

— Роман, излагай.

У Романа горло осипло. В Октябрьские дни, с винтовкой наперевес, перемахивая через три ступеньки, вбегал он роскошной мраморной лестницей в Зимний дворец. Юнкера отстреливались из-за углов. Рвались гранаты. Но Роману было не страшно. Будто крылья несли его.

Товарищ Роман, что же сейчас-то ты заробел? Ведь Ленин с тобой говорит. Ленин все понимает. Он наш.

— Владимир Ильич, с поклоном мы к вам...

— Нет, нет! Поклонов не надо,— строго отрезал Владимир Ильич.— Что за дело у вас? Давайте откровенно, по-дружески.

И улыбнулся. Так хорошо улыбнулся. И от ленинской улыбки Роман осмелел и без утайки рассказал, какая важная причина привела их к Председателю Совета Народных Комиссаров. Хотелось бы Роману с товарищами рассказать Владимиру Ильичу про завод, да не работают больше они на заводе. Из рабочего класса откомандировали их в народный комиссариат, или, короче сказать, наркомат. Царские чиновники разбежались, не пожелали с Советской властью сотрудничать. Кто не убежал, волынку вместо работы волынит. Прислали рабочих...

— Советской власти на подмогу прислали? — живо перебил Владимир Ильич.

— Вроде так.

— И что же?

Владимир Ильич сощурился и не сводил с Романа испытующих глаз. Роман в замешательстве пригладил русые волосы. Как на горячих углях сидел.

— Не получается, Владимир Ильич.

Стыдно признаваться. А зачем пришел? Затем, чтобы прямо сказать: «Не выходит. Не умеем. Не можем».

— Товарищ Ленин, Владимир Ильич,— вставил рабочий постарше,— прикажите обратно в рабочий класс нас вернуть.

Третий подхватил:

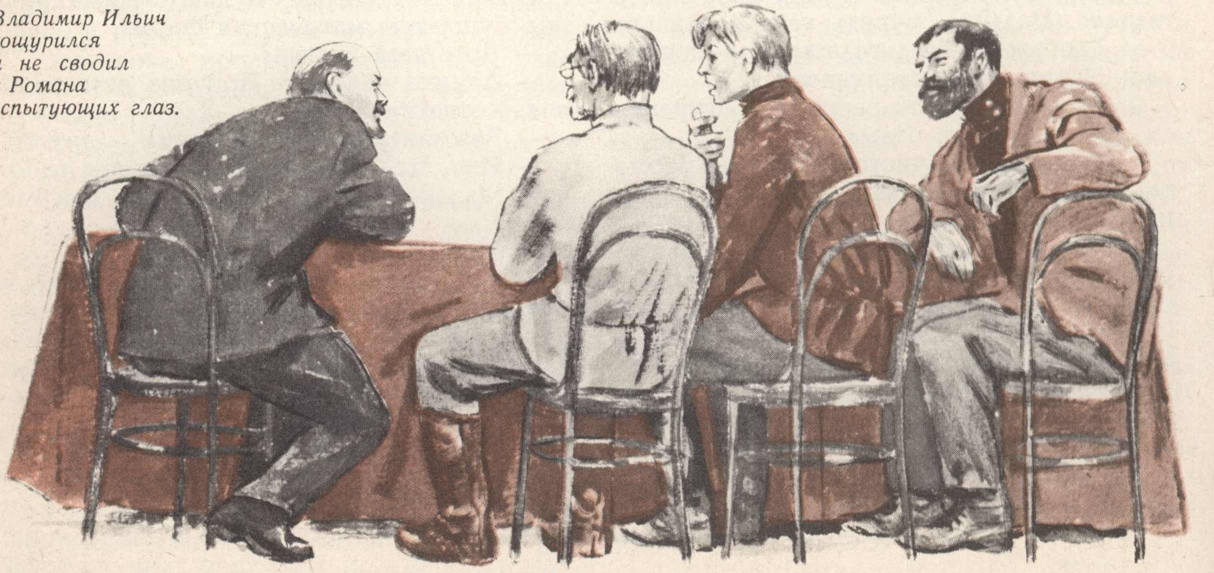
— На заводе с пользой работали. А в наркомате тычемся, ровно слепые.

Они просили так убедительно! Наверное, Владимир Ильич согласится, и рабочие с чистой совестью вернутся к станкам.

Он все молчал. И они замолчали.

— Вы думаете, мне легко управлять государством? — вместо ответа спросил Вла-

Владимир Ильич сощурился и не сводил с Романа испытующих глаз.

димир Ильич.— Вы думаете, у меня опыт есть? Ведь я никогда не был Председателем Совнаркома. И другие наши наркомы никогда не были прежде наркомами.

Один рабочий нерешительно покачал головой:

— Больно уж внове все.

— Так старое-то мы с вами сломали! Кто вместо нас станет устраивать новое?

И Ленин повеселел, ближе придвинулся со стулом к рабочим и стал уговаривать, стал объяснять. Конечно, трудно рабочим в наркоматах без знаний. Зато пролетарское есть чутье. Надо нашу партийную, советскую линию проводить в наркоматах. Кроме рабочих, кто будет ее проводить? Всюду рабочий глаз нужен, рабочий контроль.

— А ну как ошибемся, Владимир Ильич?

— Ошибемся — поправимся. Не умеем — научимся. Итак, товарищи рабочие,— вставая, твердо сказал Владимир Ильич,— партия послала вас, выполняйте долг.

И со своей ободряющей и доброй улыбкой он повторил:

— Не умеем — научимся.

После такого разговора с Лениным у рабочих вся робость пропала. Владимир Ильич заразил их уверенностью: силы будто втрое прибавилось. Теперь с утра до ночи не будут вылезать из наркомата, пока не поймут всю механику!

— Обещаем, товарищ Ленин, долг выполним,— сказали рабочие.

И все трое вышли из кабинета Председателя Совнаркома уверенные. И говорили между собой, что правильно Владимир Ильич рассудил: наше рабоче-крестьянское государство, нам и в ответе быть за него.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Самая Малая Энциклопедия

Коля Киселев из Краснодара спрашивает: «Откуда взялось слово «арифметика?» Тоня Черниченко из Сумской области недоумевает: «Почему, «поверка», а не «проверка»?» Ребята хотят знать, что означают слова: «зарница», «банальный», что такое «PS», а москвич Сережа Иванов просит: «Нельзя ли в «Пионере» завести какую-нибудь энциклопедию?»...

Предложение принято.

АРИФМЕТИКА. Всем с первого класса известно, что это такое. Многие знают, что слово это в очень давние времена произошло от греческого «Счетное искусство». Правда, в пятнадцатом веке ученики изучали вовсе не арифметику, а арифметикию. И грамматика называлась тогда грамматикией. Год рождения слова «арифметика»—1627-й. В этом году оно впервые было записано так в русском словаре.

БАНА́ЛЬНЫЙ. Иногда говорят: «Это банальная мысль». «Тут банальный смысл». «Что за банальное сравнение». Банальный — значит общеизвестный, избитый, потерявший первоначальную свежесть, новизну, выразительность.

ЗАРНИЦА. Отдаленная молния. Виден отсвет ее, но звука грома еще не слышно.

ЗИМОРОДОК. Яркая, нарядная птичка с большой головой и длинным, массивным, прямым клювом. Она относится к отряду ракшеобразных, к семье зимородков. Это семейство насчитывает ни много, ни мало—89 видов. В нашей стране распространено всего лишь 5 видов. Зимородки — птицы преимущественно лесные, гнездятся в норах на обрывах или в дуплах. Питаются зимородки мелкой рыбешкой, лягушками, водяными насекомыми, а также мелкими грызунами, летают только на короткие расстояния. Водятся повсюду, но предпочитают теплые края — субтропики.

ПОВЕРКА. Поверка и проверка — слова-синонимы, они значат одно и то же. Только проверка — слово более распространенное, а поверка употребляется обычно, лишь когда дело касается приборов, инструментов, а еще воинских частей. Сравни: проверка диктантов и поверка времени, проверка успеваемости и утренняя поверка.

Слово «поверка» входит в состав словосочетания **на поверку,** что значит «на самом деле», «в действительности». «Может, поумнела от страха, а только на поверку вышло, что она хитрее всех» (А. П. Чехов «Происшествие»). Сказать «на проверку» вместо «на поверку» — неправильно.

ПОЛОСА́ (газетная). «Полосой» газетчики и журналисты называют страницу газеты или журнала, а не колонку, как обычно думают.

ПОРЯДОК (сетей). В рассказе Г. Владимова «Про китенка» встречается слово «порядок». Так называют моряки-рыболовы выметанные в море сети. Они всегда расставляются в каком-то определенном порядке. Вот и назвали их моряки для краткости просто порядком.

P. S. Эти буквы ставят обычно в конце письма, чтобы приписать что-то упущенное, забытое. P. S.— начальные буквы латинских слов «post scriptum» (пост скри́птум), что буквально означает «после написанного».

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. Свод знаний, изложенный кратко, обычно в алфавитном порядке.

Ты знаешь, конечно, что существует «Большая Советская Энциклопедия» и «Малая Советская Энциклопедия». Наша энциклопедия самая малая. Она будет объяснять значение терминов, понятий, имен и названий, говорить о происхождении слов, их родственных связях, их жизни и работе, которую они выполняют, помогать в произношении и правописании, а также сообщать многие другие сведения, как полезные, так и занимательные.

Рисунки
Б. КЫШТЫМОВА.

НЕИЗВЕСТНЫЕ

на ЛЕНИНСКОМ ПРОСПЕКТЕ

Не успели Икс, Игрек и Зет вернуться из путешествия (читай № 1 «Пионера»), как редакция обрушилась на них:

— Читатели ждут вас! Совсем уже готов второй номер, нет только вашей странички.

Неизвестные заволновались. Задачи, конечно, у них были, но хотелось раздобыть что-нибудь новенькое...

— Я, конечно, ничего не обещаю,— пробормотал Икс, роясь в своем огромном портфеле,— но, думаю, стоит попробовать. Есть тут у меня один адресок...

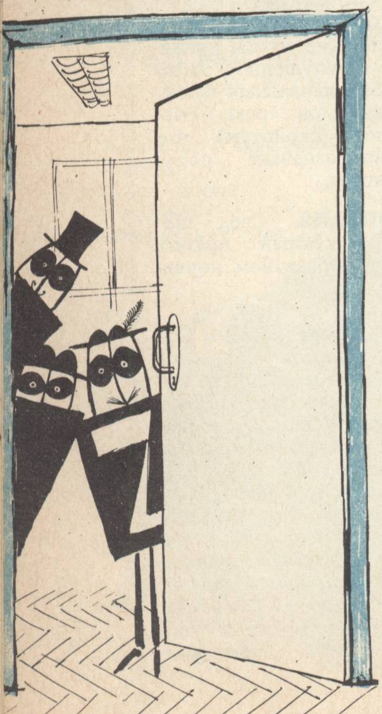
И он положил на стол маленький листочек бумаги. На нем было написано:

Впервые в ВМШ

Дом 58-а по Ленинскому проспекту оказался пятиэтажным школьным зданием.

Неизвестные вошли в школу. Пусто и темно было в канцелярии и в кабинете директора. Зато выше на трех этажах горел свет и гудели переполненные классы. Неизвестные приоткрыли одну из дверей...

У доски стояли двое — маленькая девочка и старшеклассник по виду. Трое его товарищей расхаживали по классу, останавливаясь иногда у какой-нибудь парты, чтобы выслушать, видимо, очень важные соображения ребят. Похоже было, что шли занятия, но какие-то странные... Присмотревшись, Неизвестные поняли, что двое у доски во что-то играют.

Тот, что постарше, писал на доске число, маленькая девочка, становясь на цыпочки, чтобы дотянуться, писала в ответ другое, предварительно подсчитав что-то в уме. По тому, как заспешил вдруг ее партнер, стало ясно, что дела его плохи. Еще минута — и он громко объявил:

— Первая же партия закончилась блистательным поражением руководителя группы!

Над партами вырос лес рук — все хотели сразиться с руководителем, вдохновленные успехом Инны Бродской. Как узнали потом Неизвестные, Инна учится в 5-м классе.

Для тех, кто тоже хочет поиграть, объясняем условия игры «Кто первым назовет число 100». Играют двое. Один называет любое целое число от 1 до 9 включительно. Второй прибавляет к названному любое целое число от 1 до 9, какое ему понравится, и называет сумму. К этой сумме первый снова прибавляет любое целое число от 1 до 9 и называет новую сумму и т. д. Выигрывает тот, кто первым назовет число 100. В этой игре начинающий всегда проигрывает, если только его противник откроет один секрет. В чем же секрет, ключ игры, который обеспечивает второму игроку победу? Догадайтесь сами. Вот вам подсказка: искать решение надо с конца.

А если задачу решит папа?

Итак, Неизвестные попали в ВМШ — вечернюю математическую школу при механико-математическом факультете МГУ. Сюда раз в неделю приезжают любители математики со всей Москвы. Но это Неизвестные узнали позже, когда нашли директора школы, студента IV курса мехмата Сашу Орлова. А пока они наблюдали за тем, что происходит на занятиях группы шестиклассников.

Игра на доске уже закончилась, и лишь двое ребят на последней парте никак не могли добраться до цифры 100.

— Запишите задачи первого конкурса,— сказал руководитель.

Неизвестные мгновенно вытащили карандаши.

— Эти задачи в основном рассчитаны на семиклассников. Но вы не пугайтесь. У нас уже было однажды, что шестиклассники неожиданно для жюри забрали все первые премии на таком конкурсе.

Итак, задача первая. В языке дикарей-хонтийцев

Почему? Где ошибка?

всего два звука: «Д» и «О». Два слова означают одно и то же, если одно получается из другого при помощи некоторого количества следующих операций: пропуска стоящих подряд звуков ДО или ООДД и добавления в любое место словосочетания ОД. Означают ли одно и то же слова ОДД и ДОО. Задача вторая...

— А ответы к задачам даются? — спросил кто-то из ребят.

— Про ответы вообще советую забыть. Жюри не станет рассматривать решение, если оно будет состоять только из ответа без объяснения, как он получен. В математике ответ не считается решением.

— А что, если задачу решит папа?

— Что ж, в таком случае поздравь его от моего имени. **Итак, задача вторая. Шахматная фигура — кентавр ходит так же, как конь, но не может ходить на два поля вверх и одно направо, а также — на два поля вниз и поле налево. Может ли кентавр обойти всю доску, побывав на каждом поле только по одному разу и вернуться на исходную клетку?**

Встречи на перемене

Всего сорок пять минут прошло, а Неизвестные уже кое в чем разобрались.

В обычной школе сколько парт? Больше или хотя бы столько же, сколько учеников, вернее, пар учеников. А в ВМШ их всегда меньше, тут живут в тесноте, да не в обиде: сидят по трое-четверо.

В обычной школе после звонка все срываются с мест и несутся. Куда? Из класса! А в ВМШ — к доске! И толпятся у нее всю перемену.

В обычной школе Трое Неизвестных выглядели бы по меньшей мере странно, если бы они запросто разгуливали по коридору, болтая с ребятами. А в ВМШ никто им и не удивился. Все их встречали как старых друзей. Еще бы! Разве найдешь математика, который решал бы задачи без помощи Трех Неизвестных. Ребята с удовольствием отвечали на вопросы Икса, Игрека и Зета.

— Что здесь нравится? Задачи! — ответ был единодушным. Ради задач и ездят сюда ребята через всю Москву после уроков. Можно ведь в это время телевизор посмотреть или в кино сходить — так нет, едут сюда, на Ленинский проспект, чтобы два часа ломать голову над хитрыми задачами.

И только один мальчик сказал другое: ему нравится, что здесь нет хулиганов. Никто с ним не спорил: конечно, хорошо, если в школе нет хулиганов.

3=2!

— Хотите, я вам докажу, что два равно трем? — Это подошел Саша Павлюков, девятиклассник и руководитель группы шестых классов.—Это же очень просто. Напишем 3 = 2. Не согласны?

Тогда отнимем от левой и правой части по 5/2: 3 — 5/2 = 2 — 5/2.

Что, и это неверно? Ну, хорошо, возведем обе части в квадрат. Получим 9—2×3×5/2+25/4 = 4—2×2×5/2+25/4. Слева 1/4. А справа? Тоже 1/4. 1/4 = 1/4.

Верно? А вы говорите! Значит, 2=3.

И все же два не равно трем, ведь мы-то с вами это знаем. Наверное, в рассуждениях Саши не все правильно. Что же?

Тайна ответа

Думая о читателях «Пионера», Неизвестные разыскивали и записывали все интересные задачи, но было у них здесь еще одно дело.

Всю жизнь они решали задачи, а сейчас растерялись: как же быть с ответом? И что вообще значит в ВМШ решить задачу?

Неизвестные отправились за разъяснениями.

В коридоре им встретились ребята из знакомой уже группы. Им первым и задали Неизвестные свой вопрос:

— Что значит решить задачу?

По мнению Андрея Языджи, это значит как следует понять условие, найти способ решения и суметь объяснить его так, чтобы все поняли.

А у Инны Бродской — помните, она выиграла партию у своего руководителя — немного другое мнение:

— Решить задачу — значит найти ход решения этой задачи. Это не то же, что найти ответ. Может быть, результат даже неверный, а решение правильное. Ошибку в вычислениях легко исправить.

Занятия к этому времени уже кончились, школа опустела, и только в одной комнате на втором этаже горел свет. Доносились веселые голоса и громкий смех. Там обычно после занятий собирались руководители групп: им было о чем поговорить. Как-никак днем они были обыкновенными студентами и школьниками (многие из них утром приходили в это же здание — на занятия в физико-математическую школу № 2).

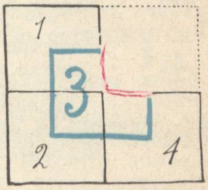
К ним и пришли Неизвестные в надежде на окончательный ответ.

Держа наготове карандаши, они обратились к Саше Барилю. Он уже не первый год руководит конкурсами ВМШ и, наверное, легко ответит на наш вопрос, думали Неизвестные. И вдруг услышали:

— Не знаю, что вам и ответить. В двух словах вообще не скажешь. Слишком это сложно...

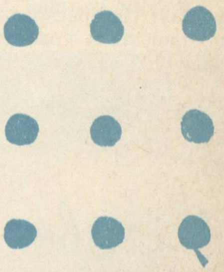
А вот что сказал кандидат физико-математических наук Александр Львович Розенталь, он руководит в ВМШ потоком младших классов.

— Обычно правильный ответ на вопрос задачи — это еще не решение. Ответ можно и угадать и даже (чего не бывает!) подсмотреть у товарища. Поэтому мало сказать «Да», «Нет», «5 кг» или «8 литров», надо **доказать**, что ответ действительно таков, то есть привести решение. И все же бывают задачи, решение которых состоит из одного ответа. Нашли ответ — решили задачу. Чаще всего это задачи, в которых требуется что-то построить, сконструировать, что-то разгадать, например, шифр.

Скажем, задача, которая была недавно напечатана в «Пионере» — как разрезать торт с вырезанной четвертушкой на 4 одинаковые части. Здесь ответ является и решением.

Вот еще пример. Построить четырехзвенную ломаную ABCDE, проходящую через девять точек.

Порой такие задачи оказываются очень трудными. Так, математики в разных странах много лет ломали себе головы, пока не нашли ответа на такую задачу: «Разрезать квадрат на некоторое число попарно неравных квадратов» (об этом можно прочесть в книжке И. М. Яглома «Как разрезать квадрат?». «Наука», 1968).

Тем, кого наш разговор заинтересовал, советуем решить вот такую задачу. Икс, Игрек и Зет считают, что это не просто хорошая задача — она вообще не могла появиться нигде, кроме ВМШ.

Сможет ли богатырь одолеть Змея?

У Змея Барилича 2.000 голов. Сказочный богатырь Толпыго сможет отрубить ему одним

ударом меча 33, 21, 17 и 1 голову, но при этом у Змея вырастает взамен соответственно 48, 0, 14 или 349 голов. Если отрублены все головы, то новые не отрастают. Сможет ли богатырь одолеть Змея?

Заметим, что Бариль и Толпыго — фамилии двух преподавателей ВМШ. Их шуточные споры и распри не только стали в школе легендой, но даже увековечены в задачах.

Загадочный шифр

Когда Неизвестные в следующий раз пришли в школу, на доске было написано:

$$- \quad \frac{-}{+} \quad \frac{=}{+} \quad \frac{\pm}{2} \quad \pm \quad + \quad +!$$

Что это? Разгадывание шифров?

Приглядевшись, Неизвестные заметили на партах тетрадные листочки. На каждом стоял один из таких значков, и везде мелькали буквы Д и О. Ну, кто же в ВМШ теперь не знает хонтийского языка! Все стало ясно: решены и получили оценки задачи конкурса.

Отметок — пятерок, троек, единиц — в ВМШ не признают. Вместо них — плюсы и минусы.

Таинственные знаки имеют четкий смысл:

$-$ ← **задача не решена.**

$\frac{-}{+}$ ← **задача не решена, но в работе есть некоторые разумные соображения.**

$\frac{=}{+}$ ← **дан только ответ в задаче, где одного ответа мало.**

$\frac{\pm}{2}$ ← **задача полностью не решена, но подход к решению правилен.**

$\pm$ ← **задача решена, но решение содержит мелкие пропуски и неточности.**

$+$ ← **задача полностью решена.**

$+!$ ← **решение задачи содержит неожиданные (иногда даже непредвиденные составителями конкурса) яркие идеи.**

Знак восклицания не всегда говорит о том, что задача решена правильно. Как бы ты расшифровал такие, например, отметки: $\mp$! или —!?

Помните задачу про дикарей-хонтийцев? Может быть, кто-то из вас уже пробовал ее решать и даже решил? Интересно, какую из этих оценок вы бы себе поставили? А пока посмотрим, как решали ее в уже знакомой нам группе шестиклассников.

К сожалению, чаще всего на листочках стоял вот такой значок $\frac{=}{+}$. Многие ребята дали только ответ. Вот, например.

«Слова ОДД и ДОО не означают одно и то же».

Как доказывается это утверждение — остается никому не известным...

Следующий ответ помечен знаком + (оценку +! по этой задаче не получил никто):

«Слова ОДД и ДОО не могут означать одно и то же и вот почему. При выбрасывании звуков ДО и ООДД и при вставлении звуков ОД количество звуков О и Д увеличивается или уменьшается на одно и то же число. Но число звуков О в слове ОДД меньше, чем число звуков Д, а в слове ДОО наоборот. Следовательно, эти слова не образованы друг от друга».

Итак, путешествие Неизвестных на Ленинский проспект, 58-а, закончилось и закончилось, кажется, небесполезно для читателей «Пионера». Неизвестным в ВМШ очень понравилось, и они вовсе не собираются так скоро расставаться с ее обитателями. Уже родилась и обдумывается Неизвестными одна великолепная идея, которая вскоре станет известной и всем читателям «Пионера»...

А пока готовьтесь к Математической Олимпиаде Трех Неизвестных. Решайте задачи этого номера — по просьбе Трех Неизвестных Олимпиаду будут проводить преподаватели ВМШ.

Математическая олимпиада в №3!

В → № 3

Математическая Олимпиада Икса, Игрека и Зета!

Неизвестные дают справки

Не дожидаясь ваших писем, Неизвестные объясняют, как поступить в школы, о которых они сегодня рассказывали.

Адрес у всех школ один: Москва, Ленинский проспект, 58-а, телефон 137-17-69.

ВМШ — начало занятий в октябре, но на занятия «вход свободный» круглый год (6—9 кл.).

Физ.-мат. школа № 2 — набор в марте—мае по результатам собеседования (7—9 кл.).

Заочная республиканская математическая школа (ЗМШ) — набор по результатам вступительной контрольной работы, которая публикуется в марте в «Комсомольской правде».

ПРОШЛО ТРИ МИНУТЫ...

На перекрестках больших дорог вы, конечно, не раз видели сотрудника ГАИ. Милицейский свисток и полосатый жезл — вот, пожалуй, и вся нехитрая техника, которая была у него до недавнего времени.

Сегодня наша автоинспекция оснащена новейшими машинами и приборами. С их помощью можно определить скорость любой машины в радиусе до пятисот метров, различить в темноте номерной знак. Создан электронный «экзаменатор» — он принимает у водителей зачеты по правилам движения. Все чаще в воздух поднимаются вертолеты ГАИ, которые следят за порядком на крупных автомагистралях. Но нигде — ни в воздухе, ни на земле — сотруднику милиции не обойтись без радиосвязи. Миниатюрная переносная рация, внешне напоминающая транзисторный приемник, стала надежным помощником милиционера. Впрочем, судите сами, ребята...

В темном, тихом переулке, рядом с подъездом пятиэтажного дома, стоял «газик». Мимо проходили двое — мальчишка лет пятнадцати и парень постарше. Подошли поближе, увидели, что машина без хозяина, открыли дверцу.

— Может, покатаемся? — предложил один.

— Только, чур, с ветерком, — сказал другой.

И машина, взревев мотором, помчалась по московским улицам.

...В этот вечер капитан милиции Михаил Ильич Евстигнеев находился на оживленном перекрестке — там, где проспект Маркса пересекается с Калининским проспектом. Все было спокойно. И вот первый тревожный сигнал — капитан услышал по радио голос своего соседа:

— «Волга-1», я — «Урал-3». От меня в вашем направлении следует автомашина «ГАЗ-69» под номером «КЖЗ-35-21». Водитель ведет машину неуверенно, с превышением скорости.

— Вас понял, — ответил Евстигнеев, — немедленно проверю.

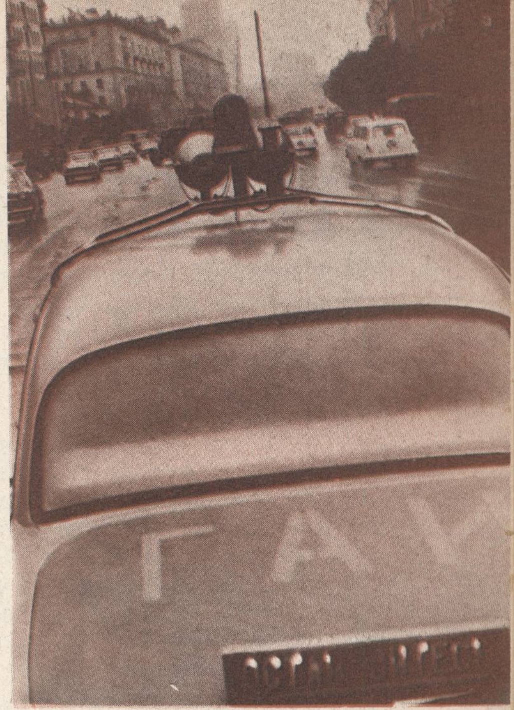
Вскоре капитан увидел «газик». Машина неслась на большой скорости, рядом с тротуаром. Казалось, вот-вот она врежется в чугунный столб.

Надо было остановить машину. Капитан переключил светофор на красный свет, но лихач, не останавливаясь, проскочил перекресток.

Михаил Ильич — опытный сотрудник ГАИ. Он знает: уж коли человек пошел на явное нарушение правил, значит, боится ответственности и хочет скрыться. Немедленно задержать!

Конечно, он и сам может это сделать — догнать нарушителя на мотоцикле, который стоит здесь же, рядом. Но покидать пост не следует. Недалеко от перекрестка находится патрульная машина. Евстигнеев связывается с ней по рации.

Мгновение — и милицейская «Волга» бросается в погоню. Сейчас нарушитель особенно опасен, он понял: его преследуют. В панике лихач может столкнуться со встречной машиной, сбить пешехода. Вот он чуть было не заскочил на тротуар, прохожие с криком разбежались в стороны... Инспектор Азаров пытается рассмотреть номерной знак «газика», но замечает, что нарушитель специально выключил фонарь, освещающий этот знак.

Инспектор включает радар (он в правой фаре). На табло, в кабине, ясно просматривается номер: «КЖЗ-35-21».

Азаров обгоняет «ГАЗ». «Остановитесь», — загорается сигнальный свет на милицейской машине. Однако нарушитель попрежнему не сбавляет скорости.

— Водитель машины «КЖЗ-35-21», немедленно остановитесь! — приказывает через громкоговоритель сотрудник милиции.

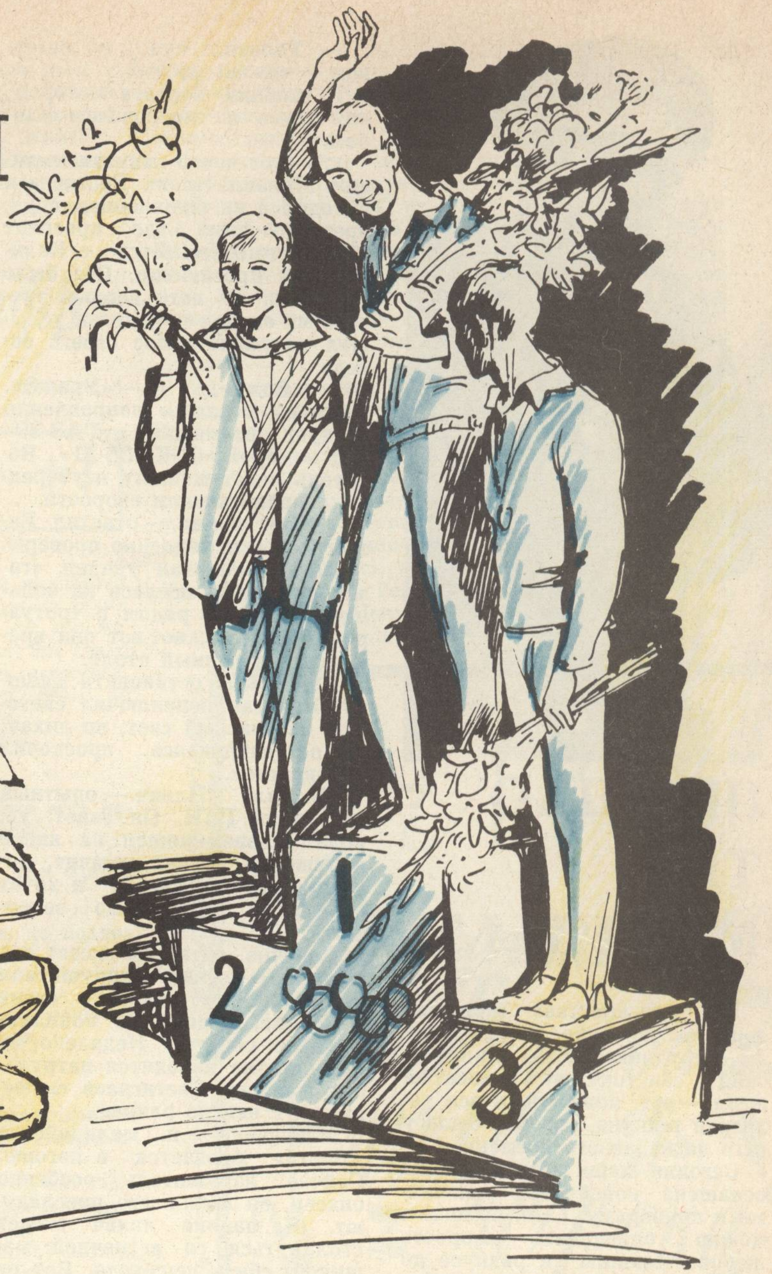
Видя, что дальнейшее сопротивление бесполезно, «ГАЗ-69» резко тормозит и застывает у самой кромки тротуара.

Н. САЛЬНИКОВ,
капитан милиции.

В. САФРОНОВ

ПЕРВЫЙ РАУНД

Литературная запись
Э. ХРУЦКОГО.

Рисунки
Т. ПРИБЫЛОВСКОЙ.

Небо над Мельбурном

Оно совсем синее, словно кто-то провел по нему огромной кистью, окунув ее перед этим в море берлинской лазури. Совсем чужое небо, не наше. Я смотрю в небо и не хочу опускать голову. Спокойнее так как-то.

Вокруг меня гудит «Вест Мельбурн Стадион». Жует резинку, дымит сигаретами, попивает кока-колу. Я стараюсь не слушать. Стараюсь отвлечься. Смотрю вверх, и все дела.

Сколько, интересно, осталось секунд до боя?

— Соберись, Володя, внимательнее. — Это мой тренер Сергей Щербаков.

Я опускаю глаза. Нервничает. Я тоже нервничаю. Только вида стараюсь не показывать. У меня за спиной три боя. Три трудных победы. Я финалист XVI Олимпийских игр в Мельбурне. Если я даже проиграю бой, то все равно стану серебряным призером. Но для меня «серебро» — утешение слабое. Я должен стать чемпионом. Должен собраться и выиграть.

Противник у меня — грозный чемпион Европы Томми Никольс. Его недаром прозвали лучшим техником Европы. Кумир Англии. Такая же гордость Британских островов, как и традиционный караул у Букингемского дворца в Лондоне.

Еще мальчишкой, дома, я, помню, смотрел страшно «завлекательные» фильмы о боксерах. Перед началом картины на экране появ-

лялся титр: «Этот фильм взят в качестве трофея...» А потом выходили на экран красавцы в кожаных перчатках. И шли от победы к победе. Все полтора часа, правда, отвлекаясь на любовь.

Вот такой же и Томми Никольс.

Честно сказать, я невольно залюбовался им. Хорош, ничего не скажешь. Было в нем что-то античное, что-то от греческих кулачных бойцов. Иногда мне даже казалось, что у него на руках не перчатки, а цесты. Я достал блокнот и чисто автоматически (привычка художника) начал делать наброски. Один, другой, третий, седьмой, десятый.

Как выяснилось перед самым боем, Никольс видел, как я работаю. В беседе с корреспондентом лондонской газеты он дал понять, правда, очень мягко, что всерьез меня не воспринимает. А я вот, наоборот, готовился к этой встрече необыкновенно тщательно.

Сейчас, работая над рукописью, я впервые признаюсь публично, что боялся боя с Никольсом, потому что нет смысла скрывать то, что было на самом деле.

— Боксеры, на середину!

Иду. Вот мой противник. Да, он повыше меня, покрепче на вид. Улыбается. Но как-то заученно — такое впечатление, что улыбка нарисована. А глаза холодные, цепкие, словно у оценщика из скупки.

Я тоже улыбаюсь, жму его перчатку. Расходимся по углам. Последнее, что я вижу, — улыбку Сергея Щербакова, добрую, теплую.

Все. Гонг. Бой.

Я не даю Никольсу выйти из угла. Ухожу от прямого и резко бью коротким по корпусу.

Не ожидал?

Теперь еще! Нет, не думай уйти. Я знаю, что ты хочешь делать. Забылся и сам почувствовал силу и точность его удара. Внимательнее, внимательнее. Опять в ближний бой. Не отступать, уходить вправо или налево, но обязательно с ударом. И темп, темп. Навязывать ему свою манеру боя... Гонг застал нас в пылу взаимных атак.

— Володя, — шепчет Щербаков, — раунд равный. Активнее, милый, активнее. Вверх погляди.

Я поднимаю голову. Под куполом «Вест Мельбурн Стадион» разноцветные флаги, и среди них наш, красный.

Гонг. Второй раунд.

Встречаемся на середине. Во мне кипит веселая злость.

Я не даю Никольсу оторваться. Он, кажется, уже привык к моей манере, защищает живот тщательно, даже слишком. А мне этого только и надо.

Удар, еще, еще. Финт левой в корпус. На секунду он забылся, открывает голову.

Прямой, правой. Попал!

Никольс опускается на колено. Зал ревет. Я в углу. В центре ринга, на колене, гордость Англии Томми Никольс.

— Раз, два, три, четыре, пять... — считает рефери.

Бум-м-м! Гонг.

Второй раунд мой. Это уж точно.

Я отдыхаю, вытянув ноги. Немного болят плечи, но пока ничего. Как же я благодарен своим первым тренерам, Саше Ренчинову и Виктору Паладухину. Это же их закалка. Нет, не напрасно я потел на кроссах.

Опять гонг. Третий, решающий, самый трудный раунд.

Провожу несколько ударов.

Работать трудно, глаза заливает пот. Ничего не вижу. Главное — перчатками не вытрешь глаз. Закрываю их на секунду. Открываю. Ухожу под его руку.

Опять закрываю.

Открываю.

Бью.

Вперед, только вперед. Осталось совсем немного. Никольс дышит тяжело, хрипло. Почти совсем уходит в защиту.

Нет, я тебя все равно достану.

А пот жжет глаза, словно к ним приложили раскаленные пятаки. Кажется, что нет ничего бесконечнее, чем эти три минуты.

Ну что же там, хронометрист? Заснул, что ли? Никольс бросается в атаку. Встречаю его. Иду на обмен ударами. Боли не чувствую. Она ничто по сравнению с резью в глазах.

Бум-м!

Иду в угол. Иду и плачу.

— Ты что, Володя?

— Глаза.

Как приятно холодное, мокрое полотенце. Долго что-то они считают.

Сергей Щербаков гладит меня по спине.

— Ты дрался здорово, прекрасно дрался. Если что, не расстраивайся, он же все-таки опытнее тебя, чемпион Европы.

Тоже мне утешение: чемпион Европы!

Судья приглашает в центр ринга. Стоим: справа — я, слева — Никольс. Даже сейчас улыбается.

Над стадионом прозвенел по-английски металлический голос. Я разобрал всего лишь два понятных слова: «Владимир Сафронофф!»

Моя рука в перчатке взлетает вверх, к небу.

— Победа!

Мы стоим втроем на пьедестале почета.

Господин Рассел, генеральный секретарь Международной федерации бокса, жмет мне руку, надевает на шею маленькое солнце, золотую медаль чемпиона XVI Олимпийских игр.

Спускаюсь с пьедестала и попадаю в руки наших ребят. Они поднимают, несут меня к раздевалке. Я смотрю вверх, где над куполом бьется красный квадрат нашего флага. Он реет гордо и высоко. Это Родина благодарит меня, салютует мне. Глаза опять начинает пощипывать.

Цирк—это да!

Мне всего лишь двенадцать лет. Но я самый счастливый мальчишка на свете. Я живу в самом лучшем городе мира — Улан-Удэ. И улица моя самая лучшая, самая зеленая — улица Шмидта. Но разве мало зеленых улиц и хороших городов? Нет, главное не это. Рядом с моей улицей цирк. Вот в чем дело. И я могу ходить туда каждый вечер, потому что в моем дворе живут цирковые борцы. Они берут меня на все представления. Мне мучительно завидуют все мальчишки окрестных улиц. Я их отлично понимаю.

Они с трепетом, затаив дыхание, смотрят, как огромные чемпионы подходят ко мне и жмут руку, как равному. Я скромно, с достоинством несу свое первое бремя славы. Ох, как же я люблю цирк! Перед началом спектакля сидишь где-нибудь в уголке и всей грудью вдыхаешь упоительный запах манежа. Здесь пахнет опилками, конюшней, потом. Здесь пахнет трудом.

Кем я стану — я знал совершенно точно — цирковым борцом. А иначе просто не могло и быть.

Дома я стою у окна и с нетерпением гляжу во двор. Наконец-то. Из одноэтажного флигеля на разминку, голый по пояс, выходит Андрей Кречет.

— Здравствуйте, дядя Андрей.

— А, Володька, что же ты опаздываешь? Давай, брат, на разминку.

Моя ладонь тонет в его огромной лапище. Я становлюсь рядом, стараюсь точно повторять все движения моего кумира.

— Быть тебе, Вовка, борцом, — смеется Кречет и идет к колонке, — жми на рычаг.

Я жму. Вода, победно трубя, бьет в его широкую спину. Кречет охает от удовольствия, гулко, словно в бочку, хлопает себя ладонями по животу.

— Ну, а ты? — говорит он, растираясь жестким полотенцем. Я бы рад. Но из окна за молодецкими забавами наблюдает мама.

Я вздыхаю тяжело, горько вздыхаю.

— Ничего, Вовка, — хохочет Кречет, — подрастешь!

Ему легко говорить «подрастешь»... Я иду домой, подхожу к стене. Там у меня вбит гвоздик, по нему я мерю рост. Нет, не вырос. Совсем не вырос. А времени прошло бесконечно много — целых две недели.

— Знаешь, что, — советует мне мой друг Толик Субботин, — ты каждый день по часу виси на турнике. Сразу вытянешься.

Мы с ним «позаимствовали» у нашего водопроводчика трубу, пристроили ее между двух деревьев, за сараями. Теперь ежедневно я вишу на ней. На десятой минуте начинает ломить плечи, мышцы на руках наливаются чугуном. Я разжимаю пальцы и падаю на землю.

— Плечи болят? — интересуется Толик.

— Есть немного.

— Порядок, значит, растешь.

Есть такая игра расшибалочка, по-уличному — «расшиши». Принцип ее предельно прост. Ставится кучка монет и расшибается специальной биткой, лучше всего старым царским пятаком. Мы тогда, по молодости, еще не освоили всех ее тонкостей. Но в соседнем дворе жили ребята постарше. Называли они себя «огольцами». Вместе со мной в одном классе учился один из этой компании: Мишка по кличке «Расшиши». Он был второгодник. Сидел чуть не в каждом классе по два года. Поэтому, естественно, в свои 15 лет был значительно сильнее нас, двенадцатилетних.

Ох, как хорошо я его помню! Помню все: отобранные завтраки в тяжелом сорок седьмом, порванные курточки, синяки, на всю жизнь запомнил я слезы первой мальчишеской обиды.

Я до сих пор не могу понять, почему Мишке и его дружкам доставляло удовольствие мучить нас. Сколько раз, ложась спать, я видел себя большим и сильным. Я шел по улице в сапогах гармошкой, в малокозырке, с окурком, прилипшим к губе, и раздавал тумаки моим врагам.

Много раз, чуть не плача от обиды, бросался я на своего врага. И каждый раз поднимался с земли, сплевывая кровь из разбитых губ.

Прости меня, Толька...

Было одно лишь место на земле, где не было моего обидчика, — пионерский лагерь в Верхней Березовке.

Поет труба весело и звонко. Голос ее уносится к солнцу, к облакам, отталкивается от них и опускается к нам на землю.

Я просыпаюсь счастливый, предчувствую бурный, веселый, неожиданный день.

Сегодня лагерь ждет гостей. Сегодня к нам на костер приедут артисты из Улан-Удэ. Мы посыпали свежим песком линейки, подметали клумбы. Веселое возбуждение не проходило весь день.

Наконец-то появился долгожданный автобус с гостями. Мы встречали их грохотом барабанов и пением горна. Из автобуса вместе с артистом вышли двое; через плечо у них перекинуты боксерские перчатки.

— Боксеры! — ахнул кто-то из мальчишек.

Да, это были настоящие боксеры, и среди них чемпион РСФСР Александр Ренчинов.

— Бокс будет, Вовка, — восторженно завопил Толик, — вот здорово!

Начался концерт. Но я не мог слушать певицу, не мог смотреть на акробатов. Я ждал.

ждал боксеров. Наконец они вышли на импровизированный ринг.

Я замер. Сразу вспомнились фильмы о боксерах, которые мы, да пусть не ругает меня мама, смотрели, убежав с уроков. Бой начался. Я смотрел, затаив дыхание. Но пришло и разочарование: где же гул кинематографических ударов, где нокауты? Теперь-то я понимаю, что Ренчинов и его партнер продемонстрировали нам великолепное мастерство игрового боя. Наконец бой кончился. Боксеры пожали друг другу руки и пошли переодеваться. Около автобуса их ждала целая толпа ребят, желающих померить боксерские перчатки. Даже девчонки пришли. Я втиснулся в очередь рядом с Толиком.

Вот она, сверкающая на солнце кожаная перчатка. Я натягиваю ее на левую руку. Что со мной случилось, я до сих пор не знаю. Я мучительно, до боли захотел прямо сейчас, немедленно ударить. Рядом стоял Толик. Я развернулся и ударил его в лицо. Он пластом рухнул на песок. Потом сел, удивленно потирая скулу.

— Друга, значит, да, — поднялся Толик, — по скулам, да? Гад ты, Вовка.

Толик плюнул и пошел к ручью. Я растерянно вертел в руках перчатку. Ко мне подошел Ренчинов.

— Удар у тебя хороший. Но бить товарища?

Я покраснел так, что, казалось, кровь выступила на щеках.

— А боксер из тебя может получиться неплохой, — хлопнул меня по плечу Ренчинов.

— Из меня?

— Да, из тебя. Приедешь из лагеря, приходи ко мне в детскую спортивную школу. А пока — турник, бег, плавание. Ну, будь здоров.

Ренчинов пошел к автобусу. В дверях он еще раз обернулся и крикнул:

— Помни: жду!

Я не знал, куда деваться от радости. Долго махал вслед автобусу. Но полного счастья не бывает. Это я понял, как только рассеялся пыльный шлейф на дороге. Надо мириться с Толиком.

Я пошел к ручью. Толька сидел на нашем любимом месте. Он даже не оглянулся, услышав мои шаги.

— Толь, а Толь, — позвал я.

Молчит мой гордый, обидчивый друг. И только сейчас я понял, какая же я все-таки свинья. Действительно, как у меня могла подняться рука на Толика.

— Толь, а Толь, не сердись, — я сел рядом с другом, обнял его за плечи, — ты знаешь, я с Ренчиновым говорил, он сказал, что из нас хорошие боксеры получатся, — соврал я, не моргнув.

— Треплешься, поклянись! — Толик даже вскочил.

Я понял, что это святая ложь.

— Честно. Только он говорил, что надо подзаняться.

— Если надо, подзаймемся, — решительно сказал Толик, — пошли ужинать.

Утром, после завтрака, у ворот собрался почти весь лагерь. Здесь начинался старт первому в истории нашего лагеря «марафонскому» пробегу — до соседнего лагеря и обратно. Расстояние — километров семь. Конечно, нетрудно было догадаться, кто были отважные марафонцы. Все утро мы тщательно подбирали свою спортивную форму. Трусы и майки оказались в порядке, а вот с тапочками было сложнее.

Толик, собираясь в лагерь, второпях вместо своей прихватил одну отцовскую тапочку сорок второго размера. При помощи сложной системы завязок мы довольно плотно прикрепили ее к ноге Толика. Старший вожатый взглянул на часы и поднял флажок. Вот он опустил руку.

— Старт!

Рванули мы сразу с места. Неслись, стараясь обогнать друг друга.

Первые метров тридцать бежать было легко, потом я почувствовал, что взял слишком резкий темп. А за нашими спинами улюлюкала, свистела, визжала толпа болельщиков.

Тут-то и случилось первое несчастье. Толик потерял тапочку. Не мог же я бросать друга в беде. Провозились мы с тапочкой долго. Одновременно приняли мудрое решение: сбавить скорость.

Теперь мы бежали рядом, но лидерство уступить друг другу не соглашались. Вот и долгожданный лес. Бежать стало легче.

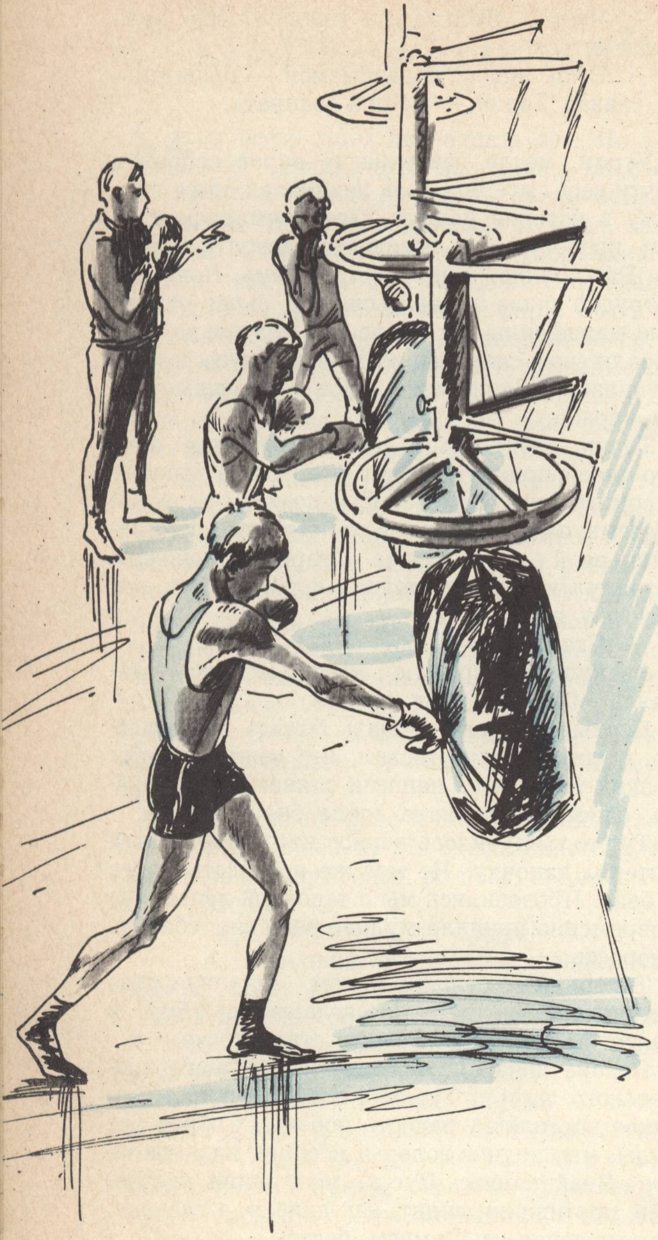
Вскоре показались палатки соседнего пионерского лагеря. Тут-то я впервые понял, что такое настоящая радость победы. Собрав все силы, мы, подняв головы, неслись мимо палаток. Знай наших. Пусть, мол, наши настоящие противники видят, как далеко, а главное, как красиво мы умеем бегать.

Но вот показалась группа ребят. Внезапно Толька делает рывок и опережает меня метров на сорок. Решил похвастаться перед соседями. Догнал я его далеко от лагеря. «Рекордсмен» дышал, как загнанная лошадь, лицо его было мокрым от пота. Но самое главное, злополучная тапочка так натерла ему ногу, что ни о каком беге не могло быть и речи. Мы медленно двинулись домой. В лесу разом остановились и присели в тени разлапистой ели. Над верхушками деревьев медленно проплывали огромные облака. Крепко пахло смолой, свежестью. Постепенно звуки начали скрываться и уходить, уходить и таять...

Проснулся я от пронзительного крика сороки. Солнце было высоко. Значит, спали мы часа четыре. Есть хотелось зверски.

— Толька, вставай. На обед опоздали, — принялся я будить друга.

Толька встал. Попробовал сделать несколько шагов и опустился на землю.

— Болит, не могу идти.

— Снимай тапочку.

Да, друг растер ногу до крови. Мы выломали сук, заменивший Тольке костыль. Раздирая пальцы, обломали на нем ветки.

Путь назад был менее триумфален. Толик, с перекошенным от боли лицом, шагал, обняв меня за шею и опираясь на «костыль». Отдыхали мы каждые сто метров. В лагерь постарались вернуться незаметно. Но это нам не помогло. Почти до самого отъезда мы стали мишенью насмешек. Вот тогда впервые я понял один из основных законов спорта: человек обязан точно рассчитывать свои силы, любая лишняя нагрузка, любое чрезмерное напряжение — и спорт, который должен быть удовольствием, становится для тебя тяжелой повинностью.

Бокс не драка

Лето кончилось. Все чаще с гор начал опускаться туман, по утрам на полог палатки натекало целое озеро воды. И хотя солнце казалось ярким и радостным, было ясно, что скоро придется прощаться с лагерем.

Автобус увозит меня в Улан-Удэ, на улицу Шмидта. Значит, снова кислый запах чернил в классе, «огольцы» на углу Шмидта и улицы Красина, а моя единственная радость — цирк уехал. Но в городе ждал меня Ренчинов, ждал бокс, кожаные перчатки, золотые чемпионские медали, зависть сверстников.

После Верхней Березовки наша улица кажется скучной и пыльной. Я сижу во дворе. Разложил на столе свои рисунки: надо коечто доделать.

— Художник, а пацаны. Художник выискался. — За спиной стоит Миша «Расшиши».

— А ну-ка, дай картинку...

Я всей грудью закрываю свои акварели. Закрываю свою Березовку от его грязной лапищи с черными обломанными ногтями.

— Не дам, уйди, Мишка, не дам.

— Не дашь, — голос его полон угрозы, — не дашь... — Он бьет меня по рукам, рисунки сыплются на землю.

Ах так? Ну, погоди. Ведь недаром Ренчинов говорил, что я стану боксером. Я бью его точно, в подбородок. Бью так же, как делали это боксеры, выступая у нас в лагере. Мишкина голова дернулась в сторону. Он несколько секунд с недоумением смотрел на меня. А потом вдруг из моего правого глаза посыпались звезды. Через несколько минут, вытирая кровь и удерживая слезы, я ползал по земле, собирая обрывки рисунков.

Ночью я долго не мог заснуть. Мальчишеские обиды горьки. Они тяжелы тем, что поделиться не с кем. Разве мама или сестренка могут понять, что творится в твоей душе? Да никогда. Поэтому лежишь в темноте и глотаешь горькие, соленые слезы. Утром я тщательно запудрил синяки. Для этой цели очень годилась отбитая от стены, а потом растолченная штукатурка.

— Решено, — думал я, шагая по улицам, — я брошу живопись и стану боксером. Настоящим боксером, таким, как Эдди Стил из фильма «Последний раунд». Опомнился я перед дверьми спортивной школы. Здесь-то я и оробел.

Входить или нет? А вдруг Ренчинов пошутил? Я еще раз оглядел себя в дверное стекло. Уж больно я худ.

Кто-то положил мне руку на плечо. Я оглянулся. За моей спиной стоял улыбающийся Ренчинов.

— А ведь мы, кажется, знакомы? Постой, постой, тебя зовут Витя? Нет. Володя, конечно, Володя. Ну, решил стать боксером?

— Решил, — чуть слышно прошептал я.

— Отчего же так несмело? Решил, так пойдем, Володя. Постой, что это у тебя с глазом?

Не знаю, как это случилось, но я внезапно рассказал Саше Ренчинову о всех своих злоключениях. Чемпион внимательно выслушал меня.

— Да, брат, плохи твои дела. Если ты пришел стать боксером, чтобы свести счеты со своим Мишкой, тогда уходи сразу. Секция бокса — это тебе не курсы по повышению квалификации драчунов. Спорт надо полюбить по-настоящему. Вот когда он увлечет тебя, тогда ты станешь хорошим боксером. Ну ладно, посмотрим, кем ты станешь.

По голой спине бегут мурашки. Я стою в «костюме Адама». Меня внимательно рассматривают трое мужчин.

— Н-да, Сергей Сергеевич, жидковат, пожалуй. А?

— Есть, есть малость, а ну-ка повернись.

— Н-да.

— А ну давай на весы.

Я становлюсь на огромные белые весы. Щелкают разновесы.

— Все ясно. Слезай. Ребята, позовите Ренчинова, а ты можешь одеваться.

— Саша, — обращается он к входящему Ренчинову, — не пойдет: вес всего тридцать восемь килограммов.

Я опускаюсь на длинную скамейку. К горлу подкатывается горячий шершавый комок. Вот и все. Прощай, бокс. Я дрожащими руками натягиваю рубашку. Стараюсь надевать ее как можно дольше, еле сдерживаюсь, чтобы не разреветься.

— Записывай его, Сережа, под мою ответственность.

Это Ренчинов.

— Не могу, Саша, решай с директором. Если он даст добро...

Ренчинов идет к двери. Я жду мучительно долго. Кажется, что в этой комнате остановилось время. Наконец появляется Ренчинов, а с ним невысокий, полный человек.

— Сергей Сергеевич, запишите этого мальчика, — говорит он.

Видимо, на моем лице написана такая радость, что все начинают смеяться.

Теперь день у меня планировался совершенно иначе. Если мать раньше будила меня в школу добрых полчаса, то теперь я вскакивал раньше нее. Зарядка с гантелями, их мне дал Ренчинов, потом — холодной водой по пояс и во двор, пробежка, правда, небольшая, завтрак и в школу.

Новый режим дал результаты буквально через месяц. Я чувствовал себя несравнимо лучше, да и заниматься в школе стал с бо́льшей охотой. Четыре раза в неделю я приходил на тренировки. Там мы, новички, постигали азы боксерской науки. Естественно, что поначалу нам пришлось сильно разочароваться. Никто сразу не дал перчатки. Ринг теперь для нас был еще более недоступным, чем до записи в секцию.

— На ринг выйдете не раньше, чем через полгода. Сначала надо научиться ходить по нему правильно, — сказал нам Ренчинов на первом занятии.

Он был опытным педагогом. Он обращал большое внимание на общую физическую подготовку боксера. Сначала, конечно, разминка, полчаса тяжелых упражнений на ходу. Потом постылая веревка. Надо сказать, что с ней у меня связано одно смешное воспоминание.

Как-то осенью в школе на большой перемене я вышел во двор. Несколько девчонок из параллельного класса прыгали через веревочку. Рядом с ними стояла самая красивая девчонка в нашем классе, Тамара. Я уже не первый день всеми силами старался привлечь ее внимание. Вот здесь-то мне и представился подходящий случай. Я иронически смотрел, как прыгают девчонки.

— Даже прыгать по-человечески не умеют. Разве это темп?

— А ты умеешь? — насмешливо повернулась ко мне Тамара.

— А то...

— А ну, попробуй.

Я важно подошел к одной из девчонок, взял у нее из рук скакалку, повертел. Девчонки прыснули в кулак. Тут-то я показал темп и класс. Девчонки открыли рты от изумления.

— Ты где научился? — удивилась Тамара.

— В секции бокса, — ответил я как можно небрежнее.

Вот тогда она впервые поглядела на меня с интересом.

Но я отвлекся. После скакалочки разучивание удара левой и уход от удара. Мы стоим друг против друга и часами отрабатываем удар и уход.

— Нет, плохо, — говорит Ренчинов, — нет чистоты, нет автоматизма.

— Развивайте дыхание, ноги — это вам очень пригодится, ребята, — наставлял нас тренер.

Мы все хотели стать боксерами, поэтому старались, лезли вон из кожи. Ой, сколько же мы отлупили мешков, сколько груш испортили за полгода...

Постепенно я начал замечать, что Ренчинов следит за моими тренировками особенно внимательно. Как-то после занятий он попросил меня остаться.

— Вот какое дело, Володя, — тренер усадил меня рядом с собой, — я рад, что не ошибся в тебе тогда в лагере. Из тебя действительно может получиться боксер — мастер. Но это труд. Упорный, жестокий. Ты должен узнать вкус пота, горечь поражений, только тогда ты сможешь оценить победу.

Дома я долго думал над словами моего тренера. Действительно, зачем я пришел в секцию бокса? Только для того, чтобы отомстить своим врагам? Или для того, чтобы на меня с завистью смотрели соседние мальчишки? Конечно, шел я туда именно поэтому, но зато теперь по-настоящему полюбил спорт. Мне была приятна усталость после тренировки, приятно было постоянно чувствовать свое тело, каждую его клетку, каждую его мышцу. Нет, бокс для меня не минутное увлечение. Я чувствовал, что он войдет в мою жизнь всерьез и надолго.

Как-то после тренировки Ренчинов сказал нам:

— Ребята, начинается городское первенство среди юношей. От нашей спортшколы будут выступать...

И тут тренер назвал в числе других и мою фамилию. Моему счастью и гордости не было предела. Наконец-то первая календарная встреча. Неужели первая победа? Я выхожу на ринг. Растираю канифоль подошвами боксерок. Сейчас должен появиться мой противник. Вот он выходит из раздевалки. Я чуть не сел от изумления: мимо табуретки, по проходу к рингу шел... Толик.

Мы с ним так и не виделись после лагеря. Вот так встреча!

— Не ожидал, — смеется Ренчинов, — а твой друг, оказывается, в «Спартаке» занимается.

Мы с Толиком жмем друг другу руки. Вот, значит, как довелось встретиться.

Гонг. Первый гонг в моей жизни.

Толик не дает мне выйти из угла. Пересекает ринг, встречает меня. Я не успел опомниться, как налетел подбородком на его твердую, словно дубовую перчатку.

Зал качнулся. Я медленно опускаюсь на колени. Ренчинов бросает на канаты полотенце. Отказ от схватки. Я плохо помню, как убежал с ринга, как переоделся, как несся по вечерним улицам. Какой позор! Только подумать! Проиграл в первом же бою. К черту бокс! И без него проживу. Буду играть в футбол. Значит, не рожден я боксером. Утром в школе я прятал глаза от ребят. Мне казалось, что весь город стал свидетелем моего позора. Но вечером меня опять потянуло в наш зал.

Я пришел. И никогда в жизни не пожалел об этом. Потом было много упорной работы, много пота. Я узнал радость первых побед, стал разрядником. Детство уходило через порог моего дома. Его нельзя было вернуть, но невозможно забыть.

У каждого из нас была первая любовь, помальчишески робкая и по-детски сильная. Была она и у меня. Я любил свою одноклассницу Тамару.

Этот день был жаркий, даже слишком. Мы так и не досидели в душноватом зале кинотеатра.

— Томка, поедем купаться.

— Конечно. У тебя дивные идеи иногда появляются.

Через полчаса мы приехали на берег Селенги. Народу было немного. Мы только разделись.

— Томка, привет! Имею с тобой поговорить.

Перед нами стоял Мишка «Расшиши».

— А ты, — он сплюнул прямо на мои босые ноги, — катись. Иначе...

— Ты только спокойнее. Еще неизвестно, кому катиться.

— Смотри, бить буду беспощадно. Давай отойдем, — скрипнул зубами «Расшиши».

— Давай. Ты, Том, побудь здесь, я быстро.

— Нет, я с вами.

Мы пошли. Трое. Оставляя на песке три длинные тени.

— Ну, сволочь! — «Расшиши» выкинул правую руку.

Я ушел. Ловко и красиво. Он снова замахнулся, я опять ушел.

Мишка рассвирепел, бросился на меня. Я ударил снизу в лицо, не очень сильно. Мишка рухнул на землю. Потом он сидел, держась за челюсть, и бессмысленно пялил глаза. А мы ушли купаться.

В этот день я дал себе клятву: никогда не путать бокс с дракой. ★

О СЛАВЕ, О ТРУДЕ И НЕМНОЖКО О КИНО

Людмила ГОЛУБКИНА

Если бы вы знали, ребята, сколько писем получают на киностудиях от школьников. Из самых разных концов нашей страны. И почти все они об одном и том же: «Хочу сниматься в кино...», «Снимите меня, пожалуйста, в каком-нибудь фильме», «Очень люблю кино. Мечтаю стать актером» (чаще актрисой). И еще бесконечные просьбы прислать фотографию или адрес какого-нибудь известного артиста.

Почему именно кино так притягивает человеческие души? Наверное, об этом нужно подумать серьезно, мне так сразу не ответить. Думается только, что немалую роль в этом играет та атмосфера праздничной, необычной жизни, которая чаще всего приходит к нам с экрана. И, кроме того, вероятно, каждый в детстве мечтает о славе, о том, чтобы весь мир знал твое имя.

И ничего в этом плохого нет. О славе мечтали многие. Когда-то поэт Виктор Гусев написал даже пьесу, которая так и называлась — «Слава». И были там мудрые строчки:

«А слава приходит к нам между делом, если дело достойно ее».

Гусев погиб во время войны. Бомба попала в радиокомитет, где он в то время работал. Остались его стихи, его пьесы — его дела и слава, та самая, которая пришла к нему между делом.

А вот строки из письма. Их написал человек, имя которого знает теперь каждый школьник,— Сергей Чекмарев.

«В детстве я мечтал быть гением, думал... что буду знаменит, но вот мне двадцать два года, и я не знаменит. Что до славы, то слава будет, разве это не слава — уважение окружающих тебя людей?»

Видите, каждый из этих людей порознь размышлял об одном и том же. И пришел к выводу, который подтвердил потом всей своей жизнью и даже смертью.

Вот и давайте сегодня поговорим о славе. И о кино.

...Если очень рано заглянуть на какую-нибудь киностудию, скажем, на крупнейшую в Союзе студию «Мосфильм», то можно увидеть, что вся площадка перед главным зданием заполнена машинами. Они стоят, выстроившись рядами, готовые в любую минуту рвануться и поехать на место съемок, на аэродром, а то и во-

все куда-нибудь далеко — в пустыню Каракум, например.

К вечеру отряды возвращаются на студию, усталые, опустошенные, печальные или радостные в зависимости от результатов работы.

К вечеру студия замирает.

Пуста площадка перед главным зданием, пусты, темны и гулки коридоры. Словно доисторические животные, замерли в полутьме зачехленные приборы — «журавли» звуковиков, операторские краны.

Но мигает над дверью павильона неутомимая надпись: «Тихо! Идет съемка!» Значит, жизнь не остановилась. Здесь работают.

Вот так однажды вечером, поглядев на эту надпись, открыла я тяжелую дверь и вошла в павильон, где снимался фильм «Брат Данилки Давыдова». На цыпочках пробралась я через нагромождения деталей декораций, проводов и аппаратуры, поднялась на помост по лестнице, каждая ступенька которой предательски скрипела, и оказалась в небольшой комнате.

За столом, на котором стояли остатки ужина, устало сидели двое: главный герой фильма, шестнадцатилетний паренек Борис Давыдов, и его друг, старый мастер с рыбозавода Петрович. Вернее, конечно, сидели студент театрального училища имени Щукина Саша Вдовин и известный актер Борис Константинович Кудрявцев. Рядом, вне поля зрения камеры, в не менее усталой позе стоял режиссер Валерий Кремнев. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы понять: съемка не ладилась.

Ох, как не ладилась эта съемка! Четвертый час сидели за неубранным столом актеры. Выходил вперед помощник режиссера с хлопушкой, раздавалась команда: «Внимание! Мотор! Начали!» Актеры, как говорят искусствоведы, «входили в роль»: смеялся Саша Вдовин, лукаво поглядывал на него из-под бровей Кудрявцев. Тревожно подавшись вперед, следил за ними режиссер, шевеля губами, повторяя текст, меняясь в лице от каждой реплики. И вдруг... Стоп! Очередной раз стоп!

Звукооператор снимает наушники — где-то стучат, нельзя писать звук. Потом вышла из строя камера. Потом перегрелись осветительные приборы, нужно было дать им передышку. Потом Саша Вдовин от усталости перепутал текст. Потом... И уходило вдохновение, собранность, уходили драгоценные минуты. А на их место приходили утомление и раздражение. Наверное, нужно было прекратить съемку, раз уж пошла полоса неудач. Но ведь каждый съемочный день стоит огромных денег, труда и времени.

И снова надо было сделать над собой усилие, заставить себя забыть обо всем на свете, кроме того, что происходит на этом пятачке, залитом ослепительным светом.

Вот они сидят друг против друга.

«...—Надоело мне быть братом Данилки Давыдова,— говорит Борис или Саша, сейчас не разберешь.

— Завидуешь ему? — спрашивает Петрович — Кудрявцев.

— Я не тому завидую, что он знаменитый...»

Видите, я же обещала вам, что разговор о славе еще будет. Но пока он, очевидно, требует пояснений.

Данилка — это младший брат Бориса. Ему только восемь лет, но его имя известно далеко за пределами маленького южного городка, где живут братья. Данилка — художник, его работы даже посылают на конкурс в Индию.

А вот у Бориса нет никаких талантов. Он обыкновенный парень, каких много вокруг. Только он не может пройти равнодушно мимо чужой беды. Кстати, мимо чужого счастья тоже. Потому что он в основном веселый человек. Вот послушайте, что он говорит:

«Я не сердитый. Я вообще-то веселый. Я знаешь, что больше всего люблю? Смеяться, ага. Раньше, как мы начнем с Данилкой смеяться, целый день остановиться не можем. Сейчас уже так не могу.

— Постарел,— смешно пожалел его Петрович».

Борис любит бывать там, где люди. Он любит их, и они отвечают ему тем же — где ни появится, везде у него друзья — и старше его, и младше, и ровесники. Любит он работать, и непременно чтоб лучше всех. Любит своего Данилку со всеми его смешными и серьезными сложностями. Любит девочку Нину. И ради нее совершает он свой маленький подвиг, который даже подвигом не назовешь — так, ребячество, глупость. Рискуя жизнью, забирается он по канату на очень высокую скалу. Ему вовсе не хочется лезть, такое лихачество Борису не по душе. Но Нина похвасталась, поспорила, что он залезет, и он не может ее подвести. «Неправильно ты со мной обращаешься, Нинка,— грустно говорит он ей.— Ты мне нравишься, но все-таки я не твоя вещь».

Так он живет. Как умеет. Как считает правильным — мудростью сердца. В самую горькую минуту своей жизни, после того как он расстается с Ниной, так и не сумевшей понять и оценить его, Борис идет домой, и так ему хочется побыть одному, наедине со своим горем, с самим собой. А дома мать в слезах — Данилка не получил премии на конкурсе и теперь ревет, порвал свои рисунки. И Борис забывает

о себе: ведь кому-то рядом плохо. Так и уходит он из картины — брат Данилки Давыдова, может быть, шире — брат всем людям, с кем сталкивает его судьба, всегда готовый прийти на помощь по первому зову или даже без зова. Но самому-то Борису кажется, что смысл жизни в ином, чего он пока не знает.

«— Я не тому завидую, что он знаменитый,— говорит он Петровичу,— просто он маленький, а уже нашел себя. Я порой даже не знаю, для чего я живу. А он знает. Он с этим родился. Талант у него.

— У тебя тоже талант есть,— отвечает Петрович.

— Какой? — удивляется Борис.

— Быть человеком. С тобой людям тепло. А это, может быть, самый редкий талант на свете».

— Стоп! — говорит на этот раз режиссер Кремнев.— Этот дубль не печатать. Саша, для Бориса это очень важный разговор. Он редко говорит о том, что его тревожит. А сейчас раскрывается, с трудом, может быть, даже с болью. Не так легко. А вы, Борис Константинович, наоборот, легче. Не нужно так нажимать на текст. Слова сами по себе значительны. Еще раз!

Легко сказать — еще раз! Я с жалостью и сочувствием смотрю на актеров. Неужели смогут еще раз? И так, чтобы тепло, и так, чтобы здесь немножко полегче, а там с затруднением. И искренне.

Кудрявцев проводит рукой по лицу, как бы снимая усталость. Он уже готов. Он испытанный боец — профессионал. Видал и не такое.

Саше труднее. Пока гример поправляет ему расползающийся от жары грим, он закрыл глаза, расслабился — отдыхает. Он ведь стоит у самого начала своего актерского пути. Это его первая роль в кино. Может быть, совсем не так грезилась ему когда-то судьба артиста. Может быть, она представлялась ему такой же, как многим мальчишкам и девчонкам,— легкая, беззаботная слава в лучах прожекторов. Лучи прожекторов есть, от них не знаешь куда деваться. И еще есть труд, тяжелый, изнуряющий — часами на одном месте. Десятый раз одну и ту же фразу.

Но вот гример отошел. Саша открыл глаза, выпрямился. Взгляд веселый, вид свежий. Профессиональности пока нет, но есть молодость. Тоже немаловажное качество при такой нагрузке.

Опять зажигаются ослепительные приборы, заливая все вокруг назойливым светом. Сразу становится душно.

Опять крючком сгибается за своей камерой оператор Игорь Черных, а два его помощника пристраиваются рядом, точно почетный эскорт или ассистенты хирурга при операции.

Режиссер замирает на своем стуле. Он будет сейчас вместе с актерами проигрывать всю сцену, подбадривать их, подгонять движением бровей, взглядом, хотя актеры даже не могут посмотреть в его сторону.

И все, кто ни есть на съемочной площадке — осветители, реквизитор, костюмер, администратор,— замирают тоже.

Прямо как перед началом боя. Сейчас взлетит ракета, сейчас раздастся команда.

Вот она: — «Внимание! Мотор! Начали!»

Началось! Очередное маленькое будничное сражение на подступах к фильму. Сколько их в одном дне, сколько их еще будет. Слава, праздники... Конечно, это тоже случается, как и в любом деле. Но гораздо больше труда. Труд актера, автора, режиссера, композитора, директора, монтажницы. Каждый из них делает свою работу и старается, чтобы она была выполнена как можно лучше.

Ну а... «слава приходит к нам между делом, если дело достойно ее».

В фильме, о котором мы здесь говорили, нет такого вопроса: кто счастливее — Данилка со своей славой, со своим нелегким даром или Борис, всего себя отдающий людям? Каждый из них идет по своему пути. Фильм только говорит, что негромкая жизнь Бориса так же прекрасна, как яркий талант его брата. А его человеческая сущность, может быть, даже выше. Ну, как здесь не вспомнить Сергея Чекмарева с его «уважением окружающих».

Борис для себя определил отношение к славе — «Я не тому завидую, что он знаменитый». Тем, кто делал картину, кажется, некогда было задумываться над столь отвлеченным предметом, тем более, что пока фильм еще не прошел по экранам, в душе каждого работника группы живет страх: а вышло ли? Понравится ли? Удача или, может быть, неудача?

И вместе с нами у себя в Ленинграде волнуется автор сценария Александр Корин. Он уже пишет новую пьесу или сценарий, он уже отделился от фильма. Но сколько бессонных ночей провел он над листом бумаги, чтоб ожили, заговорили люди на экране! А «Брат Данилки Давыдова» — первый его сценарий.

Что это — удача или неудача — решать вам, ребята. Но нам хочется верить, что, когда вы посмотрите эту картину и еще раз подумаете над тем, о чем здесь говорилось, вы не станете писать нам очередное письмо, начинающееся словами «хочу сниматься». И, может быть, к нам на студию и в редакцию пойдут совсем другие письма — с размышлениями о жизни, о фильме, с пожеланиями, с требованиями, наконец. Ведь мы же работаем для вас.

Мы будем ждать и волноваться. ★

В ГОСУДАРСТВЕННОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» ВЫШЛИ КНИГИ:

Акимушкин И.
С УТРА ДО ВЕЧЕРА

Бадигин К.
КОЛЬЦО ВЕЛИКОГО МАГИСТРА

Блок А.
ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Болховитинов В.
ТВОЕ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

Вартаньян Э.
РОЖДЕНИЕ СЛОВА

Воронкова Л.
СЛЕД ОГНЕННОЙ ЖИЗНИ

Гурьян О.
ТРИ ПОВЕСТИ

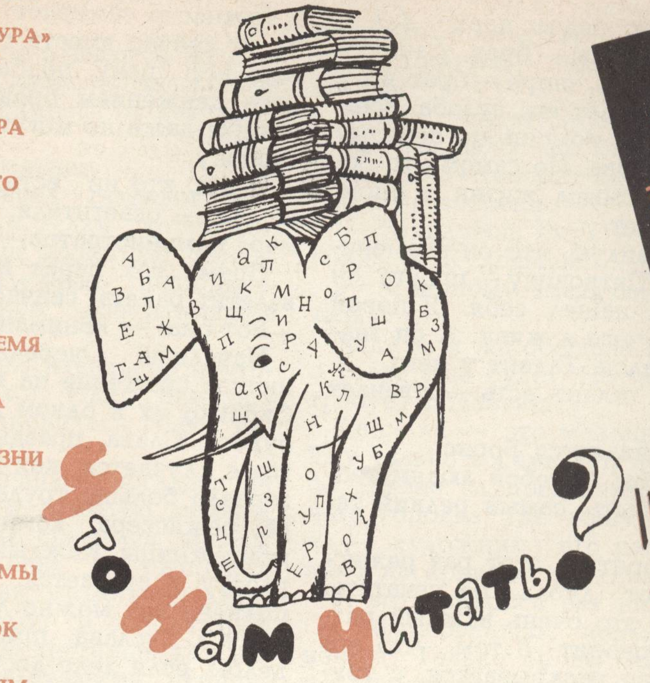
Есенин С.
СТИХОТВОРЕНИЯ. ПОЭМЫ

Зорин В.
ВЛАДЫКИ БЕЗ МАСОК

Кондратов А.
ОТ ТАЙНЫ К ЗНАНИЯМ

Кононов А.
У ЖЕЛЕЗНОГО РУЧЬЯ

Кузнецова Л.
МНОГО НА ЗЕМЛЕ ДОРОГ.
ЧЕСТНОЕ КОМСОМОЛЬСКОЕ.
ЖИЗНЬ ЗОВЕТ

Здравствуйте, уважаемая редакция журнала «Пионер»!

У меня к вам одна просьба. Помогите мне разобраться в одном, очень важном для меня деле. Я до сих пор очень люблю читать сказки. И часто приношу их из библиотеки. Но когда я их беру, то мои подруги смеются надо мной, что я еще увлекаюсь сказками. Дома мама тоже упрекает: «Никогда хороших книг не принесешь». Но ведь Пушкин уже в совсем взрослые годы читал и слушал сказки! И многие писатели и поэты, по-моему, тоже увлекались сказками. Мама говорит: «Зря время теряешь на них».

Объясните, пожалуйста, мне, зря время трачу я или нет?

АРУТЮНОВА Сусанна,
г. Тбилиси.

*

БЫВАЮТ ТАКИЕ ИГРУШЕЧНЫЕ МАТРЕШКИ. Откроешь ее, а в ней — другая матрешка, точь-в-точь такая же, только поменьше. Откроешь эту другую, а там — третья, а в третьей — четвертая.

Настоящая сказка чем-то напоминает такую матрешку.

Первый раз ты прочел ее в раннем детстве. Может быть, даже не прочел, а услышал, потому что еще не умел читать.

Потом, став уже чуточку старше, ты прочел ту же сказку во второй раз. И тут тебе открылся второй ее смысл, тот, который не лежит на поверхности, а спрятан глубже. Для того, чтобы он открылся тебе,

ты уже должен кое-что знать о жизни, иметь кое-какой, пусть небольшой, но собственный жизненный опыт.

Потом, став еще старше, ты прочел ту же сказку в третий, в четвертый раз. И оказалось, что в ней есть еще и третий и четвертый смысл. И сколько бы раз ты ни возвращался к так хорошо знакомому тебе сказочному сюжету, всякий раз окажется, что где-то там, в самой глубине его, спрятана еще не открытая тобою до конца человеческая мудрость.

Вот почему хорошую сказку можно читать и перечитывать много раз. Вот почему сказки любят читать не только дети, но и взрослые. Вот за что так ценили сказки и Пушкин и Горький. Вот почему один и тот же сказочный сюжет не раз использовали самые разные писатели и поэты: каждый из них умудрялся посредством этого сюжета сказать что-то свое.

И все-таки очень может быть, дорогая Сусанна, что права твоя мама, а не ты.

Ответить на твой вопрос, зря или не зря ты тратишь время на чтение книг, не так-то просто.

Это не всегда определяется тем, **какую** книгу читает человек. Важно, **как** он ее читает.

Можно отдаваться чтению всей душой. Тогда неизбежно наступит момент, когда ты, позабыв обо всем на свете, начнешь жить жизнью героев, радоваться и страдать вместе с ними. Такое чтение делает человека духовно богаче, даже если книгу он начал читать, не ставя перед собой никаких целей, а просто так, для развлечения.

А можно даже самую лучшую в мире книгу читать лениво, равнодушно, преследуя одну-единственную цель: как-то себя занять, **убить время**.

Такое чтение иначе как напрасной тратой времени действительно не назовешь.

С. ЕРЕМКО

Говорят писатели

Редакция спросила меня о моих планах на будущее. Что ж, я могу кое-что рассказать вам, ребята. Сейчас я хочу написать, первое дело, три рассказа. Или, может быть, четыре... Это, я думаю, должны быть интересные рассказы. И смешные. И забавные, но, главное дело, интересные. Потому что, кому охота про неинтересное читать. Так будет лучше для ребят. Я ведь к ним отношусь с любовью, если откровенно говорить.

Стало быть, я напишу для вас, ребята, рассказы. А еще небольшую повесть. Она будет называться так: «Мальчик с настоящей саблей». Тут такое дело, что у одного мальчика (было это в 1919 году) убили отца, а маме делали какую-то операцию — она была в больнице, и мальчик получился один. И он ненавидел убийцу своего отца. Он был как Тиль Уленшпигель. Воспоминания об отце терзали и ранили его душу. «Пепел Клааса стучал в его сердце». Его звала месть. И однажды утром в город вошли долгожданные красноармейцы. Среди них был и друг отца. Он хорошо помнил своего боевого товарища, и, когда увидел, что между лошадьми крутится пацаненок, он узнал в нем сына своего друга. Он подозвал его к себе, и тут выяснилось, что мать мальчишки лежит в госпитале.

И в эту минуту он услышал команду: «По коням!» И он понял, что ему пора с отрядом уезжать и что вот он сейчас уедет, а сын его друга останется один, один во всем городе. И тогда он надел на мальчика свою настоящую саблю. Она была тяжелая и пахла лошадиным потом. Он поднял мальчика и посадил его в седло впереди себя и поскакал вперед. Мальчику было больно ехать. Было неудобно. Очень тяжело. Сабля била его по плечам во время скачки, но на душе его было празднично. Он ехал впереди эскадрона. Сзади сидел друг отца—с ним не пропадешь, и вокруг них скакали товарищи его отца — с ними тоже не пропадешь. И все это вместе взятое: конский храп, и шум, и пение боевой трубы — вдруг согрело и оживило усталую душу пацаненка.

Вот такая будет повесть. Да. Я, правда, ничего не сказал про остальные рассказы, но вы за это не сердитесь на меня. Я их тоже напишу, обязательно.

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Куперман И.
НА ЧЕРНЫХ ДИАГОНАЛЯХ

Куприн А.
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Мариковский П.
ЮНОМУ ЭНТОМОЛОГУ

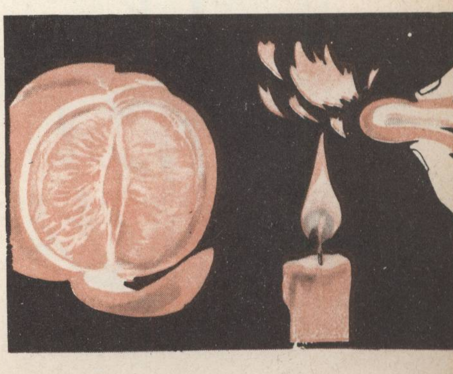
Морозова В.
ДОМ НА МОНЕТНОЙ

Платов Л.
ПОВЕСТИ О ВЕТЛУГИНЕ

Сборник
ПЕРВАЯ ДРУЖБА

Сойфер В.
АРИФМЕТИКА НАСЛЕДСТВЕННОСТИ

Сулакаури.
ПРИКЛЮЧЕНИЯ САЛАМУРЫ

«Динь-дон-динь». В комнату влетел калиновый листок, плавно опустился на Маринин письменный стол, и около учебника физики для 6-го класса, раскрытого на 57-й странице, оказалась Калинка. Она с удовольствием осмотрелась: на полках ни пылинки, на полу ни соринки, в синей вазе душистая еловая ветка, ...а в любимом мамином кресле спит Алеша.

Алеша проснулся и с удивлением посмотрел вокруг.

— Здравствуй, Калинка!

— Доброе утро, Алеша. Пришел к Леке учить стихотворение и заснул. Не выучил?

— Лека два стихотворения выучила и с Чубчиком гулять ушла, а я все учил, учил, потом думал, думал и заснул. Нас с Бобом Сухаревым выбрали ответственными за цветы к 8 Марта. Где эти цветы возьмешь! — Алеша вздохнул.— Калинка! Я придумал, давай подкрутим какие-нибудь винтики, приведем в соответствие какие-то волшебные импульсы, и к 8 Марта будет лето. Я бы Галине Николаевне во-от такой букетище цветов принес.

— Закрой глаза, Алеша, я тебе покажу удивительный букет. Открой!

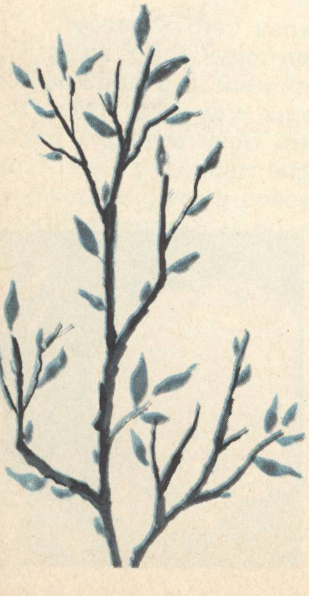
Открыл Алеша глаза и увидел легкое зеленое облачко, а рядом розовое.

— Очень просто,—сказала Калинка.— Букет из трех зеленых веточек. Кленовой, вишневой и тополиной. Красиво?

— Очень! А розовое?

— **Багульник. Это такой же обычный кустарник на Дальнем Востоке, как здесь бузина. Надо найти кустарник или дерево в затишье, где ветер не так свирепствует и солнце сильнее пригревает, срезать веточки с крупными почками. Принести домой и через два часа, когда они обогреются, поставить в горячую воду поближе к свету, можно подсыпать чуть-чуть калийно-фосфорного удобрения для комнатных растений. Раз в четыре дня воду менять и подламывать опущенные в воду концы веток. К 8 Марта распустятся великолепные зеленые листья, а вишни и багульник зацветут.**

— Какие необыкновенные букеты преподнесем мы учительницам! А девочкам что?

— Сколько у вас девочек в классе?

— Пятнадцать.

— **Придите с Бобом Сухаревым пораньше и поставьте в классе букет из пятнадцати веток. Когда девочки будут расходиться после занятий, пусть каждая возьмет по веточке.**

— А как быть с бабушкой, Лекой и Мариной? Подарок должен быть сюрпризом, а ветки от них не скроешь!

— На чем режет хлеб бабушка?

— На доске. И всегда говорит: «На одной доске все режу и забываю, с какой стороны хлеб, а с какой мясо».

— Давай придумаем такой подарок... Сделай две дощечки. Одну для хлеба и сыра, а другую для мяса и овощей. Вот лист бумаги и зеленый карандаш, придумывай, какие могут быть дощечки.

— Дощечку надо делать толстую?

— **Тонкая удобнее, но не тоньше 5 миллиметров. Купи в строительном магазине дощечки, обрезки всякие. Распили, зачисть шкуркой края, хорошенько отполируй, чтобы были гладкие-прегладкие, край обожги и наведи узор, можно и лаком покрыть, но только края, а не плоскость, на которой режут. Сделай красивую ручку, за которую дощечку вешают. На одной стороне выжги рисунок или слово «сыр», на другой — «хлеб». На второй дощечке — «мясо» и «овощи». Рисунок или слово должны быть в уголке, чтобы неровность штрихов не мешала резать.**

В это время на лестнице послышался собачий лай. И через минуту в комнату вошла Лека.

— Здравствуй, Калинка.

— Можно Леке про ветки рассказать?

— Можно, а дома еще надо сделать «общий» пирог.

— Как «общий»?

— Ты, Марина и Алеша печете пирог, а вечером зовете Алешину бабушку и маму к вам на чай с «общим» пирогом. Я прилечу к вам, когда будете печь пирог, а пока, Лека, запиши в тетрадку.

Калинка хлопнула в ладоши, и в комнату влетела тетрадь, не очень большая и не очень маленькая, в красном переплете, с калиновым листком на первой странице, с красным шариковым карандашиком в кармашке.

— В эту тетрадь будешь записывать все, что умеешь делать! Супы, пироги, чертежи платьев.

ПИРОГ «8 МАРТА»

Вначале начинка. Три апельсина и половину лимона натри на терке вместе с кожей, только косточки отберешь — они дают горечь. Разотри массу с двумя стаканами сахара (попробуй на ладошке, — будет несладко, подсыпь еще) и провари на среднем

огне 20 минут, до густоты. Пока будет остывать, приготовь тесто.

Разотри 200 г масла, 2 целых яйца и 2 желтка, 3/4 стакана сахара, 1/4 чайной ложки соли и добавь 1 столовую ложку сметаны. Должна получиться однородная пышная масса. 3 стакана муки просей, добавь туда 1/2 чайной ложки соды и всыпь в массу. Такое тесто, оно называется песочное, готовить надо в проветренной кухне, чтобы не было жарко, температура не превышала 20°. Месить надо очень быстро, 2—3 минуты. Тесто должно получиться гибкое, пластичное.

Быстро раскатаешь 2 лепешки, а маленький кусочек теста оставишь для присыпки и пока положишь в прохладное место. Лепешки для пирога делай не толще 8 мм и сразу ставь в средне горячую духовку.

Одну лепешку надо печь до готовности, 30 минут, вторую до полуготовности — минут 15, а потом вынуть из духовки, не снимая с противня, намазать ее апельсиновой массой и допечь. Испекутся лепешки, пустую намажешь остатком апельсиновой массы, а сверху положишь вторую лепешку — получится двухслойный пирог. Поставь на окно, прикрыв салфеткой, пусть стынет.

Теперь тонко-тонко раскатай лепешку для присыпки, выпеки ее до румяности. Остуди и растолки, чтобы получились крупные крошки, добавь туда мелко нарезанного миндаля или орехов и сахарной пудры. Это и будет присыпка. Перед подачей на стол укрась пирог тонкими дольками свежего апельсина, миндалинками, орешками, присыпь присыпкой.

Если нет апельсинов, можно этот пирог сделать с вареньем или повидлом, все делать точно так же, только варенье бери густое.

Приготовьте продукты, и 8 Марта утром будем печь пирог.

И Калинка исчезла.

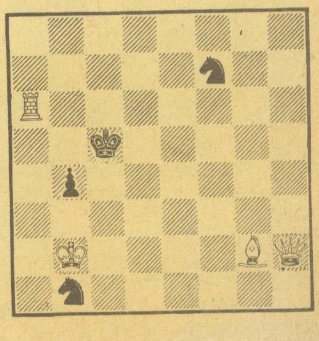

НА ШАХМАТНОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ

Сегодня Пешкин дежурит на бойком шахматном перекрестке. Он опытный регулировщик. Смотрите, как, повинуясь его жезлу, маневрируют, строго соблюдая правила движения по горизонталям и вертикалям, все шахматные фигуры.

Прямо сюда, на пост, почтальон принес Пешкину письмо от московского школьника Вадима Башкирова. Вадим прислал такую позицию.

«Никак не пойму, — пишет он, — в чем здесь загвоздка. Увидел я эту диаграмму в старом календаре. И все здесь проще пареной репы. Играют белые 1. Кf8-e6 и дают мат в один ход. Какая же это загадка?»

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

КЛУБ

— Кому представить слово? — спросила бабушка Белобока, открывая очередное заседание.

— Близнец! — закричала вдруг сорока Всезнайка. — Беру слово!

— Вы хотели сказать «прошу слова»?

— Нет, я сказала именно то, что хотела сказать: я беру себе слово «ПРЕДСТАВИТЬ». В коллекцию. А вот вы хотели сказать «кому предоставить слово». Так?

— В самом деле, — смутилась Белобока. — Я ошиблась. Извините.

— Ничего. Бывает. Это все проделки близнецов.

— Каких близнецов? Я не знаю никаких близнецов.

— В том-то и беда. Их многие не знают. Поэтому и путают.

— Послушайте, дорогая, будьте добры, перестаньте говорить загадками и объясните же наконец, в чем дело.

— С удовольствием, — ответила Всезнайка. — Я получаю от ребят много писем. В них иногда встречаются слова, которые любят подшутить над ребятами. Вот, например, слова-близнецы, вроде этих: ПРЕДСТАВИТЬ и ПРЕДОСТАВИТЬ. Они очень похожи, и многие ребята их путают. Такие слова я и коллекционирую.

— А для чего вы их собираете?

— Чтобы разбирать! Это очень увлекательное занятие. Если хотите, я могу познакомить уважаемых членов клуба с несколькими близнецами из моей коллекции.

— Конечно, хотим!

— Познакомьте нас!

— ПРЕДСТАВЬТЕ их нам!

— Пожалуйста. Вот ужасные шалуны — НЕВЕЖА и НЕВЕЖДА. Они почти не отличаются друг от друга и делают вид, будто они — одно слово. А ведь это разные слова. НЕВЕЖА — грубый, невежливый, невоспитанный человек, а НЕВЕЖДА — необразованный, малознающий. А вот еще ЛИНЮЧИЙ и ЛИНЯЛЫЙ.

— А разве это не одно и то же? — спросила сорока Непонимайка.

— Ну что вы! Пускай наши читатели напишут нам, чем

Еще какая хитрая загадка!

Для решения ее надо четко управлять движением всех фигур и пешек.

Условия загадки необычны.

1. Черные пешки брать нельзя.

2. Черного короля белые обязаны заматовать своей единственной пешкой и сделать это не позже, чем на четырнадцатом ходу.

Вот с какой загадкой столкнулся Вадим.

Без Пешкина нам трудно было бы разобраться. Но теперь спокойно отправимся в путь: Kf8—d7+ Kpg8—g7 2. Лa8—f8! Kpg7—g6 3. Kc7—e6 f7 : e6 4. Фe7—f7+ Kpg6—g5 5. Kd7—e5+ f6 : e5 6. Cf3—e4 f5 : e4 7. Cc1—e3 f4 : e3 8. Фf7—e7+ Kpg5—g6 9. Kph3—h2 h4—h3 10. g2—g3.

Первый ход роковой пешкой. Теперь она, как по винтовой лестнице, начинает приближаться к черному королю.

10... h5—h4 11. g3—g4 h6—h5 12. g4—g5 h7—h6 13. Фe7—f6+ Kpg6—h7 17. g5—g6. Мат.

Вот, ребята, какие чудеса встречаются на шахматной доске!

ПЯТЬСОТ НОВЫХ РАЗРЯДНИКОВ

Пятьсот ребят получили спортивные разряды в заочном конкурсе «Пешкин-69». Мы поздравляем победителей нашего соревнования и уверены, что в конкурсе «Пешкин-70» будет еще больше участников, еще больше ребят успешно справятся со всеми заданиями Шаха — владыки черных и белых полей.

Сорок пять «Грамот ферзя и ладьи» вручил Пешкин ребятам, которые особенно отличились в соревновании. Среди этих ребят: **Сережа Боровков** из Волгограда, **Лена Будкова** (Рязанская область), москвичка **Катя Виник, Боря Вожаков** из Красноярска, **Олег Качанко** из Томска, **Алексей Семиков** из Фрунзе, **Диана Сиротина** из Поти, **Миша Туник** из Магадана, **Валерий Столярчук** (Волынская область), **Коля Смелов** (Вологодская область), польский школьник **Мариан Вроблевский** (Вроцлав).

«Грамоту ферзя и ладьи» полу-

Сорок сорок

Выпуск подготовил Вадим ЛЕВИН.
Рисунки А. БОРИСОВА.

отличаются друг от друга слова ЛИНЮЧИЙ и ЛИНЯЛЫЙ,— предложила бабушка Белобока.

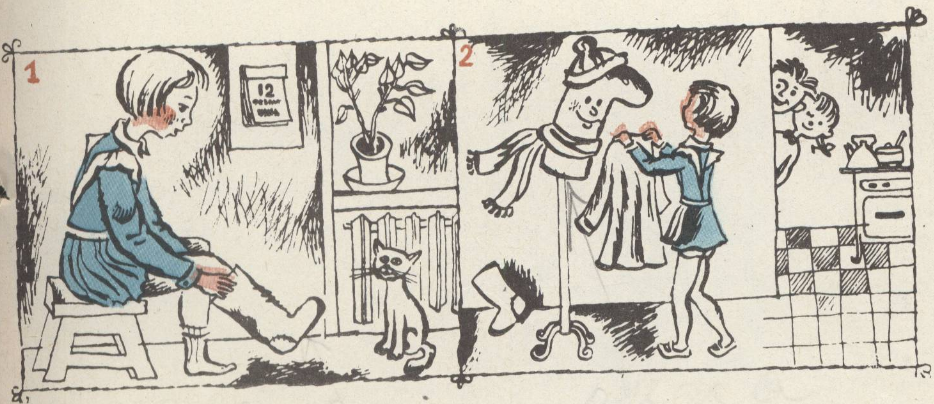
— Правильно,— поддержала Всезнайка.— Это будет *первое домашнее задание.* А теперь прочитайте, ребята, письмо, которое прислала нам пятиклассница Вика Сороченко.

Наш «Москвич» мчится по шоссе, как гончий автомобиль. Студенистый ветер швыряет в лобное стекло дождливые капли. Но дождевая погода не портит мне настроения: мы едем к Федору Капитонычу! Рядом со мной сидит Тобиас — гоночный пес, горделивая собака, скрытый характер. Вид у него хищнический, воинствующий. Быстро темнеет. Свет фар напоминает зарево пожарища. Что-то мелькает перед ветряным стеклом. Мне становится боязливо: дорога делается опасливой. Машина теперь плетется шагом и наконец останавливается около скрытного за кустами домика с дымчатой трубой. У порога нас встречают жители этого домика: лесник Федор Капитоныч, домовой еж и дымящийся кот. А на столе уже дымятся масляные пироги и луковичный суп.

— Не понимаю: при чем тут «Поставьте шалунов на место!»? — удивилась Непонимайка.— В этом сочинении — ни одного слова о шалунах.

— Конечно,— ответила бабушка Белобока.— Здесь нет слов о шалунах, но полным-полно слов-шалунов. Вот их-то и нужно поставить на место. При этом учтите, что часть близнецов попала в письмо парами, а часть в одиночку. Это *второе домашнее задание.*

И последнее задание. Посмотрите внимательно на картинки и попробуйте догадаться, какие слова-близнецы подшутили над Викой Сороченко, если на первой картинке нарисовано то, что она *хотела сказать,* а на второй — то, что у нее *получилось.*

чил также коллективный участник конкурса — шахматный кружок Дома пионеров КремГэс.

Всем ребятам, получившим спортивные разряды, Пешкин уже отправил шахматные справки.

ДВА НОВЫХ ЗАДАНИЯ

Перед вами, друзья, четвертое и пятое задания.

В этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода черному королю. Добиться этого совсем не просто, хотя у белых большой материальный перевес, а у короля черных нет свободных полей.

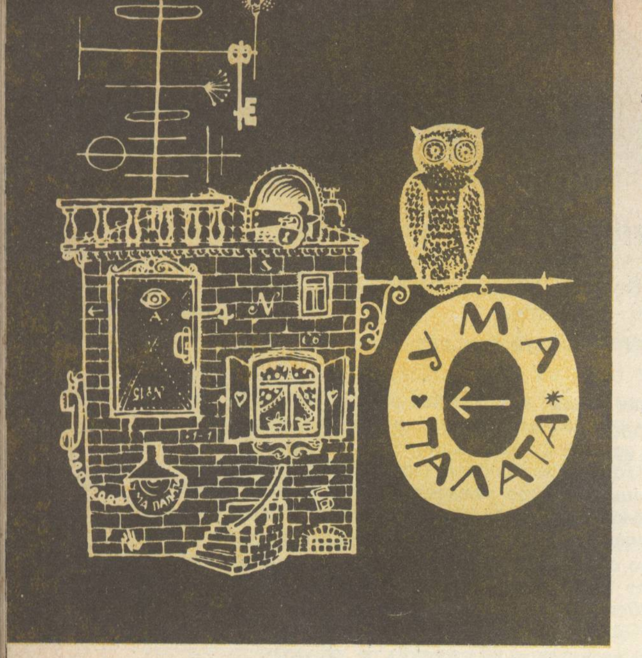

На следующей диаграмме — задача-трехходовка.

Найдите, как, начиная игру, белые дают мат в три хода черному королю. В отличие от предыдущей задачи здесь у черного короля в начальном положении два свободных поля.

ПЕШКИН ЖЕЛАЕТ ВАМ УСПЕХОВ, РЕБЯТА, И ЖДЕТ ВАШИХ ПИСЕМ.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

ПОЛУЧИТЕ В НАГРАДУ БУТЫЛКУ ЛИМОНАДУ

Десять бутылок прохладного лимонада стоят перед вами. На бутылках этикетки с разными числами. Возьмите три кольца и набросьте их на горлышки трех бутылок так, чтобы в сумме набралось ровно 50 очков.

Наберете — бутылка ваша!

ЧП В МАТЕМАТИЧЕСКОМ КЛУБЕ

В одном математическом клубе большим успехом пользовалась игра «Вижу насквозь».

Правила ее несложны. Играющие становятся в круг, в середине круга на кресло усаживается ведущий. Те, кто стоит в кругу, по очереди называют любые числа. Например: 5, 11, 27... Ведущий производит с каждым из названных чисел всегда одно и то же математическое действие. Ну, скажем, умножает числа на три и быстро говорит: 15, 33, 81... Выигрывает тот, кто первым угадает, какое действие произвел ведущий.

Попробуйте и вы поиграть в эту игру, только для начала числа берите простые и действия над ними производите несложные.

Как-то однажды один из членов клуба привел с собой девятилетнего внука. Мальчик заинтересовался игрой «Вижу насквозь». Ему объяснили, как в нее играть, и даже выбрали его ведущим. Стоявшие в кругу математики стали называть числа. И мальчик молниеносно отвечал.

Математики:	**Мальчик:**
Один	Четыре
Два	Три
Четыре	Шесть
Шесть	Пять

Математики были озадачены. Никто не мог понять, какие же действия производит с числами ведущий. Тогда один из членов клуба назвал большое число — сто сорок три, чтобы поставить мальчика в тупик.— Одиннадцать,— ответил, не моргнув глазом, девятилетний математик.

Впервые за всю историю клуба никто из математиков не смог отгадать метод мальчика.

А ВЫ ДОГАДАЛИСЬ, ЧТО ОН ДЕЛАЛ С ЧИСЛАМИ?